

05
454
№ 1190

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХъ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
А. В. КРУГЛОВА.

Ноябрь.

1909

При настоящ. книжкѣ всѣмъ годовымъ подписчикамъ разсылается 2-е безплатное приложение на 1909 г. — „На службѣ народ.“

Кончина Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Алексантра Новаго

П. Ф. Яковлевъ.

1909. Годъ третій. Ноябрь.

Дневникъ Писателя

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

иллюстрированный литературно-научный

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. В. Круглова.

Главнымъ Управл. Военно-Учебн. Заведеній „Дневникъ Писателя“ допущенъ въ ротныя библіотеки военныхъ училищъ. (Отношеніе отъ 13 авг. 1908 г. за № 18017).

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ (за № 536) „Дневникъ Писателя“ допущенъ къ выпискѣ въ библіотеки второклассныхъ и церковно-учительскихъ школъ.

Редакція „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ“: Москва, Тверская, д. гр. Олсуфьевой.

Типографія Т-го Дома М. В. Балдина и К^о. Москва, Арбатъ д. 7.

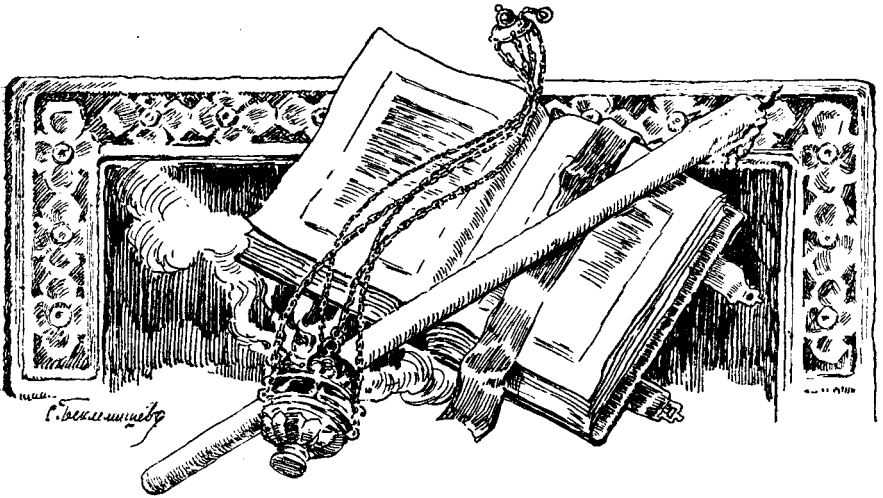
Въ журналѣ принимали, принимаютъ и будутъ принимать участіе, кромѣ **А. В. Круглова** и **А. Н. Догановичъ**, слѣд. ученые писатели и художники: **Н. А. Акимовъ**, **П. А. Аксаковъ**, **Л. Д. Александровъ**, **Л. Н. Афанасьевъ**, **М. Н. Б.**, **Н. Н. Бариновъ (Эмбе)**, проф. **А. Ф. Басовъ**, **О. П. Бахмутская**, **С. М. Битюковъ**, **М. С. Бѣлкинъ**, **П. И. Бѣляевъ**, **Д. П. Варлыгинъ**, магистръ бог. **Д. И. Введенскій**, **С. В. Витимскій**, **С. М. Власьевъ**, **И. И. Вологодскій**, **И. Н. Глухаревъ**, **К. П. Говоровъ**, **Л. Д. Гончаревскій**, **Н. А. Гребецкой**, священ. **А. М. Державинъ**, Прив. доцентъ Моск. унив. д-ръ медіц. **С. М. Доброхотовъ**, полк. генер. штаба **М. А. Дорманъ**, проф. прот. **Н. А. Елеонскій**, **А. В. Жиркевичъ**, **И. И. Житниціи**, **В. Я. Ивановъ-Еногаевскій**, **Н. П. Ивинская**, **Б. В. Каховскій**, **Н. В. Каховскій**, **Е. Н. Клетнова**, **К. Г. Конаржевскій**, **А. А. Коринфскій**, **М. А. Козыревъ**, прис. пов. **Н. Д. Кузнецовъ**, **Р. П. Кумовъ**, **И. А. Купчинскій**, **В. П. Лебедевъ**, **К. С. Лебедевъ**, **Е. Н. Ловецкая**, **М. В. Лысковскій**, **И. И. Мадробурскій**, **В. Л. Маяковъ**, священ. **М. И. Менстровъ**, **П. П. Мироносиціи**, заслуженный профессоръ **П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій**, **Н. А. Мучникъ**, докторъ медіц. **К. В. Недзвецкій**, **А. Н. Никитина**, **Н. Н. Оглоблинъ**, **М. И. Орѣшниковъ** священ. **М. А. Пеньковскій**, **Е. А. Полушкина**, **И. В. Поповъ-Пермскій**, **Я. Я. Полферовъ**, **Е. Н. Поселянинъ**, **Д. М. Ратгаузъ**, **П. И. Радинъ**, **П. А. Россіевъ**, **И. В. Роцинь**, **В. Ф. Рыжковъ**, **В. Г. Рязанцевъ**, **И. А. Савченко**, **Л. А. Самарина**, **Е. И. Свѣтова**, **К. И. Смирновъ**, **Н. П. Столпянскій**, **М. Г. Сулима**, проф. Моск. Универс. **И. Т. Тарасовъ** профессоръ **А. А. Тихомировъ**, **С. Т. Тураганъ**, **А. А. Федоровъ-Давыдовъ**, **С. Н. Хазовъ**, **Ф. И. Черновъ**, **А. А. Чумакъ**, **Ф. М. Чеботаревъ**, **С. Н. Шубинскій**, **И. П. Ювачевъ** и др. Художники: **С. В. Беклемишевъ**, **И. Е. Полушкинъ**, **А. И. Рукина-Коцугъ**, **А. И. Соколовъ**, **П. Ф. Яковлевъ** и др.

Къ свѣдѣнію авторовъ.

1) Принятія статьи въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Авторы, несогласные на это, благоволятъ оговорить свои требованія при посылкѣ статей. Необозначающимъ размѣра гонорара, таковой назначается по усмотрѣнію редакціи. Гонораръ выдается по воскресеньямъ отъ 4хъ до 5 часовъ. Расчетъ по журналу производится черезъ 10 дней по выходѣ книжки.

2) На отвѣтъ прилагается почтовая марка. Рукописи обратно высылаются только заказной бандеролью, для чего должны быть присланы марки въ соответствующемъ количествѣ. Стихи и замѣтки менѣе шест. листа не возвращаются,

3) Рукописи сохраняются 4 мѣсяца, послѣ чего уничтожаются. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 2-хъ до 3-хъ мѣсяцевъ. Неразборчивыя рукописи НЕ ЧИТАЮТСЯ. ПРОСЯТЪ ПИСАТЬ НА ОДНОЙ СТОРОНѢ ЛИСТА. *Личныя объясненія въ редакціи съ редакторомъ только по воскресеньямъ отъ 4 до 5 ч. дня; съ секретаремъ редакціи ежедневно (кроме праздниковъ) отъ 3 до 4 ч. дня.*

ВЪ ГОРОДЦѢ ВЪ 1263 ГОДУ. *)

очь на дворѣ и морозъ.

Мѣсяць—два радужныхъ свѣтлыхъ вѣнца
вкругъ него...

По небу словно идетъ торжество;

Въ кельѣ жь игуменской зрѣлище скорби
и слезъ...

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горить;
Тихо игумень предъ нимъ на молитвѣ стоитъ;

Тихо бояре стоять по угламъ;

Тихъ и недвижимъ лежитъ, головой къ образамъ,

Князь Александръ, черной схимой покрытъ ..

Страшнаго часа всѣ ждуть: нѣтъ надежды, ужь нѣтъ!

Слышится въ кельѣ порой лишь болящаго бредъ.

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горить...

Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...

Сонъ ли проходитъ предъ нимъ, иль видѣннй таинственныхъ
цѣпь—

Видитъ онъ—степь, безпредѣльная бурая степь...

Войлокъ разосланъ на выжженной солнцемъ землѣ.

Видитъ: отецъ! смертный потъ на челѣ,

*) Городецъ на Волгѣ; тамъ умеръ на возвратномъ пути изъ Орды В. К. Александръ Ярославичъ Невскій въ 1263 году.

Весь изможденъ онъ, и блѣденъ, и слабъ...

Шелъ изъ орды онъ, какъ данникъ, какъ рабъ...

Въ сердцѣ, зная, силъ не хватило обиду стерпѣть...

И простоналъ Александръ: „такъ и мнѣ умереть“...

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...

Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...

Видитъ—шатерь, дорогой, златотканый шатерь...

Тронъ золотой на пурпурный поставленъ коверъ...

Ханъ возсѣдаетъ средь тысячи мурзъ и князей...

Князь Михаилъ передъ ставкой стоитъ у дверей...

Подняты копыя надъ княжеской свѣтлой главой...

Молятъ бояре горячей мольбой...

„Не поклонюсь истуканамъ во вѣкъ“ онъ твердитъ...

Мигъ—и поверженъ во прахъ онъ лежитъ...

Топчутъ ногами и копыями колютъ его...

Ханъ, изумленный, глядитъ изъ шатра своего...

Князь отвернулся со стономъ и, очи закрывъ,—

„Я жъ“,—говоритъ, „поклонился болванамъ, чрезъ огонь я
прошелъ,

„Жизнь я святому вѣнцу предпочелъ...

„Но“—на Спасителя взоръ устремивъ:

„Боже! Ты знаешь—не ради себя—

„Многострадальный народъ свой лишь паче души возлюбя!..“

Слышать бояре и шепчутъ крестясь:

„Грѣхъ твой, кормилецъ, на насъ!..“

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...

Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...

Снится ему Ярославъ въ Новгородѣ дворъ...

Въ шумной толпѣ и мятежъ, и раздоръ...

Всѣ собралися концы и шумять...

„Всѣ постоимъ за святую Софію“—вопятъ—

„Данъ ей несутъ отъ Угорской земли до Ганзы...

„Нѣмцамъ и Шведамъ страшнѣй нѣтъ грозы...

„Самъ ты водилъ насъ, и—Биргеръ твоё

„Помнить досель на лицѣ, чай, копьё!..

„Рыцари,—памятенъ имъ пооттаявшій лёдъ!..

„Конница словно какъ въ морѣ летитъ кровяномъ!..

„Бейте, колите, берите живьемъ

„Лживый, коварный, пришельческій родъ!..

„Намъ ли баскаковъ пустить

„Грабить казну на правезъ насъ водить?

„Злата и серебра гѣры у насъ въ погребяхъ,—
 „Намъ ли валяться у хана въ ногахъ!
 „Бей ихъ, руби ихъ, баскаковъ поганныхъ, татарь!..“
 И разлилася рѣка, взволновался пожаръ...
 Князь приподнялся на ложѣ своемъ;
 Очѣ сверкнули огнемъ,
 Грозно сверкнули всѣмъ гнѣвомъ высокой души—
 Крикнулъ: „эй вы, торгаша!“
 „Богъ на всю землю послалъ злую мзду.
 Вы ли одни не хотите Его покориться суду?
 „Ломятся тьмами ордынцы на Русь—я себя не щажу—
 „Я лишь одинъ на плечахъ ихъ держу!
 „Бремя нести—такъ всѣмъ міромъ нести!
 „Дружно, что боръ вѣковой, подыматься, рости,
 „Вѣруя въ чаянье лучшихъ временъ,—
 „Все лишь въ конецъ претерпѣвый—спасенъ!..“
 Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
 Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
 Тьма, что завѣса, раздвинулась вдругъ передъ нимъ...
 Видитъ онъ: облитый словно лучемъ золотымъ,
 Берегъ Невы, гдѣ разилъ онъ врага...
 Вдругъ возникаетъ тамъ городъ... народомъ кишать берега...
 Флагами вѣютъ цвѣтными кругомъ корабли...
 Громъ раздается; корабль показался вдали...
 Правитъ имъ кормчій съ открытымъ высокимъ челомъ...
 Кормчаго всѣ называютъ Царемъ...
 Гробъ съ корабля поднимаютъ, ко храму несутъ,
 Звонъ раздается, священные гимны поютъ...
 Крышу открыли... Царь что-то толпѣ говорить...
 Вотъ—передъ гробомъ земные поклоны творить...
 Слѣдомъ—всѣ люди идутъ приложиться къ мощамъ...
 Въ гробъ жъ—князь видитъ—онъ самъ...
 Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
 Князь неподвиженъ лежитъ...
 Словно какъ свѣтъ надъ его просіялъ головой—
 Чудной лицо озарилось красой—
 Тихо игумень къ нему подошелъ и дрожащей рукой
 Сердце ошупалъ его и чело—
 И, зарыдавъ, возгласилъ: „наше солнце зашло!“

А. Майковъ.

КАМНЕТЕСЬ.

В амерь воздухъ раскаленный...
Изнемогшій, запыленный,
О судьбѣ потоки слезъ
Проливаетъ камнетесъ.
Въ вѣковой своей кручинѣ,—
А дорогою въ паланкинѣ,
Повелитель этихъ странъ,
Приближается султанъ.
Подымая взоръ отъ праха,
Молить труженникъ Аллаха:
„Ты, создавшій родъ людской,
„Возвеличи жребій мой“.

Не успѣлъ мигнуть онъ глазомъ,
Какъ въ сверкающій топазомъ
Паланкинъ перенесенъ,
Онъ въ султана превращенъ;
Подъ тяжелымъ балдахиномъ
Спитъ онъ гордымъ властелиномъ,
Но, сквозь золото парчи,
Все же жгутъ его лучи.
Наклонясь тогда къ оконцу,
Онъ велитъ напрасно солнцу
Уменьшить полдневный свѣтъ—
Солнцу чуждъ его запретъ.
Тутъ воззвалъ онъ къ небу снова:
„Не хочу пути земного,

„Въ золотыхъ хочу лучахъ,
„Солнцемъ плавать въ небесахъ“.

Только вымолвилъ моленье,
Какъ свершилось превращенье:

И съ лазоревыхъ высотъ
Онъ лучи на землю шлетъ.
Не успѣлъ онъ у султана
Воду высушить фонтана,
Какъ по небу изъ-за кручь,
Потянулся пологъ тучъ,
Отъ него скрывая землю.

„Злой обиды не приѣмлю,
„Не терплю, чтобъ кто нибудь
„Загораживалъ мнѣ путь
„Безъ стѣсненія и страху,
Обратился онъ къ Аллаху;
„Коль предѣлы есть лучу,
„Лучше тучей быть хочу“!

Все исполнилось; довольный,
Онъ несется тучей вольной
И въ просторѣ голубомъ
Мечетъ молнію и громъ,
Сѣветъ дождь и перлы града—
Какъ нежданная преграда
Надвигающихся горъ
Перерѣзала просторъ.
Въ нихъ ударившись съ размаха,
Снова молить онъ Аллаха:
„Неудаченъ выборъ мой—
„Повели мнѣ быть горой,
„Горы здѣсь всего сильнѣе“!

И вершиной пламенѣя,
Въ тверди неба голубой,
Въ бѣлой шапкѣ снѣговой,
Опоясанный туманомъ,
Онъ утесомъ—великаномъ,
Весь закованный въ гранитъ,
Крѣпко-на-крѣпко стоитъ;

Упираясь въ сводъ небесный,
 Онъ глядитъ на мѣръ окрестный
 Величаво свысока,
 Грудью рѣжетъ облака,
 И отъ солнца, для прохлады,
 Съ шумомъ мечетъ водопады,
 Разбивая водный токъ,—
 Вдругъ его кольнуло въ бокъ;
 Эта боль его волнуетъ,
 Нехорошее онъ чувствуетъ,
 Взоръ кидаетъ подь откосъ—
 Видитъ: жалкій камнетесъ
 Въ положеніи знакомомъ
 Бокъ ему калѣчитъ ломомъ;
 Злой картиной пораженъ,
 Къ небесамъ взмолился онъ:
 „Не хочу я быть утесомъ,
 „Лучше буду камнетесомъ“!

И принявъ свой прежній видъ,
 Вновь онъ киркою долбитъ
 У подошвы сѣрой кручи,
 Не завидуя ни тучѣ,
 Ни султану, ни скалѣ...
 Все условно на землѣ.

Б. Каховскій.

СЛѢПЫЕ.

(Миниатюра).

Въ маленькой, полутемной избѣ жило семейство слѣпыхъ.

Одинъ изъ нихъ былъ идиотъ. Онъ лежалъ на печи почти голый. Бѣлая, безцвѣтная кожа походила на траву, выросшую подъ камнемъ. Онъ бессмысленно улыбался и былъ самый счастливый въ семьѣ.

Когда я вошелъ въ избу, лица слѣпыхъ не повернулись на скрипъ отворившейся двери.

Имъ нечего было бояться, нечего ждать.

Я зажегъ спичку, чтобъ осмотрѣться. Полуразвалившаяся печь, земляной полъ, грязныя, прокопченныя стѣны.

Семья была слѣпа отъ рожденья и кормилась подааньемъ.

Слѣпые плохо владѣли ногами, имъ приносили пищу въ избу, когда объ нихъ вспоминали.

Въ ней протекла вся ихъ жизнь, если можно назвать это состояніе жизнью.

При моемъ входѣ слѣпые остались сидѣть молча, лица ихъ были спокойны. Они не видѣли и не сознавали всего окружающаго ихъ ужаса.

Я молча сунулъ одному изъ нихъ денегъ и вышелъ.

Что, если бы я вернулъ имъ зрѣніе? Принесло-ли бы это имъ счастье?

Не лишилъ-ли бы я слѣпцовъ ихъ счастья, не имѣя возможности дать имъ взаменъ новое счастье?

Б. Каховскій.

ВАСИЛЬКИ.

Повѣсть.

Шель я узкою межою
И шумѣла рожь кругомъ,
И мелькали предо мною
Василекъ за василькомъ.

Н. Бариновъ.

Вотъ я іюльскій жаркій день. По узкой межѣ заросшей полынью и ромашкой, шла симпатичная блондинка, лѣтъ двадцати двухъ, Елизавета Егоровна Левина и красивый молодой человекъ—Юрій Андреевичъ Заволжскій. Левина была дѣвушка образованная, родители готовили ее для свѣтской жизни и блестящей партіи; но они умерли, когда дочери едва исполнилось семнадцать лѣтъ. Потрясенная горемъ, молодая дѣвушка, бросила столицу и переѣхала къ старушкѣ теткѣ, которая безвыѣздно жила въ своей деревушкѣ, ни съ кѣмъ почти не ведя знакомства.

Лизѣ пришлось по душѣ такая замкнутая жизнь и она рѣшила навсегда остаться у тетки. Набравъ себѣ бѣдныхъ ребятишекъ, дѣвушка принялась учить ихъ, одѣвала и кормила. Когда въ деревнѣ заболѣвалъ кто нибудь, то раньше пріѣзда фельдшера или доктора у постели больного съ корзиночкой, наполненной разными лѣкарствами, появлялась Лиза и оказывала первоначальную помощь, нерѣдко очень удачную. Крестьяне полюбили дѣвушку и охотно обращались къ ней за совѣтами.

Земскій врачъ души не чаялъ въ Лизѣ и называлъ ее не иначе какъ: „нашей святой праведной Елизаветой, или ангеломъ хранителемъ бѣдняковъ.“ Отецъ Евѡимій—мѣстный священникъ также относился къ Лизѣ съ полнымъ уваженіемъ. Но зато богатыя сосѣдки не выносили дѣвушки: ихъ злила ея красота и простота, и онѣ выскивали случая, чтобы устраивать Левиной разныя неприятности.

Въ это время, въ одну изъ большихъ деревень, давно заброшенную своими владѣльцами, неожиданно пріѣхалъ новый наслѣдникъ-красавецъ и богачъ Юрій Андреевичъ Заволжскій. Это былъ молодой человѣкъ съ чуткой душой, отзывчивый на все доброе, поклонникъ прекраснаго, но въ то-же время очень невыдержанный, избалованный богатствомъ и воспитаніемъ. Мать Заволжскаго была очень болѣзненная, безвольная и безцвѣтная старушка, всецѣло находившаяся подъ вліяніемъ своего сына. Заволжскій съ дѣтства привыкъ дѣлать только то, что ему нравилось и, не смотря на большія способности, вѣроятно, остался бы даже безъ образованія, если бы не настоялъ на этомъ его опекунъ. Науки и искусства ему давались легко и онъ какъ бы шу-тя прошелъ курсъ университета. Юрій хорошо рисовалъ и прекрасно пѣлъ и игралъ. Это былъ рѣдкій баловень судьбы, руководившійся однимъ закономъ въ жизни: „Я такъ хочу“. Сосѣдки Заволжскаго, наперерывъ одна передъ другою старались заинтересовать собой красавца-богача. Къ нему то и дѣло являлись съ визитами ихъ братья, отцы и супруги.—Юрій Андреевичъ принималъ ихъ очень любезно, но тонко иронически улыбался, крутя холеной рукой красивые усы. Онъ немедленно отдавалъ всѣмъ визиты, почтительно прикладывался къ ручкамъ пожилыхъ дамъ, граціозно наклонялъ голову передъ молодыми дѣвушками, очаровывая ихъ своими манерами и обращеніемъ.

Не прошло и мѣсяца, какъ Заволжскій сдѣлался необходимымъ, для всѣхъ сосѣдей и особенно сосѣдокъ. Дамы придумывали пикники, которые всегда оканчивались ужинами у Заволжскаго. Мужчины усаживались играть въ карты, дамы играли, пѣли и веселились до усталости. Только Левины совершенно не интересовались Юріемъ и не искали знакомства съ нимъ. Въ свою очередь и Заволжскій, слыша нелестные отзывы объ отшельницахъ, хотя и не при-

давалъ особой вѣры всеѣмъ разсказнямъ о нихъ, но не имѣя недостатка въ обществѣ, не стремился къ новому знакомству. Больше всего Юрій Андреевичъ любилъ природу, а потому въ свободныя минуты ходилъ по окрестностямъ и красивые уголки заносилъ въ свой альбомъ, намѣреваясь со временемъ выполнить все это красками. Особенно любилъ Заволжскій одинъ обрывъ въ концѣ лѣса на рубежѣ его владѣній. Разъ какъ-то вставъ раньше обыкновеннаго, онъ приказалъ никого не принимать и, забравъ съ собой рисовальныя принадлежности, отправился въ лѣсъ. Подойдя къ обрыву, Юрій залюбовался открывшейся передъ нимъ картиной. Въ концѣ обрыва около рѣчки, на одномъ изъ пригорковъ, поросшихъ бархатистой зеленью, стояла прелестная дѣвушка, одѣтая въ простой темно-красный сарафанъ, съ бѣлой кисейной рубашкой и такимъ же передникомъ. Толстая коса пепельнаго цвѣта, спускалась чуть не до земли. Дѣвушка, окруженная ребятами въ вѣнкахъ изъ васильковъ, стояла спиной къ Заволжскому и не слыхала его приближенія. Дѣти наперерывъ старались надѣть вѣнокъ и на свою учительницу. Наконецъ, одной изъ дѣвочекъ удалось, подпрыгнувъ, надѣть вѣнокъ на голову Лизы. Радуюсь своей затѣѣ, дѣти принялись прыгать и хохотать. Дѣвушка хотѣла, повидимому, поймать одну изъ дѣвочекъ, обернулась за ней и только тогда замѣтила молодого человѣка и его пристальный и очарованный взглядъ. Одну секунду она какъ будто смутилась и подняла руку, намѣреваясь сорвать съ себя вѣнокъ, но тотчасъ же раздумала и продолжала игру съ дѣтьми. Заволжскій тоже растерялся, не зная—оставаться ли ему рисовать или покинуть этотъ пригорокъ. Но послѣдняго ему не хотѣлось. Подумавъ немного, онъ рѣшительно направился къ играющимъ.

— Позвольте вамъ представиться, — обратился онъ къ Лизѣ:—вашъ ближайшій сосѣдъ, художникъ Заволжскій...

— Левина—просто проговорила дѣвушка и подала ему загорѣлую, красивую руку.

— Я знаю,—продолжала Лиза,—что вы нашъ сосѣдъ и живете весело. Обрывки вашего веселья залетаютъ даже въ нашъ скромный уголокъ. Вчера, намъ отлично было слышно, какъ у васъ играли и пѣли.

— О! — воскликнул молодой человекъ, — какъ бы я былъ счастливъ если бы вы и ваша почтенная тетюшка, — согласились раздѣлить наше веселье.

Дѣвушка звонко разсмѣялась.

— Вы не знаете чего желаете. Ваши барыни терпѣть меня не могутъ и вы ихъ всѣхъ бы разогнали, пригласивъ меня къ себѣ. Нѣтъ—я вамъ очень благодарна, но я предпочитаю издали слушать ваше пѣніе, чѣмъ вызывать всеобщее недовольство.

— Ну, и пусть, ихъ всѣ развѣдутся, упрямо произнесъ онъ.

— Позвольте, — возразила Левина, — но я одна не могу замѣнить всѣхъ...

Юрію—хотѣлось крикнуть:— „можешь, можешь“, но онъ не посмѣлъ этого и вторично смѣшался. „Что это такое, думалъ онъ:—никогда ни передъ кѣмъ я не робѣлъ и не смущался, а передъ этой дѣвушкой чувствую неловкость уже во второй разъ въ продолженіе получаса,“ и хуже всего то,—что она это, кажется, замѣчаетъ!... Вдругъ раздался крикъ. Одинъ изъ дѣтей кубаремъ покотился къ рѣкѣ и перевѣсившись съ берега головой внизъ началъ что-то ловить въ водѣ руками. Левина оставивъ собесѣдника, поспѣшила на помощь къ мальчугану и зонтикомъ помогла достать изъ воды его свалившуюся новенькую шляпу. Эта сцена длилась не больше нѣсколькихъ минутъ, но она произвела сильное впечатлѣніе на Заволжскаго, рѣшившаго непремѣнно познакомиться съ Левиными. Случай помогъ ему и въ этомъ. На берегу оврага показался сельскій священникъ. Батюшка только что выкупался, и въ хорошемъ расположеніи духа возвращался домой.

— Ба! кого я вижу! — заговорилъ нараспѣвъ пріятнымъ теноркомъ о. Евѣимій:—достоинѣйшую Елизавету Егоровну и нашего такъ-сказать первѣйшаго помѣщика Юрія Андреевича!—Пріятна, сугубо пріятна такая встрѣча! А я иду съ купанья домой чайку испить и былъ бы зѣло счастливъ, если бы и вы оба пожаловали въ мой садикъ. А уже моя попадья, на радостяхъ, вѣрно найдетъ чѣмъ васъ угостить.

Отецъ Евѣимій былъ большой хлѣбосоль и отказать отъ его приглашенія значило нанести ему большую обиду.

Лиза это знала и потому немедленно согласилась. Юрій Андреевичъ только этого и ждалъ и такъ же согласился. Компания, шутя и смѣясь, направилась къ дому священника Ребятишки, простившись съ Лизой, разбѣжались по домамъ. Левина забыла снять съ головы вѣнокъ, синій цвѣтъ котораго очень шелъ къ ея пепельнымъ волосамъ. Заволжскій не переставалъ любоваться ею и твердилъ въ умѣ: „О! я непременно, непременно напишу на память съ нее Цереру (богиню цвѣтовъ). А вѣнокъ этотъ я долженъ получить и сохраню его. Я долженъ это сдѣлать и сдѣлаю!“

За чаемъ у батюшки, Лиза стала отгонять назойливую муху, коснулась рукой вѣнка и, снявъ его, бросила на ближайшій кустъ крыжевника.

Заволжскій не подаль вида, какъ обрадовался случаю, и равнодушнымъ тономъ сказалъ:

— Какъ это сплетаютъ вѣнки?—я хотѣлъ бы этому научиться; это могло бы пригодиться для моихъ картинъ.

И онъ, какъ бы машинально, взялъ съ куста вѣнокъ.

Лиза, занятая разговоромъ съ попадьей, даже и не замѣтила этого. Юрій спокойно положилъ вѣнокъ въ свой альбомъ, а послѣдній опустилъ въ большую папку футляра, который и заперъ на ключъ. За чаемъ, Юрій Андреевичъ высказалъ матушкѣ свое завѣтное желаніе и она взялась помочь ему устроить это знакомство.

— Тетушка Елизаветы Егоровны старушка предобрѣшная, сказала Анастасія Александровна,—что они съ здѣшними барынями то знакомство не водятъ, такъ это ихъ дѣло. А вотъ насъ они принимаютъ очень хорошо и сами къ намъ частенько заглядываютъ. И вамъ, какъ художнику, будутъ очень рады, потому что Софья Петровна желаетъ давно образъ св. Елизаветы къ намъ въ церковь пожертвовать, да все некому заказать-то... Заволжскій никогда въ жизни не писалъ ни одного образа, но теперь онъ обрадовался предложенію попадьи и съ восторгомъ согласился приняться за работу хоть сейчасъ же. Было рѣшено немедленно всѣмъ отправиться къ Софьѣ Петровнѣ. Лиза оставалась, повидимому, безучастна и послѣдовала за другими. Анастасія Александровна побѣжала впередъ предупредить Софью Петровну, которой сообщила также и о согласіи Заволжскаго исполнить заказъ. Благодаря этому гость былъ принятъ чуть не съ

распростертыми объятіями. Далѣе онъ очаровалъ старушку своею любезностью и скоро онъ сдѣлался въ ея домѣ чуть не ежедневнымъ гостемъ. Неизвѣстно, самъ ли онъ написалъ образъ, или заказалъ кому нибудь, но разговоры про образъ были безконечны. Лиза держалась съ Заволжскимъ просто и дружески, что ему вовсе не нравилось. Прочія дамы держались совершенно иначе, проявляя гораздо больше интереса къ его личности. Но дѣвушка ничего подобнаго не проявляла. Она всегда очень радушно встрѣчала его и съ удовольствіемъ слушала его мастерское пѣніе и чтеніе. Юрій привыкъ слышать отъ другихъ себѣ похвалы. Лиза же точно застывала во время его пѣнія и лишь послѣ всѣхъ похвалъ вдругъ точно просыпалась и какимъ то низкимъ особеннымъ голосомъ говорила:

— „Да, хорошо, очень хорошо.“—Одинъ только разъ, когда Юрій исполнилъ съ ней дуэтъ (Распятіе), Лиза со слезами на глазахъ крѣпко пожалала ему руку, сказавъ:

— Ну, Юрій Андреевичъ, если ваше сердце, хоть наполовину, такое чудное, какъ ваше исполненіе этой дивной вещи, то вы уже незаурядный человѣкъ!

Для Юрія была такъ неожиданна и такъ лестна эта похвала въ устахъ такой серьезной музыкантши, какая была Лиза, что онъ вспыхнулъ отъ удовольствія до корней волосъ и бросился съ жаромъ цѣловать руки Лизы. Но это было единственная похвала, которой онъ дождался отъ дѣвушки.

Чаще всего Лиза гуляла по обрыву или оврагу и срывала росшіе на межѣ васильки.

Лиза любила въ жаркіе дни забраться куда нибудь въ прохладную тѣнь лѣса, съ книгой въ рукахъ и наслаждаться природой, которая какъ бы замираетъ въ сладкой истомѣ. Здѣсь ее встрѣтилъ Заволжскій и они пошли вмѣстѣ. По дорогѣ Лиза увлеклась сборомъ васильковъ, росшихъ здѣсь въ изобиліи. Юрій былъ очень задумчивъ. Ему не разъ уже приходилось слышать шопотъ прислуги, которая называла его женихомъ Лизы. Онъ часто подмѣчалъ тревожно-вопрошающій взглядъ старухи тетки, когда они возвращались съ дальней прогулки. Все это волновало Заволжскаго. Слова рвались съ языка, но онъ не смѣлъ ихъ произнести, обезоруженный невозмутимымъ спокойствіемъ Лизы. Въ

этотъ день, когда вся природа особенно какъ то ликовала, Юрій жаждалъ ласковаго слова спутницы; но она вся была занята лицъ васильками. Изрѣдка, впрочемъ, и ея лицо отражало волненіе, но кто могъ разгадать, что его вызвало? Наблюдая ее, Юрій невольно припомнилъ стихи Некрасова: „Думы дѣвичьи завѣтныя, гдѣ васъ всѣ-то разгадать, легче камни самоцвѣтные на днѣ моря сосчитать“... —И онъ не рѣшался сказать того, чѣмъ переполнено было его сердце. Заглядѣвши на Лизу и углубившись въ свои думы, Юрій не замѣтилъ довольно глубокой ямы на дорогѣ и оступился. Отъ неожиданности и сильной боли въ ногѣ, Заволжскій падая, вскрикнулъ и на мгновеніе закрылъ глаза. Услыхавъ его крикъ и видя его лежащимъ на землѣ съ закрытыми глазами, Лиза вообразила, что съ нимъ случился ударъ или обморокъ и побросавъ васильки, стремительно бросилась къ нему. Первой мыслью Юрія было открыть глаза и объяснить дѣвушкѣ, что никакой опасности нѣтъ; но, вдругъ, перемѣнивъ намѣреніе, онъ рѣшился „остаться въ обморокъ“, чтобы узнать какъ отнесется тогда къ нему Лиза. Солнце жгло немилосердно и немудрено, что лицо Юрія казалось очень краснымъ. Это очень испугало Лизу и думая, что больной безъ сознанія, она воскликнула:

— „Боже мой, Боже, что съ нимъ?!“ „Господи! спаси! сохрани!—Милый, дорогой мой, что съ тобой?“ и говоря это, Лиза старалась приподнять голову мнимаго больного.

— Воды бы, воды бы нужно достать скорѣе!... продолжала она, и, собравъ свои цвѣты и книги, подложила ихъ подъ голову Юрія, а сама поспѣшила къ ручью. Но вотъ бѣда: во что зачерпнуть воды? Не долго думая, Лиза срываетъ свою шляпу, устилаетъ ея дно широкими листьями прибрежной травы и, зачерпнувъ полную туюлю воды, спѣшитъ снести ее больному. Всѣ мысли Лизы устремлены на шляпу, изъ которой пробивается и течетъ вода. Въ страхѣ, что вода вся исчезнетъ, Лиза не замѣчаетъ, что мнимый больной лежитъ съ открытыми глазами и лицо его сіяетъ отъ счастья...

— Лиза, сокровище мое! жизнь моя, счастье мое!... слышитъ дѣвушка въ то время, когда намѣревается освѣжить водой голову Юрія. Лиза переводитъ глаза на больного и встрѣчаетъ его горячій взглядъ. Вода проливается изъ дрожащихъ рукъ, которыя сильно сжимаетъ Заволжскій, со

словами любви и ласки. Лицо Лизы вспыхиваетъ какъ зарево, но она скоро приходитъ въ себя и, освободивъ руки, тихимъ, но твердымъ голосомъ произноситъ:

— Подождите, подождите, Юрій Андреевичъ, выслушайте меня. Ну, какая я вамъ невѣста? Я дѣвушка бѣдная—вы богаты. За вами всѣ гонятся... Вы,—извините за правду,—избалованный, большой эгоистъ. Я не привыкла къ деспотизму. Вы свѣтскій человѣкъ, а я люблю уединеніе. Подумайте: развѣ же мы составимъ согласную пару? Я вамъ очень благодарна за ваше расположеніе, за ту честь, которую вы мнѣ дѣлаете, но я,—тутъ Лиза запнулась и слезы послышались въ ея голосъ:—я все-таки не могу принять вашего предложенія. Вы скоро, скоро поймете, что я была права, хотя теперь я вижу и чувствую, что слова мои васъ ранятъ... Признаюсь, что я васъ тоже люблю, но именно потому, я и не хочу причинить вамъ горе. Союзъ нашъ не будетъ крѣпокъ. Вы скоро поймете, что я вамъ не пара. Вы меня бросите, но я не изъ тѣхъ, кого бросаютъ и вы не изъ тѣхъ, отъ кого уходятъ. Что-же мы тогда будемъ дѣлать? Нѣтъ, лучше теперь же разойтись друзьями. Если вамъ легче не видѣть меня, то уѣзжайте; если желаете остаться—оставайтесь, но больше не говорите, мнѣ о своемъ чувствѣ. Пожалѣйте и меня.—Юрій стоялъ блѣдный какъ мертвецъ. Онъ самъ не зналъ отчего онъ больше страдалъ, отъ отверженной ли любви или оттого, что первый разъ въ жизни онъ слышалъ отказъ въ своемъ желаніи и такой отказъ, какого онъ не предвидѣлъ. Онъ любилъ Лизу, но при всей своей любви онъ все время чувствовалъ, что его предложеніе, его женитьба на ней осчастливить бѣдную дѣвушку. Онъ, какъ бы снисходилъ до нея, но никогда и мысли не допускалъ, чтобы она могла отвергнуть его. Всѣ женщины, смотрѣли на него съ восторгомъ. Горечь, обида, отчаяніе, злоба бушевали въ его груди. Онъ молчалъ, только нервная дрожь пробѣгала по его лицу и кровь точно молоткомъ стучала въ вискахъ. Лиза первая прервала молчаніе.

— Протяните мнѣ на прощанье руку, дорогой другъ, сказала она, подавая ему свою, трепетавшую и холодную какъ ледъ.—Заволжскій схватилъ эту руку и снова началъ ее покрывать поцѣлуями.

— Пойми, Лиза, что я безъ тебя жить не могу!—восклик-

нуль онъ.—Я не знаю, что будетъ потомъ, да и кто угадаетъ будущее? Но теперь твой отказъ равняется для меня смертному приговору. Пойдемъ къ тетѣ, она можетъ быть лучше тебя пойметъ меня и будетъ—моимъ адвокатомъ.

— Пойдемте, согласилась Лиза: но если мой отказъ, для васъ равняется смерти, то помните, что и ваша перемѣна ко мнѣ (а она должна случиться, я это чувствую) будетъ моей духовной смертью. Жизни я себя не лишу, нѣтъ, но я отдала вамъ душу, а жизнь безъ души,—та же смерть!

Тетушку они застали въ саду, въ тѣни развѣсистой липы. Старушка поджидала ихъ, о чемъ то глубокозадумавшись. Софья Петровна давно поняла, что Лиза любитъ Юрія, но видѣла также, что дѣвушка борется съ чувствомъ, и догадалась о причинѣ этой борьбы.

— Тетя, тетя! вырвалось у появившагося Заволжскаго, который раньше никогда такъ не величалъ старушки:—тетя, дорогая, помогите намъ вашимъ совѣтомъ. Я прошу, я умоляю Лизу... Елизавету Егоровну быть моей женой, дать мнѣ это счастье, а она отказывается... Долго и пламенно говорилъ Юрій; опустивъ сѣдую голову, слушала его старушка. Въ ея душѣ, въ это время боролись два чувства: съ одной стороны Софья Петровна сознавала силу богатства и ей хотѣлось видѣть свою любимицу хозяйкой огромныхъ владѣній Заволжскаго, съ другой—старушка признавала, всю правоту Лизы. Софья Петровна знала, что если Лиза обманется въ своихъ лучшихъ чувствахъ, если любовь Юрія окажется только вспышкой чувства празднаго баловня судьбы, то богатство не дастъ счастья ея внучкѣ. Потерявъ любовь мужа, Лиза отринетъ и его богатство. Всѣ эти думы волновали старушку и она долго не давала отвѣта.

— Скажите же что нибудь, наконецъ, тетя! воскликнулъ нетерпѣливо Заволжскій.

— По моему, милый Юрій Андреевичъ, промолвила Софья Петровна,—вамъ остается одно: или, дѣйствительно, уѣхать и не бывать у насъ, или же забыть объясненіе и остаться тѣмъ добрымъ сосѣдомъ, какимъ вы были до сихъ поръ. Оставьте: „судьба устраиваетъ все по своему“. Изучайте другъ друга, смотрите: можете ли вы, способны ли вы оба на взаимныя уступки, безъ которыхъ семейное

счастье немислимо, какъ бы ни была сильна и велика любовь. А тамъ время покажетъ что вамъ дѣлать. Другого исхода пока я не вижу. Если же вамъ легче не видѣть Лизы—то что же дѣлать, разоидитесь друзьями и не поминайте другъ друга лихомъ.

— „Что вы, что вы тетя, да я лучше себѣ языкъ отрѣжу, но останусь съ вами! Для меня теперь не видѣть, Елизаветы Егоровны все равно, что не жить! съ отчаяніемъ воскликнулъ молодой человѣкъ.

II.

Часто не заслуженное горе и не заслуженное страданіе сообщаютъ человѣку такую энергію, какихъ не дало бы ему счастье.

А. Дюма-сынъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ жизни нашихъ героевъ ничего не перемѣнилось. Софья Петровна попрежнему занималась хозяйствомъ. Отецъ Евѣимій съ женою продолжали дружить съ Лизой. Земскій врачъ все больше и больше восторгался дѣвушкой, косился на Заволжскаго, чувствуя въ немъ соперника. Подошло время къ зимѣ. Погода стояла убійственная. Вѣтеръ бушевалъ съ такою силою, что, казалось, хотѣлъ все смести съ лица земли. Сверху сыпалась какая-то ледяная крупа и залѣпляла глаза.

Въ уютной пріемной Лизы топился каминъ и его теплота и полусвѣтъ манили къ себѣ и располагали къ мечтамъ. Но Лиза не сидѣла на своемъ любимомъ мѣстѣ; она нервно ходила по комнатѣ. То приближалась къ окну и прикладывала горячій лобъ къ стеклу, то устремлялась на лѣстницу, гдѣ ей слышались хорошо—знакомые шаги. Но никого не было. Она не выдержала и воскликнула:

— Что же это, тетя? гдѣ могъ пропасть Юрій? Вѣдь онъ обѣщалъ непремѣнно быть къ семи часамъ, а уже теперь девять, а его все нѣтъ. Какъ вы думаете: что могло съ нимъ случиться? неужели его убили на дорогѣ? Вѣдь въ наше время это легко можетъ статься.—Софья Петровна только что хотѣла отвѣтить, какъ на дворѣ раздался говоръ и шумъ

нѣсколькихъ голосовъ, хотя изъ за вьюги и нельзя было ничего разобрать. Поблѣднѣвшая Лиза сбѣжала съ лѣстницы, но на послѣдней ступенькѣ она столкнулась съ Заволжскимъ. Онъ былъ живъ и невредимъ, но взволнованные нервы Лизы не выдержали и, зарыдавъ, дѣвушка упала головой на плечо Юрія.

— Голубка моя дорогая!—нѣжно промолвилъ обрадованный Юрій:—что съ тобой? чего ты испугалась, что тебя такъ встревожило?

Лиза не отвѣчала. Юрій понялъ все безъ словъ, взялъ на руки Лизу и отнесъ ее въ комнату Софьи Петровны. Тетка дрожащими руками вынула изъ кіота старинный образъ Богоматери и благословила жениха и невѣсту. Буря на дворѣ бѣшено выла. Но въ комнатахъ Левиныхъ ее никто не замѣчалъ. Было подано шампанское. Кто-то даже сбѣгалъ за батюшкой и отецъ Евѣимій съ женою, перемокшіе отъ снѣга, но въ лучшихъ своихъ нарядахъ, появились за чайнымъ столомъ. Восторгъ Юрія былъ неописуемъ. Онъ цѣловался со всѣми, и щедро награждалъ деньгами прислугу.

Радостно возбужденный, Юрій то смѣялся до упада, то чуть не плакалъ отъ счастья.

Съ этого вечера жизнь Лизы и ея жениха превратилась въ земной рай. Каждая ея прихоть исполнялась, желанія предупреждались. Сосѣдки сердились на Левину и въ особенности тѣ, у которыхъ оставались на рукахъ дочери-невѣсты. Не было мерзости, которую бы мамыши не распустили про Лизу. Одна изъ ближайшихъ сосѣдокъ Заволжскаго была старая графиня Можайская. Сама графиня была лицо безцвѣтное и безхарактерное; въ домѣ всѣмъ распоряжалась ея компаньонка, мистрисъ Эмилиа Мооръ. Мистрисъ Эмилиа по своему происхожденію была дочь простой чухонки, но имѣя красивую наружность и очень хитрый и пронырливый умъ, она къ двадцати пяти годамъ съумѣла сдѣлаться женой богатаго стараго негоціанта и уже стала называться мистрисъ Мооръ. Но мужъ ея скоро умеръ, дѣла послѣ него оказались запутанными и лѣтъ черезъ шесть мистрисъ Мооръ, „Морка“, какъ ее звала вся прислуга въ домѣ графини, очутилась въ положеніи ея спутницы и компаньонки. Мистрисъ Мооръ была ханжа и имѣла

большую склонность къ сплетнямъ и интригамъ. Молодые люди боялись ее больше огня, а потому старались всегда съ нею быть любезны. Пожилые объ ней отзывались съ какой-то холодной почтительностью. Прислуга, особенно мальчишка садовникъ фыркаль, когда говорили про „Морку“ и сплеталъ разныя исторіи. Но въ общемъ, набожность Мооръ ставилась ей въ заслугу. И когда съ кѣмъ нибудь случилось несчастье—всегда говорили: „надо послать за мистрисъ Мооръ. Она одна успокоитъ страждущую душу.“

Разъ какъ то, такъ случилось, что Лиза, уставъ отъ хлопотъ и свадебныхъ приготовленій, объявила Юрію, что она хочетъ уѣхать въ ближайшій монастырь на цѣлыя сутки. Юрій, боясь показаться эгоистомъ, согласился отпустить ее. Заволжскому день въ отсутствіи любимой дѣвушки казался вѣчностью. Подъ вечеръ онъ положительно не могъ высидѣть дома и рѣшился сдѣлать длинную прогулку, послѣ которой мечталъ крѣпко уснуть и проспавъ какъ можно дольше, чтобы скоротать время до пріѣзда невѣсты. Выйдя изъ деревни, Юрій свернулъ на обходную дорожку. Послѣдняя вилась по берегу рѣчки и благодаря красивымъ видамъ часто посѣщалась Лизой. Здѣсь были сдѣланы скамейки и сюда часто приходила счастливая парочка. Вечеръ выдался дивный; послѣдніе лучи заходящаго солнца нѣжно ласкали землю, точно прощаясь съ нею до другого утра. Юрій присѣлъ на любимую скамью Лизы и задумался о дѣвушкѣ. Онъ припомнилъ профиль Лизы, когда она сидѣлась нимъ рядомъ, ея манеру какъ то ежиться, когда онъ ей говорилъ какую-нибудь любезность: но особенно ясно ему вспомнился разговоръ по поводу восхода и заката солнца. Лиза, отличавшаяся очень чистымъ и правильнымъ выговоромъ, не могла часто произнести букву Л и произносила эту букву какъ-то особенно своеобразно и это своеобразное произношеніе сильно нравилось Юрію и онъ въ разговорѣ нарочно заставлялъ свою любимицу повторять слова, гдѣ встрѣчалась эта буква.

— Лизочка, скажи,—какіе лучи ты любишь больше: восходящаго солнца или заходящаго?

— Я люблю и тѣ и другіе, отвѣчала Лиза, — но лучи заходящаго солнца, какъ запоздалый осенній цвѣтокъ, мнѣ дороже. Послѣдній наводитъ на меня какую-то тихую грусть.

Когда я была лѣтъ шестнадцати, я встрѣтила однажды на монастырскомъ кладбищѣ пожилую женщину; она припала къ могилѣ и лежала такъ тихо, что мнѣ показалось, будто она спитъ, или находится въ обморокѣ. Боясь послѣдняго, я подошла къ ней и готовилась уже ее поднять, какъ вдругъ замѣтила, что ея плечи едва замѣтно вздрагивали, а губы тихо, шептали:— „Ты былъ мой послѣдній, любимый заходящій лучъ. Ты погасъ, и съ тобой утасла моя жизнь. Зачѣмъ ты, взявшій мое сердце, мою душу, не взялъ съ собою въ могилу меня? Зачѣмъ? зачѣмъ ты меня оставилъ одинокою, никому ненужную влачить эту невыносимую жизнь?... Возьми, возьми меня, мой чудный лучъ!“—О, какъ ужасны были эти безотрадныя, тихія слезы старости! Съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла эту бѣдную женщину я еще сильнѣе полюбила заходящіе лучи и мнѣ еще грустнѣе смотрѣть на нихъ.—Долго вспоминалъ Юрій слова и выраженіе лица Лизы, и тихая грусть прокралась и въ его сердце. Юрій всталъ и хотѣлъ пойти дальше, но передъ нимъ появилась мистрисъ Мооръ и ея тягучій голосъ вкрадчиво прозвучалъ:

— „А-а-а! М-г За-вол-жск-ій, к-а-къя ра-да васъ видѣть!“—Она почему-то особенно крѣпко и сочувственно пожала его руку и впиалась въ него своимъ до тошноты соннымъ взоромъ. Юрій не обратилъ никакого вниманія ни на пожатіе, ни на этотъ взглядъ грустнаго сожалѣнія. Онъ спѣшилъ раскланяться и продолжать прогулку. Но отъ Мооръ не легко было отдѣлаться.— „Что это: вы грустите по уѣхавшей невѣстѣ? задала она вопросъ.

— А вы откуда знаете, что она уѣхала?—

— Помилуйте, кто же этого не знаетъ! „Шила въ мѣшкѣ не утань!“—Мооръ очень любила говорить пословицами.— Я только удивляюсь, что вы, человѣкъ умный, можете такъ легко относиться къ выходкамъ вашей невѣсты.—

— Что?.. вскипѣлъ Юрій,—какой выходкѣ, что вы этимъ хотите сказать?

— А то, что пускать невѣсту съ докторомъ въ узенькой крохотной телѣжкѣ болѣе чѣмъ не простительно и опасно для здоровья. Изъ этого неудобнаго экипажа можно легко упасть и неприлично для молодой дѣвушки два-три часа подрядъ сидѣть чуть не на колѣняхъ у молодого человѣка,

который, кстати сказать, въ нее влюбленъ и не имѣеть никакихъ ни устоевъ ни принциповъ въ жизни. Мнѣ вась жаль, душевно жаль, а ее я отказываюсь понимать, и...

Но Юрій уже не слушалъ дальше никакихъ разсужденій. Онъ вспыхнулъ негодованіемъ и, какъ раненый звѣрь бросился къ теткѣ Лизы. Но ее не засталъ дома и никто не могъ сообщить ему куда она ушла. Это еще больше взволновало Заволжскаго. Въ его головѣ возникли ужасныя предположенія. А тутъ какъ нарочно на возвратномъ пути онъ увидѣлъ бѣжавшаго одного изъ его приказчиковъ.

— Пахомъ, куда ты?—окликнулъ его Заволжскій.

— Бѣда, батюшка, Юрій Андреевичъ, бѣда съ моей бабой приключилась, растерянно отозвался тотъ.—Надо доктора, а его третій часъ ищу да найти не могу и куда онъ могъ дѣваться, когда о сю пору онъ всегда бывалъ дома!—

— Да ты-бы спросилъ у его домашнихъ, гдѣ онъ?—прохрипѣлъ Юрій и самъ испугался своего голоса. Но Пахомъ, встревоженный болѣзнью жены, не замѣтилъ разстройства барина. А потому и робурчавъ что-то непонятное, онъ опять бросился бѣжать въ противоположную сторону, вѣроятно, надѣясь тамъ застать доктора. Юрію ничего не оставалось какъ отправиться домой. Но по дорогѣ ему пришла другая мысль. „Нѣтъ, коли такъ, то я сейчасъ верхомъ поскачу въ монастырь, узнаю тамъ все и накрою голубчиковъ“. Фу!—нѣтъ, что я за вздоръ говорю? Можетъ ли что грязное коснуться чистой души Лизы?—И онъ началъ было успокаиваться отъ этой мысли. Но черезъ нѣсколько минутъ ревность вернулась снова, и Заволжскій бросился въ конюшню. Своими холеными руками онъ осѣдлалъ лошадь и во всю прыть помчался къ монастырю. Путь былъ не близокъ. Надо было проскакать цѣлыхъ сорокъ верстъ. Но для Юрія не существовало ни пространства ни времени. Бѣдный „Соколь“—чудная лошадь Юрія—изнемогала отъ усталости и боли, отъ непривычныхъ для нея ударовъ хлыста. А Юрій все скакалъ и скакалъ, пока не добрался до монастыря. Но тутъ его ожидалъ новый ударъ. Ворота монастыря были заперты и привратница, мать Агафоклія, никоимъ образомъ не соглашалась ни открыть ворота, ни идти съ докладомъ матери игуменьи. На всѣ доводы и просьбы Юрія, даже на

его деньги, которыя онъ сунуль ей въ руку, монахиня отвѣчала одно и то-же:

— А ты повремени, молодчикъ милый, до утрени, таперича уже не долго. Вотъ ударять въ колоколь такъ ты и иди со Христомъ, спроси мать Агнью, она-те и укажетъ, какъ до матери игуменьи добратъся. А теперъ пока, ты конягу своего привяжи къ столбу, да постучи-ка вонъ въ эту хибарочку-то, тамъ живетъ старичекъ добрый, онъ твоего конягу и сбережетъ и напоить, а то вишь ты какъ животину-то замучилъ—грѣхъ это.—И привратница стала охать и зѣвать, крестя свой беззубый ротъ.

— Да ты не видала-ли,—приставалъ къ ней Юрій,— была у васъ тутъ сегодня барышня Левина съ докторомъ? — „Нѣтъ, батюшка; спаси Христось, не видала, а може и видѣла да запамятовала. Вѣдь тутъ всякаго рода людского перебивало много, гдѣ ихъ всѣхъ то упомнить! О-охъ! грѣхи наши тяжкіе!...“

Юрій понялъ, что ему здѣсь ничего не добиться и давъ немного отдохнуть измученной лошади, поѣхалъ обратно.

III.

И я иду къ тебѣ мою печаль повѣдать,
Согрѣться сердцемъ и ожить,
И научиться вновь надѣяться и вѣрить,
Чтобъ дальше жить!

А. Кругловъ.

Ночь была дивная. Мѣсяць сіялъ во всей своей красѣ, купая лучи въ прозрачной рѣчкѣ. Лѣсъ стоялъ, какъ заколдованный, словно боясь пошевелить хоть однимъ листочкомъ. Только осина не могла справиться со своей тоской и вся нервно дрожала. Жутко и хорошо въ такую ночь. Но Юрій не замѣчалъ ни красоты этой волшебной ночи ни того, что его любимый конь давно оставилъ рѣзвую рысь, и плелся шагомъ, опустивъ голову. Только къ утру дотащился Заволжскій до воротъ своей усадьбы, вблизи которой снова повстрѣчалъ мистрисъ Мооръ. Мистрисъ, медленно подошла къ всаднику и окликнула его:

— Остановитесь, М-г Заволжскій, я имѣю нѣчто сооб-

шить вамъ. Я видѣла, какъ полчаса тому назадъ, докторъ привезъ вашу невѣсту, приче́мъ она, т.-е. m-elle Левина была закутана въ платокъ и качалась какъ пьяная или сонная, а докторъ поддерживалъ ее за талію, иначе она свалилась бы. Онъ довезъ ее до калитки сада, съ большою нѣжностью вынулъ ее изъ телѣги, поставилъ на землю, а самъ мигомъ пустился обратно вскачь. Видно онъ побаивался васъ. Да вы, Юрій Андреевичъ, кажется, не слушаете меня? Вотъ и старайся для своего ближняго! Ну если такъ, то прощайте!

И Мооръ величественно удалилась, вздыхая о людской неблагодарности.

А Юрій слѣзъ съ лошади, пустилъ ее разыскивать свое стойло, а самъ крупными шагами пошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Черезъ часъ гонецъ ѣхалъ съ его письмомъ къ Лизѣ. Яркое солнышко залило всю комнату, спавшей еще Лизы. Софья Петровна уже нѣсколько разъ подходила къ ея кровати, но ей жаль было будить утомленную дѣвушку. Она знала отъ горничной, гдѣ и за какимъ святымъ дѣломъ Лиза провела всю ночь. „Пусть ее поспитъ и понѣжится дорогая моя!“ шептала старушка и уходила обратно. Но вотъ принесли письмо отъ Заволжскаго и посланный немедленно уѣхалъ, не дождавшись отвѣта, не зайдя даже поболтать по обыкновенію, на кухню.—Ну, теперь—сказала старушка, получивъ письмо:—поневоля́ надо разбудить мою голубку, а то чего добраго вслѣдъ за письмомъ то и самъ голубь пожалуетъ. Вѣдь онъ ухъ какой кипятокъ! Надо будить ее ничего не подѣлаешь!..—„Вставай, милая дѣтка, и читай посланье отъ твоего суженаго, сказала она дѣвушкѣ“.—Эти слова мигомъ прогнали сонъ Лизы. Она быстро схватила письмо, но, пробѣжавъ нѣсколько строкъ, вскрикнула и забилась въ такой истерикѣ, что у Софьи Петровны отъ страха и жалости ноги подкосились.

— Дѣвочка, моя, Господь съ тобой, что-ты! опомнись, приди въ себя! Матерь Божія, спаси и помилуй ее! И старушка, чуя что-то недоброе, притворила дверь отъ любопытныхъ слугъ и какъ только могла, стала успокаивать племянницу. Долго плакала бѣдная невѣста. Наконецъ, бросившись на шею къ теткѣ, она, задыхаясь, проговорила:

— Тетя, прочти сама письмо! Затѣмъ немедленно вели

уложить мои вещи. Я не могу сама, силъ не хватитъ.. Я уѣду, уѣду немедленно куда глаза глядятъ, чтобы только не переживать здѣсь на глазахъ у всѣхъ свой позоръ отверженной невѣсты. Не могу!—Рыданія возобновились съ прежнею силою. Старушка прочла письмо и сразу словно постарѣла на десять лѣтъ. „Да, да, щептали ея губы, ужъ если теперь, ничего не видя, заподозрить мою голубку въ такой грязной исторіи, то что же будетъ дальше? Какова будетъ, ея жизнь? Отецъ его свою жену плетью стегалъ, да и сынокъ то видно въ него пошелъ. Ну, нѣтъ, не на такую напаль!.. Лиза скорѣе умереть, а за тебя не выйдетъ. А вѣдь любить она несчастная, охъ, какъ любить. Не умѣетъ она шутить любовью. Пожалуй, и впрямь Богу душу отдастъ. Ну, да на все Божья воля. Ужъ коли на то пошло, то лучше и впрямь къ Богу итти, чѣмъ на издѣвательства къ такому самодуру.

Закутавъ Лизу теплымъ платкомъ и уложивъ ее въ кровать, старушка пошла отдавать распоряженія и послала за отцомъ Евѳиміемъ и его женою. Послѣдняя весь день провела въ комнатѣ Лизы. Отецъ Евѳимій, что-то долго писалъ, пересматривалъ какія-то книги и бумаги. Въ полночь онъ отслужилъ напутственный молебень, а чуть забрезжила утренняя заря, большой тарантасъ и двѣ нагруженные телѣги выѣхали изъ усадьбы къ ближайшей станціи. Лиза сидѣла, прислонясь къ подушкамъ, и цвѣтъ ея лица, нельзя было отличить отъ бѣлыхъ наволокъ. Она молчала всю дорогу и только крѣпко сжимала руку попадаѣ, заливавшейся слезами.

Поѣздъ уже стоялъ на станціи. Отецъ Евѳимій дрожащей рукой благословилъ старушку и Лизу, обнялъ ихъ и крѣпко поцѣловалъ. Анастасія Александровна послѣдовала его примѣру. Сторожъ далъ послѣдній звонокъ. Раздался свистокъ и паровозъ, кряхтя и скрипя колесами, удалился отъ станціи.

Заволжскій очень страдалъ. Расскажи ему исторію про его Лизу какая нибудь другая сосѣдка, а не солидная Мооръ, онъ ни слову не повѣрилъ бы и разлома не случилось бы. Распаленный ревностью, онъ не справился со своимъ необузданнымъ и слабымъ характеромъ и отдался во власть гнѣву и отчаянію. Отправивъ Левиной рѣзкое письмо

онъ даже не перечиталъ его, не подумалъ надъ нимъ и если бы вскорѣ его спросили: что онъ писалъ? онъ, пожалуй, не могъ бы припомнить всего, что сорвалось съ пера. Случись тогда около него другъ, который удержалъ бы и вразумилъ его,—Юрій быстро увидѣлъ бы свою опрометчивость и неправоту. И Заволжскій, отославъ роковое письмо, метался въ агоніи ревности по своему обширному кабинету. Не прошло и часу, какъ онъ началъ звонить съ неимовѣрной силой,—рискуя оборвать звонки,—и спрашивалъ, нѣтъ ли отвѣта? Но отвѣтъ не приходилъ. А Юрій все больше и больше хмелѣлъ отъ своихъ мыслей. Голова горѣла, въ вискахъ стучало, словно молотомъ. Послѣ безсонной ночи и нервнаго возбужденія, его мучила ужасная жажда. Не желая никого звать, онъ самъ пошелъ къ буфету и изъ первой попавшейся бутылки налилъ себѣ полный стаканъ и мигомъ осушилъ его. Это оказалось дорогой старой мадерой. Она быстро ударила въ голову и Юрій, бросившись на диванъ, уснулъ тяжелымъ, крѣпкимъ сномъ. Проснулся онъ, когда уже была ночь. Онъ позвонилъ и спросилъ: не получено ли письмо отъ Лизы? Но письма не было. Заволжскій хотѣлъ было немедленно ѣхать самъ и уже отдалъ приказаніе сѣдлать лошадь, но взглянувъ на часы, увидѣлъ, что слишкомъ поздно, у Левиныхъ всѣ спятъ, а потому волей не волей остался дома. Молчаніе Лизы его бѣсило и отчасти пугало. Онъ сталъ припоминать содержаніе своего письма, нашелъ его не въ мѣру дерзкимъ и это еще болѣе усилило его отчаяніе. Попадись ему въ эту минуту Мооръ, онъ былъ бы въ состояніи убить ее. Но Мооръ намѣтила себѣ планъ дѣйствій, въ который входило ея временное отсутствіе. Юрій готовъ былъ уже все забыть и простить Лизѣ, лишь бы увидѣть ее.

Еще не было и десяти часовъ утра, а Юрій уже съ трепетомъ въ сердцѣ скакалъ на своемъ буланомъ къ дому Левиныхъ. Проѣзжая мимо погоста, онъ увидѣлъ о. Евѣмїя, медленно шедшаго въ храмъ. Юрій не былъ никогда особенно религіознымъ, но вдругъ круто осадилъ буланого и соскочивъ съ сѣдла пошелъ приложиться къ образу. Отецъ Евѣмїй поздоровался съ нимъ и сообщилъ, что идетъ служить обѣдню по заказу Мавриныхъ. Маврины были бѣдные помѣщики, жившіе далеко отъ церкви.

— Что же случилось у Мавриныхъ?—задалъ вопросъ Заволжскій.

— Да дѣти очень больны... Кабы не сердобольная Елизавета Егоровна, такъ уже, можетъ быть, и померли бы всѣ, да Господь ей помогъ маленькихъ то отходить. Ну, а старшая то все еще плоха, хотя, по словамъ доктора, есть надежда, что все обойдется благополучно.

— Да что-же съ ними?

— Простудились, должно быть и схватили сильный крупъ. Съ вечера то стало худо старшей, а ночью и оба малыша начали задыхаться. Маврины сейчасъ-же прислали телѣжку за Елизаветой Егоровной. Она, какъ была въ домашнемъ капотикѣ, накинула большой платокъ на голову, да такъ и помчалась къ нимъ. А по дорогѣ доктора встрѣтила. Она и его пересадила въ свою телѣжку, а кучера-то Мавриныхъ отпустила довести усталую лошадь доктора до его дома. Ну, какъ они оба нагрянули къ Мавринымъ, болѣзнь-то и попятилась отъ нихъ. Всю ночь съ горячими самоварами, да припарками провозилась сердобольная наша. Докторъ самъ признался, что безъ Елизаветы Егоровны малышей не спасти бы ему. Утромъ, когда докторъ домой ее доставилъ, такъ Софья Петровна даже испугалась. Елизавета-то Егоровна сама чуть живая была... Однако же, заговорился я, мнѣ пора идти править службу. Мое почтеніе! И отецъ Евѣмій быстро направился въ алтарь. Если-бы онъ оглянулся, то увидѣлъ-бы, что Юрій стоялъ, какъ пораженный громомъ. Ни кровинки не было въ его лицѣ, а крупныя слезы текли по щекамъ. Юрій не замѣчалъ ихъ; онъ буквально былъ въ столбнякѣ. Въ его утомленномъ мозгу проносились какіе-то обрывки фразъ: „отстояли ихъ; сердобольная“ и т. п. Но связать ихъ онъ не могъ, онъ чувствовалъ, что гордая дѣвушка не проститъ его недовѣрія. И теперь онъ не зналъ: ѣхать къ Лизѣ или нѣтъ. Машинально онъ вернулся къ лошади, вскочилъ въ сѣдло и пустилъ лошадь на ея произволь. Лошадь, ѣздившая часто по дорогѣ къ Левинымъ и теперь взяла, это-же направленіе, и черезъ нѣсколько минутъ Заволжскій очутился передъ воротами усадьбы Софьи Петровны. Кучеръ Лукьянычъ мылъ тарантасъ. Увидавъ Заволжскаго, онъ почтительно снялъ шапку и доложилъ барину:

— Барыня съ барышней изволили уѣхать на машину.

— На поѣздъ?—въ удивленіи переспросилъ Юрій:—
Куда?

— А такъ что не могу этого знать. Приказъ отъ старой барыни вышелъ такой, что-бы, значить, къ пяти часамъ утра запретъ тарантасъ. Ну мы, съ великимъ нашим удовольствіемъ, запрягли всю тройку. Только, что мы подѣхали къ станціи, а поѣздъ и подошелъ.

— Былъ съ ними кто-нибудь, т.-е. провожалъ ихъ кто либо?—хрипло спросилъ Юрій.

— Такъ точно: батюшка о. Еѳимъ и матушка Анастасья Александровна. Ужъ больно матушка-то убивалась, ажно жалко ихъ.

Но дальше Заволжскій не слушалъ. Кинувъ какую-то монету изумленному Лукьянычу, онъ во весь духъ понесся къ дому священника. Матушка какъ бы предчувствовала и была одѣта въ чистое платье, а въ убранной комнатѣ на столѣ уже кипѣлъ самоваръ.

— Анастасія Александровна, голубушка!—неестественнымъ тономъ прокричалъ Юрій — куда и зачѣмъ уѣхали Левины? гдѣ Лиза? ради Бога! гдѣ Лиза? скажите мнѣ, или я съума сойду!

— Гдѣ теперь Лиза и что съ ней—я не знаю, отозвалась горестно матушка, и неподдѣльные слезы полились изъ ея глазъ. Билеты онъ взяли до Москвы, а дальше онъ еще и сами не знали куда уѣдутъ. Сказали только, чтобы я не скучала и скоро отъ нихъ писемъ не ждала, „а когда мы гдѣнибудь устроимся на продолжительное время, тогда дадимъ вамъ знать, пока же и сами ничего не знаемъ.“ Попу моему дали довѣренность управлять ихъ имѣніемъ. Домъ приказали запереть, вотъ и все, что знаю про нихъ.— Какъ ни добивался Заволжскій болѣе подробныхъ свѣдѣній, онъ ничего не получилъ и черезъ два дня онъ самъ уѣхалъ въ Москву. Исколесивъ Бѣлокаменную, вдоль и поперекъ, и не встрѣтивъ Левиныхъ, онъ махнулъ въ Петербургъ, а затѣмъ за границу. Пространствовалъ онъ три года, но ни гдѣ Левиныхъ не нашель. Говорятъ: время лучшій врачъ. И дѣйствительно: утомясь отъ поисковъ, Заволжскій, постарѣвшій и болѣе уравновѣщенный, появился въ своей петербургской квартирѣ и зажилъ попрежнему на широкую

ногу. Одна изъ его тетушекъ, любительница устраивать браки, надумала его женить. Она выбрала дочь миллионера, красивую, бойкую барышню, обладавшую очень живымъ темпераментомъ и, какъ говорятъ французы, хорошо повѣшаннымъ языкомъ, т.-е. за словомъ въ карманъ не лезить. Вслѣдствіе этого, тетушка была увѣрена, что именно—Ольга Васильевна Чеботаева плѣнитъ Юрія своей красотой и покорить его сердце. Ольга Васильевна, кромѣ того, умѣла неподражаемо пѣть цыганскіе романсы и плясать по-цыгански. Поэтому сваха вздумала устроить концертъ и домашній спектакль, гдѣ-бы Оля могла блеснуть своими талантами. Сказано—сдѣлано. Отыскали они старинную полудѣтскую пьесу: „Праздникъ жатвы“—гдѣ въ первомъ дѣйствіи, дѣти со снопами въ рукахъ, образовали хоръ, а для главной запѣвалы пригласили одну новую знакомую, про которую говорили, что она хорошо поетъ русскія пѣсни. Но о новой пѣвицѣ впрочемъ не заботились и она могла далеко не хорошо спѣть, лишь бы только Чеботаева пожала лавры, явясь во второмъ дѣйствіи ввидѣ гадалыщицы-цыганки въ національномъ пестромъ костюмѣ. Затѣмъ, въ томъ же костюмѣ, который ей необыкновенно шелъ, она должна была въ концертѣ пропѣть чуть не всѣ романсы Зориной и Вяльцевой. Отъ Юрія это держали въ тайнѣ и лишь просили его, въ означенный вечеръ, пріѣхать къ девяти часамъ. Только стрѣлка комнатныхъ часовъ подвинулась къ девяти, какъ Юрій одѣтый по послѣдней модѣ, вошелъ въ гостиную тетки. Его тотчасъ же провели въ большой концертный залъ. Угадывая какой-то сюрпризъ, Заволжскій слегка поморщился и, пожавъ плечами, занялъ мѣсто. Занавѣсъ поднялся и... Юрій чуть не вскрикнулъ, и едва не бросился черезъ музыкантовъ на эстраду. Сцена представляла дорогу съ поля. Крестьянскія дѣвушки со снопами въ рукахъ окружили главную пѣвицу, то-же со снопомъ на плечѣ и съ васильками на головѣ. Пѣвица оказалась Лизой. Заволжскій обмеръ при знакомыхъ звукахъ дорогого голоса. Сердце его захолонуло и онъ едва сдерживалъ подступавшія къ глазамъ слезы. „Она, или ея двойникъ?“ думалъ онъ. „Если двойникъ—все равно, я познакомлюсь съ нею. Я отдамъ все, что у меня есть, но я достигну того, что она будетъ моею!“ Ничего не подозрѣвавшая пѣвица, оканчивала

свою пѣсню. Вдругъ взглядъ ея упалъ на Юрія. Она вспыхнула, какъ зарница, но не растерялась и повернула свой снопь такъ на плечѣ, что онъ почти закрылъ ея лицо. Публика ничего не замѣчала, а Заволжскій не зналъ: было ли это сдѣлано умышленно, или нечаянно?... Онъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ и не могъ дожидаться конца дѣйствія. Когда начался антрактъ онъ ринулся было на сцену, но хозяйка дома преградила ему дорогу, сказавъ, что въ домашнихъ спектакляхъ публика за кулисы не пускается.

— Скажите мнѣ, кто эта барышня, пѣвшая главную роль?—нервно спросилъ Юрій.

— Ахъ,—отвѣчала небрежно хозяйка,—это одна художница, съ которой моя дочь познакомилась на курсахъ рисованія. Она, кажется, русская, но долго жила въ Парижѣ и любить, чтобы ее принимали за французенку, поэтому всегда рекомендуется подъ именемъ m-lle Лили. Ея фамиліи я, право не помню, да я и знаю ее мало. Мы просили только помочь намъ въ этомъ спектаклѣ. Прежде она не соглашалась, а узнавъ, что спектакль въ пользу бѣдныхъ, она исполнила нашу просьбу и, кажется, не дурно справилась со своей ролью. Оказывается, что многіе даже въ восторгѣ отъ нея.

— Еще-бы, я думаю!—сорвалось вдругъ съ языка Заволжскаго, но онъ тотчасъ же и смолкъ, боясь выдать себя. Нечего дѣлать надо было ждать конца вечера. Юрій утѣшалъ себя тѣмъ, что пѣвица опять появится на сценѣ и онъ постарается разсмотрѣть ее лучше и удостовѣриться: Лиза это или ея двойникъ? Но къ его досадѣ пѣвица больше не появлялась. Зато Ольга Васильевна превзошла себя какъ въ красотѣ и богатствѣ костюма, такъ и въ выразительности пѣнія. Но, увы, все это пропало даромъ. Юрій сидѣлъ разсѣянный, точно ожидалъ кого и прислушивался къ чему-то. Тетушка понять не могла что съ нимъ и рѣшила что ему нездоровится. По окончаніи спектакля, она участливо освѣдомилась, что у него болитъ?—Эта мысль обрадовала Заволжскаго. Онъ сослался на зубную боль и попросилъ позволенія уѣхать, думая про себя: „если она будетъ здѣсь въ публикѣ, то я, конечно, останусь и скажу что боль у меня прошла.“ Но тетушка начала недовольно ныть и заявила, что и у m-lle Лили тоже заболѣли зубы,

почему она и уѣхала домой сейчасъ-же послѣ перваго дѣйствія.

— А гдѣ она живетъ? вдругъ спросилъ Юрій.

— Да что ты милый племянникъ, замѣтила тетка:—на что она тебѣ? Я, по правдѣ сказать, даже и не знаю этого. Надо спросить у Глашеньки. Юрій немедленно отправился отыскивать свою кузину Глашеньку, которую онъ засталъ хлопотавшею около чайнаго стола.

Глашенька, скажи мнѣ, гдѣ живетъ эта художница, которая пѣла въ первомъ дѣйствиі?—спросилъ онъ безпечнымъ, дѣланымъ тономъ.—Я видѣлъ ея картины въ Парижѣ, онѣ мнѣ очень понравились и я хотѣлъ бы у нея купить нѣкоторыя изъ нихъ.

— Да что ты, милый кузенъ, она недавно начала рисовать, у нея и ателье-то никакого нѣтъ, возразила та.

— Ну такъ, вѣроятно, у нея сестра тоже художница, которая такъ на нее очень похожа... я ошибся—продолжалъ сочинять Юрій. Все же дай мнѣ ея адресъ, я къ ней завтра загляну.

— Не понимаю тебя Юрій, сказала Глаша:—но только, если картины ничто иное, какъ предлогъ для знакомства, то ты очень ошибаешься. Мисс Лили не принимаетъ мужчинъ и вообще ихъ не долюбливаетъ. Юрій понималъ причину этого и, взявъ все-таки адресъ Лизы, простился съ Глашей и послѣшилъ уѣхать съ вечера. Всю дорогу Юрія мучила одна мысль: а что если Лиза узнала его и захочетъ отъ него опять немедленно бѣжать. Какъ ее остановить? Какъ предупредить этотъ побѣгъ? Прежде всего онъ отправился по адресу. Это было не далеко. Подѣхавъ къ дому Левиныхъ, Заволжскій вызвалъ старшаго дворника и сунулъ въ его руку крупную депозитку. Этимъ онъ сразу развязалъ языкъ дворнику. Юрій узналъ, что въ квартирѣ № 2, въ первомъ этажѣ на улицу, жила Софья Петровна съ Лизой и даже ихъ старушка няня. Левины еще не ложились спать, сидятъ за чайнымъ столомъ и о чемъ то оживленно бесѣдуютъ, а барышнѣ что-то очень взгрустнулось. Самъ все это дворникъ узналъ отъ кухарки Левиныхъ, съ которою вель дружбу. Юрій быстро написалъ на своей карточкѣ:—„Я знаю, что вы не спите. Если Вы не хотите, чтобы я лишилъ себя жизни у Васъ въ швейцар-

ской, то умоляю Васъ принять меня и выслушать. — Швейцаръ отправился съ карточкой, а Юрій, въ нервномъ волненіи, остался ждать отвѣта. Швейцаръ не возвращался минутъ пять и это время показалось Юрію цѣлой вѣчно-стью. Вдругъ дверь Левиныхъ отворилась и швейцаръ возгласилъ:

— Пожалуйте, васъ просятъ!

Заволжскій вошелъ и, забывъ даже снять пальто, упалъ передъ Лизой на колѣни.

— У меня нѣтъ оправданій, заговорилъ онъ, — у меня есть только безграничная любовь къ вамъ и надежда на ваше милосердіе. Простите или убейте, но жить безъ васъ я не въ силахъ и уйти безъ вашего прощенія я не могу! — Софья Петровна и няня вышли въ другую комнату, но до нихъ все-таки доносилась горькая исповѣдь бывшего жениха. Лиза его слушала со слезами на глазахъ и ея холодныя руки нѣжно гладили его воспаленную голову.

— Ну, Юрій, вы высказались и я вамъ вѣрю. Теперь слушайте-же и вы меня. Любовь не признаетъ никакихъ законовъ и часто помимо всякаго смысла и логики живетъ въ сердцѣ, но уваженіе—это уже другой вопросъ. Я не буду лицемерить—я васъ и теперь люблю, не смотря на всѣ страданія, которыя вы мнѣ причинили. Но я васъ не уважаю, Юрій, а потому не могу, какъ вы желаете, быть вашей женой. Завоюйте меня, заставьте себя уважать, докажите, что вы уже не взбалмошный баловень, а человекъ съ характеромъ. Заставьте меня восторгаться вашими поступками и я тогда на вѣки ваша.

IV.

Ревнивою тоской отравленные дни,
Клянусь тебѣ, уже не повторятся снова...
И пѣсни, и цвѣты и встрѣчные огни—
Все для тебя одной: но— о быломъ ни слова.

А. Кругловъ.

Прошло еще два года. Былъ чудный іюльскій вечеръ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, когда въ природѣ царитъ какая-то особенная тишина и покой. Деревья, отдыхая отъ дневного жара, стояли не шелохнувшись, точно нѣжились въ

благоухающемъ воздухѣ. Солнце мирно склонялось къ западу. Въ воздухѣ пахнуло хлѣбами. Вдали показалось стадо и веселое блеяніе молодыхъ овецъ несло изъ-дали. Между крестьянами то и дѣло слышались возгласы: „Благодать Господня! истинно благодать! Слава Богу!“ Въ такой вечеръ маленькая церковь въ деревнѣ Заволжскаго была ярко освѣщена. Огромныя толпы крестьянъ въ праздничныхъ, пестрыхъ нарядахъ стояли возлѣ церкви и ждали окончанія вѣнчанья, что-бы полюбоваться на красивыхъ молодыхъ и принести имъ поздравленія. Около дома помѣщика было размѣщено множество столовъ, уставленныхъ всевозможными яствами, а между столами гордо возвышались бочки домашней браги и сладкаго душистаго меда. Праздникъ готовился на славу.

Отецъ Евѳимій въ новой богатой ризѣ и съ сіяющимъ отъ счастья лицомъ, вѣнчалъ Лизу съ Юріемъ. По окончаніи обряда, Заволжскій вышелъ изъ церкви подъ руку съ своей женой, въ сопровожденіи многочисленныхъ гостей. Молодые сіяли счастіемъ. Народъ, съ сельскимъ учителемъ во главѣ, грянулъ многая лѣта. Заволжскіе благодарили всѣхъ и пригласили поздравителей на свой пиръ.

Ученицы Лизы бросали ей подъ ноги ея любимыя цвѣты—васильки и пѣли ей свадебную старую, русскую пѣсню...

На крыльцѣ дома Заволжскаго стояла его мать, съ большой иконой въ жемчужной ризѣ. Софья Петровна и Анастасія Александровна сопровождали счастливыхъ молодыхъ, въ ихъ уютный семейный уголокъ.

Передъ свадьбой Заволжскій заново отдѣлалъ свой домъ, и онъ блестѣлъ красивой отдѣлкой, какъ бы раздѣляя счастье молодыхъ.

Е. Свѣтова.

ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

(Изъ книги стихотвореній).

И подошла къ окну, взглянула,—и съ печалью
Уста твои шепнули: „Первый снѣгъ!..“
Все поблѣгло въ ночь: поля съ знакомой далью,
Проселокъ, колеи застывшія телѣгъ,
Ряды крестьянскихъ избъ чуть виднаго селенья,
На выгонѣ—семья безлиственныхъ березъ...

Казалось, будто мѣръ въ послѣднѣя мгновенья
Великую печаль безмолвно перенесъ;
Казалось—та печаль состарила природу,
Задула жаръ въ груди красавицы-земли,
Нагнала сонмы тучъ, оледенила воду,
Чтобы лѣса, поля скорѣе отцвѣли...

И никого вблизи, кому бы нужно было
Сказать, что это все томительно, уныло,
Повѣдать, что мертво и холодно вокругъ;
Что свѣта хочется, сверкающаго свѣта
Душѣ, извѣдавшей былую роскошь лѣта,
Что одиночество смертельно, какъ недугъ...

Блѣднѣющая даль какъ саваномъ одѣта...
И никого вблизи... И никого вокругъ!.....

С. Сафоновъ.

ПО ПЕРВОПУТКУ.

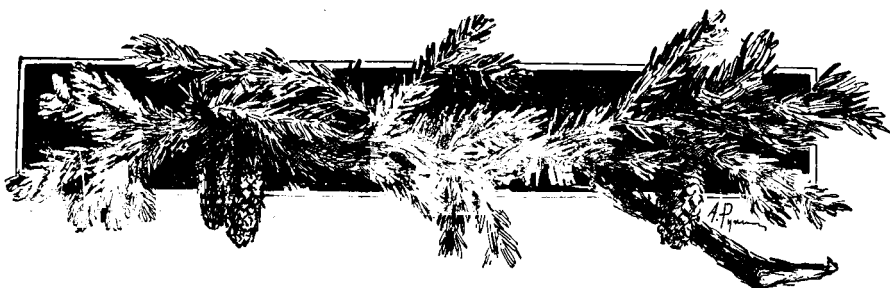
Первый снѣгъ—и дѣтство золотое
Возстаетъ невольнo предo мной...
Вотъ село знакомое, родное,
Барскій домъ—высокій и большой.
Игры, смѣхъ, веселье безъ заботы...
Все прошло—и не вернется вновь.

Умъ усталъ отъ тягостной работы,
Гнѣвъ и желчь волнуютъ сердца кровь.

Первый снѣгъ—и юность удалая
Возстаетъ невольнo предo мной...
Вотъ она, подруга молодая,
Какъ весна—прекрасная собой.
Саннй путь мы съ нею обновляемъ,
Какъ стрѣла несется рѣзвй конь.
Мы смѣемся, шутимъ и болтаемъ,
Намъ тепло,—въ крови горитъ огонь.

Первый снѣгъ, напомнивъ мнѣ былое,
Только рану сердца растравилъ:
Не вернется время золотое,
Не любить, какъ прежде я любилъ!

А. Кругловъ.

ПОЪЗДКА ВЪ БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬНУЮ ТУНДРУ.

(ОЧЕРКЪ).

таровѣрческое село Усть-Цыльма еще спало, когда намъ подали лошадей, запряженныхъ въ кибитку.

Сборы были недолги. Прислуга живо вынесла незатѣйливый багажъ, состоящій изъ „пестерей“, изъ оленьихъ шкуръ, работы дальневосточныхъ тунгусовъ, — наполненныхъ провiантомъ на двѣ недѣли: „подорожниками“. Оленьи „постели“ т. е. толстыя зимнiя шкуры и мѣховое одѣяло закрывать ноги... Да подушки въ замшевыхъ дорожныхъ наволочкахъ. Ротонда изъ тресковыхъ романовскихъ овчинъ, поверхъ самоѣдскаго совика, совершенно защищала и обезпечивала отъ полярныхъ непогодъ и морозовъ.

Темно. Холодно, но сыро. Чернымъ пятномъ кажется кибитка Фонарь освѣщаетъ кузовъ. Мой спутникъ въ неизмѣнной дохѣ. Усаживаемся. Все готово. Вздогнуль подъ дугой колокольчикъ... Еще разъ... И уныло и непрерывно задребезжалъ... Мрачными черными силуэтами мелькали дома и избы прямой и широкой улицы, но скоро она кончилась... Мы осторожно спустились на Печору. Съдая мгла. Потянулъ рѣзкій, холодный вѣтерокъ. До станцiи сорокъ верстъ рѣкой. Остается закутаться потеплѣе и дремать, до разсвѣта. А разсвѣтъ въ январѣ—въ десятомъ часу утра!..

И какъ это бываетъ въ дорогѣ: то впадаешь въ забытье,

пока не отрѣзвить здоровый толчекъ, то мысль бодрствуетъ сквозь дрему. Думается отрывочно.

И думалось мнѣ объ Усть-Цыльмѣ и ея „старовѣраxъ“. Какъ они мало походятъ на тѣхъ, что мнѣ приходилось видать всю жизнь и въ разныхъ мѣстахъ. Будь они единовѣрцы или раскольники,—всѣ они сохранились въ моемъ представленіи строгими, фанатичными, очень чистоплотными, честными, нравственными, трезвыми и трудолюбивыми.

А раскольники нашихъ романистовъ?

Но здѣсь: пьяницы. Пьютъ женщины и дѣвушки! Цицики. Удивительно грязно настроено воображеніе.

Настроено такъ, какъ я никогда не предполагала встрѣтить у простаго народа. Злословіе и сплетни. Дѣвушки не стыдятся незаконныхъ связей и материнства. Цылемскіе старовѣры очень часто не знаютъ, къ какому „толку“ принадлежатъ. Всѣ интересы сводятся къ улову семги и торговлѣ на ярмаркахъ.

Ничто кромѣ денегъ, не дорого и не свято. Притомъ Усть-Цылемскіе старовѣры грубы и вороваты.

Ничѣмъ инымъ я это не объясняю, *какъ вырожденіемъ*.

На полпути ямщикъ остановился и просилъ разрѣшенія четверть часа отдохнуть. Мы выѣхали на крутой, но невысокій правый берегъ и остановились у избы. Мѣстность называется „Барашки“. Изба принадлежитъ частному лицу и имѣетъ значеніе постоялаго двора для отдыха извозчиковъ, везущихъ кладъ изъ „Городка“, какъ все еще зовутъ здѣсь Пустозерскъ. Кладъ: пушнина, рыба, бѣлая куропатка.

Въ „Барашкахъ“ въ просторной избѣ чисто. Дымятся кубы съ кипяткомъ. Вкусно пахнутъ каравай-свѣже-испеченнаго бѣлаго хлѣба. Конечно, подъ сурдинку здѣсь поторговываютъ и водочкой.

Отъ „Барашковъ“ дорога пошла чахлымъ лѣсомъ смѣняющимся иногда тальникомъ. Лошади были плохія и еле довели насъ до первой станціи „Хаборихи“. Это безпорядочная деревушка съ домами зырянской архитектуры,—большими, сараеобразными, безъ службъ и заборовъ.

И одѣты всѣ въ зырянскія малицы: такимъ образомъ

получается удивительное однообразіе фигуръ. Да и мужчине отъ женщины трудно отличить.

Остальной путь идетъ льдомъ рѣки и островами, покрытыми тальникомъ. Печора становится все шире и шире. Протоки и проливы между островами называются здѣсь „шарами“. На станціи въ селѣ Бугаевкѣ всѣ пьяны. Свадьбы,—цѣлыхъ двѣ. Сына женятъ и дочь выдаютъ. Полонъ дворъ любопытныхъ. Въ Бугаевкѣ обращаетъ на себя вниманіе чистый старинный славянскій типъ женскихъ лицъ. Очень красивыя дѣвушки. Числятся старовѣрами, но вѣнчаются въ православной церкви „для правъ“. Здѣсь никто не разберетъ, гдѣ кончается расколъ и начинается православіе.

Лошадь еле довезла насъ до слѣдующей станціи, изъза свадьбы. Загоняли всѣхъ лошадей, на что не имѣли никакого права.

Версть полтора ста откатали за ночь и утромъ; когда разсвѣтало, подѣхали къ селу „Велико-Височному.“ Это уже тундра и далеко за полярнымъ кругомъ. Село выглядит зажиточнымъ. Большіе двухъэтажные дома обиты тесомъ и выкрашены. Стиль—зырянскій, который состоитъ въ томъ, что домъ строится двухъэтажный, похожій на большой сарай съ довольно плоской на два ската, крышей. Нижній этажъ дѣлится на черную жилую половину, и помѣщенія для скота, а на верху, рядомъ съ жилой половиной сѣноваль. И вверху и внизу прямо изъ избы двери выходятъ на сѣноваль и въ конюшни. Кромѣ того сѣновалы имѣютъ двухстворчатые ворота и „взвозъ“, иначе мостообразный взвѣздъ. Погребъ и кладовыя распределены также внизу и вверху. Ни надворныхъ построекъ, ни огороженныхъ дворовъ нѣтъ здѣсь нигдѣ. С. Велико-Височное уже въ Пустозерской волости, населеніе которой сплошь православное.

Въ Велико-Височномъ есть очень крупныя мѣхоторговцы—капиталисты, обладающіе въ сотни тысячъ капиталами. Есть крупныя оленеводы. И земская станція въ зажиточномъ домѣ. Чистыя и приличныя комнаты. Очень приличная чайная посуда. Всюду олени шкуры, олени мѣха, олениа обувь. Но возжи здѣсь у всѣхъ изъ ремней, вырѣзанныхъ изъ кожи морского зайца (родъ тюленя). Стран-

ная въ Печорскомъ краѣ запряжка. Зимой большей частью ѣздятъ „гусемъ“ и тогда возжей на коренника очень часто не надѣваютъ. Ямщики сплошь и рядомъ садятся верхомъ то на гусевую, то на коренную. Если же лошадей запрягаютъ рядомъ, съ пристяжными, то валекъ [не употребляется, а постромки привязываютъ къ копыльямъ саней.

Чудный день. Легкій морозецъ. Тихо и солнечно. Типичная тундра: ровная ширь... Безконечная, искрометная снѣжная пелена. Лишь изрѣдка заснѣрютъ низенькіе кустики карликоваго тальника, или куртинка низкорослаго коряваго соснычка—березничка. Такія куртинки называютъ здѣсь „борами“.

Кое-гдѣ снѣжный покровъ тундры истоптанъ оленями. Иногда встрѣчаемъ одинокую нарту, запряженную тройкой маленькихъ, жалкихъ оленей.

Вотъ дорога пошла по берегу „шара“, появился тальникъ. Вдоль него лыжница параллельно дорогѣ и симметрично нарыты какія-то ямы.

Вотъ и люди за работой.

— Что они дѣлають? спрашиваю ямщика.

— Што?.. Да куропатокъ ловятъ Усть-Цылемы.

Узнаемъ, что силками, петлями, сѣтями ихъ въ день налавливають сотнями... Сто и болѣе штукъ на охотника.

Мой спутникъ прочелъ лекцію о незаконности и недозволенности такихъ способовъ ловли, объ истребительности ихъ. Онъ объяснилъ право пустоозерцевъ запретить усть-цылемамъ истреблять дичь на ихъ угодьяхъ, въ особенности варварскимъ способомъ.

Слѣдующая станція „Пылемецъ“, — маленькая деревушка. За Пылемцемъ пошла уже совершенно голая и ровная тундра. Но какой просторъ! Это безбрежная полярная степь!

„Тишь да гладь, да Божья благодать“.

Тундра зимой вызываетъ во мнѣ тоже радостное ощущеніе свободы и простора, какъ море, когда оно развертывается, во всей красѣ предъ вами внезапно. Когда неожиданно выходите на побережье, послѣ скитаній по угрюмой горной тайгѣ.

Когда съ высотъ я вижу широкое пространство степей, онѣ вызываютъ тѣ же чувства, ощущенія и настроенія, какъ и тундра.

Я понимаю, что, какъ самоѣдъ обожаетъ тундру, такъ она влечетъ къ себѣ и лѣснаго зырянина, и русскаго обитателя Печорской дельты. Всѣ они обожаютъ „легкій“ воздухъ тундры и всѣ, кто имѣетъ хоть десятокъ оленей, находятъ предлогъ проводить лѣто въ тундрѣ!..

Отъ Тельвиска до Пустозерска 20 верстъ. Далеко видѣнь въ ровной тундрѣ с. Пустозерскъ. Здѣсь по старой памяти его зовутъ „Городкомъ“.

Издали, Городокъ кажется шапкой гриба... Вотъ на прозрачно—голубомъ небѣ обрисовывается и колокольня.

Пустозерскъ въ сторонѣ отъ праваго берега Печоры, въ тундрѣ, на большомъ озерѣ „Пустомъ“, длиною около восьми верстъ, а шириною—три—четыре. Земская станція у вѣзда въ село. Весьма приличный крашенный домъ. Содержатель человѣкъ торговый, прямой потомокъ основателей городка—новгородцевъ,—былыхъ „шестниковъ и изгоевъ“ и „ратныхъ дружинниковъ“.

Всѣ передніе углы комнатъ украшены многочисленными, старинными образами, а многіе въ старинныхъ „золотканыхъ“ ризахъ, расшитыхъ жемчугомъ.

Такой драгоценной старины не часто встрѣтишь и у стараго московскаго купечества. Предъ образами теплится нѣсколько лампадъ.

Въ Пустозерскѣ было нѣсколько церквей. Старинная сгорѣла, а двѣ—перенесены въ другія разныя деревни, между прочимъ въ Кую. Теперь осталась одна церковь, т. к. въ Городкѣ всего двадцать пять дворовъ. Въ противоположность разбросаннымъ деревнямъ, строенія не то что скучены, но собралибъ въ одно мѣсто, прижались другъ къ другу.

На томъ мѣстѣ, гдѣ по преданію былъ сожженъ протопъ Аввакумъ, нынѣ Усть-Цылемцы поставили новый крестъ. Въ точности мѣсто не извѣстно, а лишь догадки.

И Городокъ занималъ раньше большую площадь, онѣ

уже не на первоначальномъ мѣстѣ. Не осталось и слѣда былой крѣпостцы. Вѣтры и пески быстро все сглаживаютъ и хоронятъ.

Жители Пустозерска всѣ имѣютъ сѣмужныя тони, оленеводство и вѣчныхъ должниковъ самоѣдовъ, которыхъ называютъ „задатчиками“. Имъ даютъ по высокой цѣнѣ въ кредитъ разные товары, за которые самоѣды платятъ пушшиной по цѣнѣ назначаемой кредиторами. Самоѣды же являются пастухами оленьихъ стадъ пустозерскихъ обитателей.

Оленеводство даетъ крупный доходъ, не требуя затратъ. Правда, оленей косятъ повальные болѣзни, но вѣдь какое угодно дѣло не обходится безъ временныхъ аварій. Если-бы догадались сжигать трупы первыхъ павшихъ оленей, то зараза не распространялась бы такъ сильно.

Пустозерцы хотя и имѣютъ лошадей и коровъ, но въ ограниченномъ количествѣ. И вообще ни сельскимъ, ни домашнимъ хозяйствомъ не занимаются, будучи удовлетворены доходами съ семги, оленеводства и торговли пушшиной. На всѣ вопросы о домашнемъ хозяйствѣ отвѣчаютъ: „не хватаетъ рукъ“.

Какъ это странно и грустно звучитъ, когда знаешь, что въ государствѣ такая масса люда безъ дѣла, имѣющаго по одной четверти десятины надѣла на душу. Голодная и озлобленная масса... А здѣсь, въ дельтѣ Печоры такая благодать. Какое скотоводство могло бы развиваться. Столько луговъ. Да вѣдь и сбытъ-то на мѣстѣ, за границу! Иностранные пароходы (морскіе) заходятъ въ Печору на двадцать верстъ выше русской морской пристани. Они грузятся на самомъ заводѣ „Полярная звѣзда“.

Отъ Пустозерска до слѣдующей станціи Тель-Височной двадцать верстъ. Тель-Виски имѣетъ церковь, хотя деревня небольшая. Дальше къ сѣверо-востоку издалека виднѣется группа крупныхъ строеній съ вышками и высокими трубами. Уже темнѣло, когда силуэты этихъ построекъ обратили наше вниманіе. На мгновеніе все скрыла темнота, а потомъ замелькали тысячи электрическихъ огней, разливая свѣтъ, въ темныя, долгія полярныя ночи въ тундрѣ. Это грандіозный маякъ въ Большеземельной тундрѣ. „Полярная звѣзда“ или какъ здѣсь называютъ „Stella polare“—лѣсопильный заводъ шведской компаніи.

Городокъ щедро освѣщенный электричествомъ.

Мы въѣхали въ проулокъ и скоро остановились у подѣзда. Нашъ пріѣздъ былъ извѣстенъ; насъ ждали, а потому живо отворились двери и бойкая женская прислуга предложила намъ прослѣдовать наверхъ въ этажъ, отведенный для пріѣзжающихъ. Большая, освѣщенная электричествомъ передняя. Просто, но чисто одѣтая бойкая женщина отвела насъ въ наши комнаты. Только постранствовавшій по тундрѣ, да еще въ зимнее время,—можетъ оцѣнить всю прелесть тепла, чистоты и свѣта.

Женщина,—ее звали Евгеніей,—устроивъ мои вещи, бросилась къ комоду, достала чистое бѣлье и тотчасъ постлала постель. На ночномъ столикѣ загорѣлся электрический лампюнь. А пружинная кровать съ чистымъ бѣльемъ послѣ двухъ ночей въ кибиткѣ?! Какая роскошь въ тундрѣ!..

Евгенія спросила, не пойдемъ-ли мы внизъ.—„Управляющій имянинникъ.“ Но былъ девятый часъ вечера, да и усталость брала свое. Къ тому-же наше появленіе внесло бы дисгармонію въ мѣстное заводское общество, состоящее изъ заводскихъ служащихъ, фельдшера, учительницъ, почтового чиновника и урядника.

Я отказалась, и Евгенія тотчасъ подала мнѣ самоваръ и массу чуднаго домашняго печенья. И отъ ѣды я отказалась. Снизу доносились звуки гармоники и топаніе ногъ... Всѣ новыя танцы смѣняли другъ друга.

Я заснула подъ звуки краковяка, который съ увлеченіемъ оттопывали чьи-то ноги...

Утромъ Евгенія живо убрала комнаты и подала чай, слоенки и булочки.

Я послала визитную карточку „барынь“, мамашѣ временнаго холостого управляющаго и сказала, что буду въ полдень.

Около десяти лѣтъ былъ управляющимъ норвежець Гестъ, но около года, какъ уѣхалъ; онъ и водворилъ извѣстный режимъ и порядки на заводѣ. Г. С-ъ, исполняющій теперь обязанности управляющаго, завѣдуетъ отправкой и сортировкой лѣса.

Мы отправились къ двѣнадцати часамъ къ С-вымъ. Насъ встрѣтила очень полная дама подъ пятьдесятъ лѣтъ;

очень бойкая и развязная. Это Надежда Львовна С-ва, она намъ бойко рассказала все о заводѣ: о возникновеніи, о его прежней жизни, о настоящей... Только о „будущей“ ничего ужъ не могла сказать. Черезъ часъ мы были въ курсѣ всѣхъ дѣлъ и отношеній. Знали біографію С-хъ. Черезъ два часа мы ѣли превосходный обѣдъ, приготовленный съ недюжиннымъ поварскимъ искусствомъ.

Надежда Львовна представляетъ яркій типъ пермячки Урала, такъ сказать горный пермячки. Смѣла, дѣловита и очень-очень энергична. Бойкость рѣчи и сильная жестикуляція усиливали впечатлѣніе. Она говорила много, увѣренно, почти одна. Сынъ, скромный на видъ человѣкъ, сдержанный и ровный, могъ не беспокоить себя разговорами. Н. Л., точно зная мысли сына, подхватывала его рѣчь и договаривала за него.

Но за то ему никто уже не помѣшалъ показать намъ заводъ и „биржу.“ Правильно распланированныя зданія. Улицы съ переулками. Чистота, тишина и степенность. Ни ругани, ни крику, ни лѣнивыхъ фигуръ съ неизмѣнной сигаркой. Всюду порядокъ. Особенно на самомъ заводѣ.

Шведская компанія не пожалѣла средствъ на благоустройство. При ея субсидіи на заводѣ существуютъ Отдѣленія казенной почтовой конторы, есть фельдшеръ, аптека, школа и чайная, клубъ своего рода. Чайная отдается служащимъ для вечеринокъ, празднествъ и т. под..

Для рабочихъ жилища двухъ родовъ. Избушки съ необходимыми службами для семейныхъ, желающихъ жить хозяйственно и казармы для рабочихъ одинокихъ, бездѣтныхъ и т. под.. Каждая казарма на 30 человѣкъ. Она обязательно сдается одному изъ женатыхъ. Баба получаетъ по рублю съ каждаго жильца, что составитъ тридцать рублей, за которые она обязана мыть и прибираться казарму грѣть кипятокъ для чая, или ставить самовары опредѣленное число разъ въ сутки и готовить обѣдъ и ужинъ изъ провизіи доставляемой рабочими. Если хозяйка казармы не можетъ управиться, то она изъ тридцати рублей имѣетъ полную возможность нанять, изъ женъ рабочихъ, помощницъ, давъ имъ въ свою очередь заработокъ.

Никакимъ постороннимъ женщинамъ на заводѣ про-

живать не разрѣшается ни подь какими предлогами. Только жены и дочери служащихъ.

Что касается спиртного, то, конечно, русскій человѣкъ не можетъ обойтись, но какъ-то съумѣли на заводѣ устроить, что собственно „пьянства“, какъ слѣдуетъ понимать нѣтъ, но выпить съ вѣдома и разрѣшенія не всегда возбраняется, да и возбранять бесполезно: время отъ времени все равно напьются.

Лѣсъ на заводѣ сплавляютъ съ верховьевъ Печоры изъ Вологодской губ. Заводъ распиливаетъ и сортируетъ доски и бруски и отправляетъ во Францію и Англiю. У каждой вкусы и требованія различны. Сердцевинныя доски идутъ въ Англiю, а боковыя въ деревѣ во Францію.

Заводъ вырабатываетъ 200,000 деревъ въ годъ, могъ-бы и больше, но нѣтъ рабочихъ рукъ на мѣстахъ заготовокъ, не вырабатывается достаточное количество лѣса, а также нѣтъ рукъ во время сортировки и нагрузки на заводѣ. Лѣсной товаръ хранится подь крышами и въ большомъ порядкѣ.

На заводѣ вамъ дадутъ газеты, и граммофонъ послушаете и вкусно покушаете. Послѣднее многихъ стѣсняетъ. Въ особенности всѣхъ кто пріѣзжаетъ по долгу службы. Шведская компанія отпускаетъ суммы на представительство, но не всегда удобно быть гостемъ, особенно подолгу, а за плату поѣсть негдѣ.

Общественная жизнь завода выливается иногда въ не-симпатичные симптомы, но слишкомъ специфическіе для медвѣжьихъ угловъ.

Скверно ругаются между собою,—это интеллигенція,—и судятся. Мировой судья то и дѣло ѣздитъ судить ихъ по 130-мъ статьямъ мирового устава.

Просто смѣхъ и горе!

Бываютъ и скверныя дѣла: доносы по сомнительнымъ случаямъ.

Въ общемъ заводъ производитъ благопріятное впечатлѣніе... Какъ умѣютъ норвежцы и шведы создавать патриархальный порядокъ и поддерживать нравственно людей мнѣ показываетъ примѣръ Евгеніи. Она мнѣ рассказала

свою повѣсть. Къ моему удивленію Евгенія оказалась пусто-зеркой, а я думала, что она изъ Петербурга. Она дальше Печоры нигдѣ не бывала и ничего не видала.

Дѣло въ томъ, что Евгенія была замужемъ недолго, ея мужъ утонулъ. Родни не осталось. Остатки имущества продала и поступила „деревня деревней“ къ управляющему шведу. Тамъ поставили строгое условіе: хочешь научиться чему нибудь, жить въ семьѣ,—откажись отъ всякаго ползновенія на походы, вождельнія и т. подобное,—иначе не нанимайся.

— Учить тебя, возиться съ тобой, чтобъ въ одинъ прекрасный день ты все бросила, и наши труды пропали,—намъ нѣтъ расчета. Подумай.

Евгенія условилась, поступила и изъ нея сдѣлали отличную прислугу—хозяйку. Она все можетъ и умѣетъ.

— Блюсти себя спервоначало мнѣ было тяжело: молода была. Барыня поддержала. Теперь не благодарюсь, что воли не давали.

Она восемь лѣтъ прожила у управляющаго, пока тотъ не уѣхалъ и она сейчасъ осталась на заводѣ. А вѣдь мы, русскіе, не умѣемъ создавать или воспитывать прислугу, и очень страдаемъ за отсутствіемъ таковой.

На заводѣ служащіе ведутъ всякое хозяйство. У управляющихъ имѣются кролики, овцы, коровы, лошади, птица. И по отзывамъ такой прекрасной хозяйки какъ Л. Н. здѣсь возможно и огородничество, но косность и лѣнь парализуютъ всякія намѣренія и предположенія.

Мнѣ удалось еще посѣтить нѣкоторыя деревни тундры-дельты. Это Куя, Никитцы, Устье, Сопка. Всѣ однообразны, въ однообразной мѣстности. Живутъ одинаковыми интересами. Жители православные. Типъ славянскій, чистый. Живутъ чище Усть-Цылемовъ. Во многихъ домахъ можно встрѣтить старинныя драгоцѣнности. Напр. въ с. Куѣ, въ избѣ я видѣла очень дорогіе и старыя образа, въ тканыхъ съ жемчугомъ ризахъ. Видѣла ажурныя шкатулки слоновой или мамонтовой кости, въ простой избѣ, а также старый фарфоръ.

Говорягъ, что многія вещи сохранились послѣ разныхъ опальныхъ вельможъ, которые были сосланы въ Пустозерскъ. Вещи унаслѣдовала челядь, осѣвшая потомъ въ краѣ.

Въ заключеніе скажу, что дельта р. Печоры не представляетъ пустыннаго края. Напротивъ: каждая 15—20 верстъ насъ встрѣчаютъ села, деревни, заимки. Дельта Печоры входитъ въ составъ Пустозерской волости, съ населеніемъ православнымъ, чисто русскимъ, потомками новгородскихъ „изгоевъ“ и дружинниковъ. Къ западу отъ рѣки Печоры расположена „Малая Земля“, т. е. Малоземельная тундра, которой принадлежитъ лѣвый берегъ Печоры, а на востокъ отъ Печоры—„Большая Земля“.

Я уже говорила, что селенія низовьевъ Печоры носятъ совсѣмъ особый характеръ: лишь кое-гдѣ встрѣтите „русскую избу“, а все остальное—зырянскія жилища, вмѣщающія въ одномъ зданіи всѣ надворныя службы. Мы видимъ дома безъ дворовъ и огородовъ. Ни стройныхъ улицъ, ни огородовъ, ни палисадниковъ, ни одного дерева!.. Никакой хозяйственности, уюта!.. Ни огородничества, никакого домашняго хозяйства...

Незначительное количество лошадей... Ограниченное—коровъ.

Рыба, пушнина, олени—альфа и омега существованія печорца дельты и тундры.

Мнѣ остается еще сказать о коренныхъ обитателяхъ, законныхъ владѣльцахъ и хозяевахъ тундры—самоѣдахъ. Они совершенно загнаны зырянами—ижемцами; эксплуатируются русскими, да и сама судьба наноситъ имъ удары ввидѣ повальныхъ болѣзней на оленей, которыя то въ той, то въ иной формѣ посѣщаютъ стада ежегодно. Въ послѣдніе годы обнищаніе самоѣдовъ сдѣлалось уже совсѣмъ очевиднымъ. Совершенно необычайное зрѣлище представляютъ самоѣды съ мѣшками за спиной, собирающіе милостыню. Подобнаго явленія еще не бывало! У каждой деревни на задворкахъ или за околицей вы видите непременно самоѣдскій чумъ или группу ихъ. Это живутъ безъ оленные нищѣ. Они побираются и кое-что, работаютъ на русскихъ.

Шьютъ совики, малицы, и обувь изъ оленьихъ ногъ (камаковъ).

За работу они обыкновенно получаютъ корки хлѣба и пятаки. Жалкую свою трапезу самоѣды трогательно раздѣляютъ съ своими собаками, которыя у нихъ буквально на пенсіи за то, что добросовѣстно и отважно берегли стада своихъ хозяевъ.

На меня самоѣды производятъ впечатлѣніе добродушныхъ, наивныхъ и ласковыхъ дѣтей природы. Многіе говорятъ по-русски.

Къ сожалѣнію, на обратномъ пути въ Пустозерскъ, какъ-то странно, хозяева старались удалять съ моихъ глазъ даже самоѣдскихъ дѣвушекъ.

Но возвращаясь неожиданно изъ дер. Сопкиной въ Пустозерскъ, я нашла три запряжки оленей у дома нашего хозяина, а владѣльцы оленей находились въ домѣ и уже не на „первомъ взводѣ“. Затѣмъ на оленей нагрузили муку, разные товары и, конечно, спиртъ. Все это давалось въ кредитъ, а какъ записывалось въ книги, по какой цѣнѣ, и точно-ли?—это знаетъ Богъ, да хозяинъ, а не напоенный водкой самоѣдинъ. Книги не прошнурованы и писать въ нихъ можно все, что угодно и когда угодно. „Своя рука—владыка“.

Можно-ли думать, что у самоѣдовъ существуетъ земельный вопросъ?! А на дѣлѣ--это такъ.

Въ Пустозерскѣ находится самоѣдская Управа, какъ и русское Волостное Правленіе. Здѣсь я и почерпнула свѣдѣнія, что на владѣніе Большеземельской тундры у самоѣдовъ есть грамота Іоанна Грознаго, подтвержденная другими государями.

Такимъ образомъ, они являются собственниками тундры, а между тѣмъ тундра наводнена русскими и зырянами-ижемцами. (Зыряне-ижемцы представляютъ интересный матеріалъ для этнографа и филолога. По типу, языку и характеру они являются особой вѣтвью зырянскаго племени. Языкъ ижемцевъ настолько отличенъ отъ языка иныхъ зырянъ, что послѣдніе, изъ бассейна р. С. Двины и р. Вычегды съ трудомъ ихъ понимаютъ).

Самоѣды загнаны къ океану, на узкое побережье. Ино-

родцы (для нихъ русскіе и зыряне) отнимаютъ и тони, и охотничьи угодыя, хищнически истребляя все живое.

Въ довершеніи всего „ижемцы“ совершаютъ набѣги на самоѣдовъ и отбиваютъ у нихъ стада оленей, иногда истребляя цѣлыя семьи самоѣдовъ. Подобное уже начинаетъ выплывать официально, въ качествѣ слѣдственнаго матеріала и судебныхъ дѣлъ.

Но еслибъ нашелся адвокатъ, который пожелалъ бы взяться за самоѣдскія дѣла, то онъ создалъ бы переворотъ въ тундрѣ.

Грамота на владѣніе—цѣла. Владѣніе нарушается двумя громадными волостями зажиточнаго населенія, а именно: пустозерской и ижемской (мохчинской). Не говоря объ убыткахъ,—важно было бы упорядоченіе юридическаго быта самоѣдовъ.

По крайней мѣрѣ важно было бы помочь имъ возстановить благосостояніе, хотя бы покопытнымъ сборомъ съ инородцевъ и опредѣленіемъ территоріи подъ аренду для пастбищъ.

Такъ какъ тундра безхозяйственно вытаптывается русскими и зырянскими оленями, гдѣ попало, что дурно отзывается даже на сообщеніяхъ съ центрами, напр. съ Пустозерскомъ. Нельзя позволять стоять съ чумами на дорогѣ, тропѣ, т.-к. олени зря вытаптываютъ ягель, а когда самоѣды везутъ пушнину, или ѣдутъ за покупками въ Пустозерскъ, Ижму или Цыльму—имъ негдѣ остановиться, чтобы покормить оленей. Всюду на необходимомъ пути слѣдованія весь мохъ съѣденъ и вытопанъ. Между тѣмъ мѣста въ тундрѣ довольно, чтобы пасти оленей. Самоѣды платятъ ясокъ кабинету Его Величества и даже за „мертвыя души“ своихъ родовъ. Но начинаютъ протестовать противъ этихъ мертвыхъ душъ. Платятъ по 1 р. съ души и по 38 к. на содержаніе Управы и проч.

Въ общемъ для благоустройства жизни этихъ инородцевъ никогда ничего не предпринималось и не принимается, а между тѣмъ ихъ надо: 1) вырвать изъ рукъ эксплуататоровъ, устраивая казенные склады—магазины, отпуская въ кредитъ и принимая по курсу рынка пушнину. 2) Запретить свободную, самовольную продажу спирта въ тундрѣ. 3) Устроить земельный вопросъ, вытекающій изъ юридиче-

скихъ правъ. 4) Исключить изъ списковъ „мертвыя души“. Пока и этого достаточно. Единственно, что сдѣлано,—это отправлены ветеринары въ тундру для борьбы съ эпидеміями и прививки оленямъ сибирской язвы.

Дѣло это въ рукахъ неопытныхъ ветеринаровъ—новое и въ высшей степени сомнительное, вообще, при положеніи и постановкѣ у насъ ветеринарной науки. Поживемъ—увидимъ.

Обратно выѣхали изъ Пустозерска при великолѣпной солнечной погодѣ. Тундра сіяла и блестяла, точно усыпанная алмазами. Гдѣ только попадался кустарникъ и тальникъ, мы всюду видѣли тысячные табуны бѣлыхъ куропатокъ. Группы въ сотни птицъ благодушествовали на солнцѣ, не боясь ни колокольчика, ни лошадей, ни нашей кибитки, и не подозрѣвая всюду разставленной засады. Куропатки выдѣлялись на искрящемся снѣгу матовыми пятнами.. То лежали кучами, то кормились, то бѣгали и рѣзвились.

Не вѣрилось глазамъ при видѣ такой массы бѣлой куропатки.

Къ вечеру погода измѣнилась: подулъ вѣтеръ, а ночью мы испытали всю прелесть зимней полярной пурги съ морозомъ, когда ледяной вѣтеръ проникаетъ во всѣ щели и швы... Въ швы кибитки наметало кучи снѣга и подушки за нашими спинами были въ снѣгу... Нельзя сказать, чтобъ было тепло и пріятно ощущать такую погоду. Постоянно останавливались и расчищали ноздрю лошадамъ.

Такъ какъ, начиналась масленица, то на станціяхъ всѣ были пьяны, а лошади загнаны. Да кромѣ того, незаконно отпускаемы частнымъ лицамъ, не представившимъ даже билета на право проѣзда на почтовыхъ и земскихъ лошадяхъ.

Вообще, надо отдать справедливость Печорской администраціи, что у нея на трактахъ царить полный беспорядокъ и хаосъ. Напримѣръ: числится по парѣ или по двѣ лошадей на станціи для разгона, гдѣ одни должностныя лица составляютъ непрерывныхъ проѣзжающихъ. Мировой судья, врачъ, ветеринары, полиція, стражники и жандармы, подводы съ арестованными и иными, акцизные и проч. проч. Да еще и казенная почта. Трактъ, станціи, ямщики

и лошади,—все въ полномъ безпорядкѣ. На одной изъ станцій старовѣрка, (изъ Усть-Цылемовъ), готовила намъ чайную посуду, вытирая какой-то цвѣтной тряпкой.—Ты чѣмъ же это вытираешь, тетка? спрашиваю.

— Да рукавъ отъ рубахи—очень чистый.

А полотенца висятъ на стѣнѣ. „Мірскіе—поганые“, а сами живутъ хуже свиней. Масленица только началась, а ужъ въ каждой деревнѣ докладывалось о дракахъ, увѣчьяхъ, убійствахъ, смерти отъ излишне выпитой водки... Мѣстами все еще продолжались свадебные пиры.

Такой же пиръ мы застали на ст. Бугаевой, обратившей вниманіе красивыми лицами женщинъ. Теперь онѣ были въ полномъ парадѣ, и я получила иллюзію XVI—XVII вв.. Это были костюмы временъ Грознаго и Алексѣя Михайловича. Натура для картинъ Маковского, Нестерова, Васнецова. Картина худ. В.—„Русская дѣвушка“ въ музеѣ Императора Александра III казалось рисована съ одной изъ нихъ. Жалѣю, что не было возможности ихъ снять изъ-за недостатка свѣта.

На бугайскихъ женщинахъ были надѣты расшитые жемчугами, парчевые, золотые и сребротканые кокошники; парчевые шушуну, кацавейки и шубейки, опушенныя куницей и подбитыя песцами. Но вѣдь не сейчасъ и шитое, а наслѣдственное отъ прабабскъ, надѣвающееся только въ торжественныхъ случаяхъ. Матеріаль покрышекъ по узору и ткани представляетъ такую старину, что впору занять мѣсто въ музеѣ или въ мастерской художника.

Но сарафаны сохранили только фасонъ старины, а матеріаль современный. Толстый, такъ кожа, шелкъ крупнаго рисунка и яркихъ цвѣтовъ.

— Гдѣ покупаете?

— Въ Пинегѣ и въ Важгортѣ.

Это двѣ ярмарки, куда съ Печоры везутъ мясо, рыбу, птицу, пушнину и оленью шерсть; тамъ сдаютъ московскимъ, петербургскимъ, даже заграничнымъ скупщикамъ, а тѣ привозятъ бакалею, мануфактуру во вкусъ и требованія печорцевъ.

— Что стоитъ этотъ шелкъ?

— Отъ двухъ до пяти рублей аршинъ и дороже.

Вотъ вамъ печорскіе крестьяне. Въ дорогихъ мѣхахъ,

шелкахъ и бархатѣ ходять и ижемскія зырянки. И это не преувеличено.

Въ Хабарихѣ цѣлая драма. Пьяный гость закололъ хозяина и его сына. Покойнички лежать въ избѣ, въ ожиданіи осмотра. А баба до смерти—„боится покойниковъ“.

Ямщикъ спяна повезъ насъ не Печорой, а какими-то косогорами. Нѣсколько разъ вывалилъ и едва не задавилъ.

Итоги впечатлѣній: трагическое и беззащитное положеніе самоѣдовъ. Прелесть и богатство тундры. Зажиточность и удовлетворенность русскихъ и большой просторъ для новоселовъ въ цѣляхъ скотоводства. Недостатокъ рабочихъ рукъ, существованіе заработковъ и отсутствіе учрежденія (бюро), которое регулировало-бы спросъ и предложеніе рабочаго труда въ Россіи, совершало-бы договоры и завѣдывало-бы всѣми, истекающими изъ сего операціями.

Какъ важно было-бы такое солидное учрежденіе для экономическаго быта Россіи. Мнѣ, такъ много путешествовавшей и видѣвшей много мѣстъ и разнаго народа, приходится констатировать безработицу въ одномъ мѣстѣ и отсутствіе рукъ въ другомъ въ одно и то-же время.

Наконецъ,—полярную Печору, Пустозерскую волость, отчасти и Усть-Цылемскую нужно почестъ за хранительницу русской старины.

Старовѣры, какъ говорила, производять на меня впечатлѣніе дегенерантовъ, да и естественно. Горсть населенія много вѣковъ не имѣетъ притока свѣжей крови. Вѣдь они здѣсь не могли не переродиться. Смѣшанные браки православныхъ съ зырянами въ Усть-Цылемской волости не рѣдки. Почти всѣ русскіе здѣсь умѣютъ говорить по-зырянски. Одѣты всѣ одинаково. Зыряне мужчины, хотя почти всѣ знаютъ русскій языкъ, предпочитаютъ вести разговоръ по-зырянски. Существуютъ смѣшанные браки зырянокъ съ самоѣдами, при полномъ озырянненіи послѣднихъ. Это самоѣды богачи. Вы на нихъ увидите рѣдкіе мѣха, дорогой шелкъ и крупные брильянты въ перстняхъ на тонкихъ и бѣлыхъ рукахъ.

Богатая одежды не исключаютъ грязнаго домашняго обихода.

Вотъ все, что можно было высмотрѣть на полярной Печорѣ и въ тундрѣ зимой, вблизи осѣдлаго жительствова.

Но съ марта Печора окончательно пустѣеть. Самоѣды, Зыряне и Русскіе оленеводы уходятъ со стадами на Уралъ, къ Карскому морю и на Вайгачъ, до ноября—декабря. И только лѣтомъ съ Вайгача пріѣзжаютъ „хозяева“—торговцы и привозятъ пушнину, а въ августѣ возвращаются обратно до ноября. Въ іюлѣ пароходъ, идущій изъ Архангельска, заходитъ на Вайгачъ, а въ августѣ на Вайгачъ заходитъ, идущій съ Печоры въ Архангельскъ.

М. Сулима.

НА ПЕЧОРѢ.

(Изъ посмертныхъ стихотвореній).

Н. А. Ивалицкій.

Вотъ желанная пустыня,
Вотъ дремучіе лѣса,
Ширь и гладь рѣки безлюдной
И иныхъ небеса!
Блещутъ снѣжныя вершины
Недоступныхъ дальнихъ горъ;
Ахъ, на нихъ налюбоваться
Никогда не можетъ взоръ!
Вонъ за рощею кедровой

Струйкой синей всходитъ дымъ:
Тамъ рыбаки въ сырой землянкѣ
Обитаютъ—нелюдимъ.
Стонутъ сѣрыя гагары
Надъ равниной водяной,
Намъ на завтра предвѣщая
Дождь и вѣтеръ ледяной,
Вотъ и жаль угла родного!
Онъ опять въ мечтѣ живой
Какъ вершина снѣговая,
Онъ, какъ Тѣлпозъ*), чистъ и свѣтель,
Тамъ тепло и ясны дни,
Какъ на Тѣлпозѣ, живутъ тамъ
Духи добрые одни.

Н. Иваницкій.

*) Высочайшая вершина Урала.

ПЕРЕЖИТОЕ.

(Житейскія и литературныя
воспоминанія).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XIII*).

На другой день я отправился въ библіотеку Черкесова, на Невскомъ проспектѣ.

Тамъ мнѣ сказали, что сейчасъ придетъ главный управляющій, завѣдующій всѣми дѣлами Черкесова. Управляющій библіотеки ему былъ подчиненъ и самъ, по своему выбору, не имѣлъ права нанимать служащихъ.

Евдокимова мнѣ пришлось ждать около часа. Главный управляющій встрѣтилъ меня холодно—въжливо, словно директоръ департамента...

— О васъ мнѣ говорилъ Николай Николаевичъ!.. Вы занимаетесь литературой?

— Да, я кое-гдѣ печатался.

— Значить, библіотечное дѣло какъ разъ вамъ дѣло близкое. Пока я могу предложить только двадцать пять... ну, пожалуй—тридцать рублей. Согласны?

— Хорошо.

— Я представлю васъ завѣдующему библіотекой, и онъ объяснитъ—въ чемъ будутъ состоять ваши обязанности.

Николай Ивановичъ Анисимовъ, человекъ невысокаго роста, одѣтый безукоризненно, можно сказать франтовски, въ золотыхъ очкахъ, былъ очень красивъ и симпатиченъ. Когда ушелъ Евдокимовъ, Анисимовъ сказалъ мнѣ:

— Нашъ премьеръ любитъ „тонъ“... Какія тутъ особенныя обязанности... Пока одно: стойте у капкана съ ли-

*) См. „Дневн. Писат.“, Октябрь, стр. 72.

стами и записывайте книги, выдаваемые абонентамъ, да вычеркивайте полученные, вотъ вамъ и всѣ обязанности.

Началась моя „служба“.

Я являлся въ бібліотеку къ 9 часамъ утра. Въ десять она открывалась. Отъ 9 до 10 я пилъ чай въ „закоулкѣ“ (что-то въ родѣ комнаты за шкафами), просматривалъ газеты въ кабинетъ для чтенія. На обѣдъ полагался часъ. Я взялъ время отъ 2—до 3-хъ часовъ. На конкѣ я мчался къ Юсупову саду, гдѣ, я нанималъ комнату, живя уже одинъ (С. уѣхалъ въ Вологду) и столуюсь у хозяйки нѣмки, которая недурно готовила „чи“, то есть щи, и давала что-то похожее на „телятинъ“. Эти два блюда повторялись чуть не ежедневно.

— Немного однообразно, Амалія Карловна!

— Ню? А разъ ни все равень? Било бъ ситъ, да вкусень... а менѣ это удобно!

Наскоро пообѣдавъ, я сѣдился на верхушку конки (за 3 коп. конецъ) и мчался обратно въ бібліотеку. Иногда невольно приходилось опаздывать на десять — пятнадцать минутъ...

Въ бібліотекѣ я оставался до 9 ч. вечера, все время проводя въ полутемной, пыльной и душной комнатѣ, работая „за капканами“—такъ назывались стальные дуги съ листами для записи выдаваемыхъ книгъ. Съ утра до вечера газовое освѣщеніе, воздухъ насыщенный пылью и пропитанный газомъ. Мечешься отъ одного капкана къ другому—рука устаеетъ, въ глазахъ рябитъ, едва различаешь слова. И неустанно выкрикиваешь:

— Митя, № 2451!

— Вася младшій, № 5 „Дѣла!“

— Вася старшій, №№ „Голоса“ въ кабинетъ!

Я являлся домой не только уставшій, а весь разбитый, и принимался пить чай. Хотѣлось спать, а надо было писать; и надо было и хотѣлось. Надо—потому что на тридцать рублей нельзя жить и одному, а тутъ еще лежала забота о другомъ человѣкѣ: В. Д. лишилась работы, переѣхала къ Амаліи Карловнѣ, и мнѣ пришлось платить и за помещеніе и за столъ. Впрочемъ, В. Д. стала сама готовить,—что принесло экономію, улучшило „столъ“ и сдѣлала его болѣе разнообразнымъ. Но на меня легло новое бремя. Нужно было

работать помимо библіотеки. Чтобы не уснуть, я выпивалъ стакана два крѣпкаго чая или кофе и садился за работу. Иногда въ сосѣдней комнатѣ поднимались пѣніе, крики, играли на гитарѣ и гармоніи. Я невольно прерывалъ работу и ожидалъ, когда все кончится. *Настоящая* работа у меня начиналась около 12-ти часовъ, когда все смолкало (позже 12-ти нѣмка „веселиться и громко говорить“ не разрѣшала),—и продолжалась до 3 и 4 часовъ утра. Съ *разгоряченной* головою, съ „колыхающимся мозгомъ“—по образному выраженію Симборскаго (тоже *такъ* часто работавшаго)—я бросался на диванъ, замѣнявшій мнѣ кровать—и засыпалъ тревожнымъ сномъ. Иногда я „забывался“ на креслѣ, на которомъ работалъ, и съ него поднимался, что бы идти въ библіотеку. Случалось, что расхोлившіеся нервы и уставшій мозгъ порождали бессонницу, и я проводилъ ночь безъ сна, провалявшись на диванѣ до утра съ головной болью. И шелъ на работу.

Анисимовъ былъ человѣкъ „интеллигентный“—какъ принято выражаться. „Хохоль“, (такъ шутя онъ называлъ себя),—онъ былъ веселаго нрава, любилъ кутить и „писать житейскіе романы“, остроумо называя себя романистомъ.

Нѣкоторое время онъ отдалялся отъ меня. Кажется, онъ думалъ, что я, попавъ черезъ Трапезникова,—явлюсь негласнымъ контролеромъ со стороны Евдокимова. Но скоро онъ—скажу его словами—„понялъ простецкую душу сѣвернаго ушкуйника“ и началъ сближаться со мною.

Какъ-то разъ онъ зазвалъ меня къ себѣ послѣ занятій.

Я зашелъ. Сначала пили чай, потомъ появились водка и разныя вина. Закуски было мало.

Я выпилъ рюмку и отъ другой отказался. Но Анисимовъ, бывший уже въ „градусѣ“—началъ приставать.

— Пей! Развѣ ты красная дѣвица?

— Я не пью!

— У меня выпей.

— Я опьянѣю!

— Доѣдешь!

— Денегъ нѣтъ!

— Бери авансъ въ счетъ жалованья. Свои дамь... а завтра возму... Бери двѣ красненькихъ!

Деньги мнѣ были нужны „до зарѣзу“—какъ говорится.

Я вернулся домой „на веселѣ“, чѣмъ удивилъ хозяйку.

Вѣра Дмитриевна уже спала у себя.

— Ай, ви... какой сегодня! ха-ха-ха! смѣялась нѣмка.

И добавила:

— Ну, что же! Рѣдко можно... карошо... выходитъ изъ обычной колеи... но не надо ошишь много... какъ мой Фридрихъ. О, какъ онъ любилъ тринкенъ... Это... совсѣмъ не карошо!

— И это не хорошо! сказалъ я, осуждая самъ себя.

Я проспалъ и на другой день явился на службу около двѣнадцати часовъ. Я ожидалъ выговора, но Анисимовъ только улыбнулся и проговорилъ:

— Со вчерашняго?

— Конечно!

— Съ непривычки! Надо повторить!

Я не пошелъ къ нему, а отпросился ранѣе домой и поспѣшилъ въ магазинъ, въ Александровскомъ рынкѣ, чтобы купить себѣ новый пиджакъ, такъ какъ тотъ, въ которомъ пріѣхалъ изъ Вологды, совсѣмъ почти износился.

Помощникомъ Анисимова состоялъ нѣкто Пет—цкій, человекъ очень молчаливый, недалекій и не имѣвшій никакого значенія въ библіотекѣ. Самымъ веселымъ и беззаботнымъ являлся Ка—гинъ. У него была простая и добрая душа, но мнѣ не нравились его нѣсколько грубоватыя шутки и манера обращенія, которая неволью напоминаетъ слова одного англичанина: „у русскихъ странные обычаи... коль скоро—другъ, пріятель, значить можно его ругать свиньей и не соблюдать съ нимъ никакихъ церемоній“. Ка—инъ прекрасно зналъ дѣло и обладалъ феноменальной памятью. Ка—инъ часто бѣгалъ наверхъ къ Анисимову, гдѣ они и проводили весело время..

Изъ служащихъ я помню еще Кузьмина, составлявшаго каталоги, и вѣчно сидѣвшаго въ „закоулкѣ“, у окна, за столомъ. Пишетъ и пьетъ чай. Туда заглядывалъ и я, чтобы отдохнуть немножко. Я шутя называлъ Кузьмина

Межовымъ вторымъ. Съ Кузьминымъ я не сходилъ близко, но онъ мнѣ нравился за свою неутомимую энергію, и за спокойный, невозмутимый характеръ.

Я сталъ въ часы службы заходить къ Анисимову и всегда встрѣчалъ у него когонибудь. Эти посѣщенія давали возможность отдохнуть отъ работы и подышать не такимъ удушливымъ воздухомъ, какой былъ въ „капканной комнатѣ“.

Придешь къ Анисимову якобы за какойнибудь справкой, а онъ и начнетъ угощать.

— Въ библіотеку надо!

— Успѣешь! Сиди!

Гости все мѣнялись. Мѣнялись и вина. Иногда появлялись гастрономическія закуски. Это совпадало съ прїѣздомъ какого то грузинскаго князька и одной дамы, которая явилась завѣдующему библіотекой. При князькѣ онъ пилъ много, но при дамѣ—стѣснялся и ея присутствіе заставляло всѣхъ „прикорсетиться“—какъ говорилъ Ка—инъ. Анисимовъ преображался. Иныя рѣчи, иной тонъ и остроуміе—принимало характеръ болѣе изящный и тонкій. Ник. Ив. былъ съ дамой на „ты“, и звалъ ее ласково Галечкой (хотя и добавлялъ: можно такъ?), но онъ боялся Галечки, и одинъ ея недовольный взглядъ или нахмуренныя брови—уже дѣйствовали на „хохла“ и онъ спѣшилъ извиняющимся тономъ просить прощенія:

— Ну, не сердись, Галечка... если я что...ей Богу... сорвалось!

Но „срывалось рѣдко“. Да не часто Галечка и приходила. За то, когда приходила—для Анисимова былъ праздникъ. Въ этотъ день у него смѣло просите авансъ, отпуска на два-три дня—ни въ чемъ не откажетъ.

Признаюсь, я пользовался его слабостью и бралъ отпуска, чтобы отдохнуть и поработать дома. Благодаря этимъ „отдыхамъ“, я передѣлалъ очеркъ „Зыряне“, обработалъ біографич. очеркъ „Геніальный поморъ“, набросанный еще въ Вологдѣ, написалъ этюдъ „Феофанъ Прокоповичъ“ и критическую статью—„Свѣжая струя“, подробно разобравъ за годъ „Дѣтское Чтеніе“ и высказавъ въ статьѣ своей взглядъ на дѣтскую литературу. Послѣдняя работа отняла у меня не мало времени, такъ какъ нужно было прочесть всѣ №№ журна-

ла. Да и очеркъ о Прокоповичѣ потребовалъ нѣсколькихъ дней усидчиваго труда въ Публичной Императорской библиотекѣ.

Прежде всего я послалъ въ „Семейные Вечера“ очеркъ о Зырянахъ, а потомъ самъ снесъ критическій этюдъ въ одинъ малоизвѣстный журналъ— „Дешевую Библиотеку“.

Черезъ два мѣсяца обѣ статьи появились въ печати.

Я ликовалъ и отправился за гонораромъ къ издательницѣ „Сем. Веч.“—г-жѣ Кашпиревой, мужъ которой издавалъ ранѣе журналъ „Заря“.

Кашпиревой не оказалось дома. Дня черезъ два я отправился снова. И опять тотъ же отвѣтъ: „нѣтъ дома!“ Она не любила показываться сотрудникамъ, и много разъ потомъ я слышалъ ея крикливый голосъ въ то время, какъ горничная говорила мнѣ:

— Барыни нѣтъ дома.

Но однажды я *засталъ* ее дома. Очевидно, она заблаго-разсудила принять меня. Но она приняла меня въ передней и все время бесѣдовала здѣсь, стоя, безпрестанно нюхая табакъ, который доставала прямо изъ кармана.

Я получилъ за статью деньги. Вручая ихъ мнѣ, Кашпирева сказала:

— Я плачу по 10—15 рублей съ листа. Вамъ это... много... слѣдовало бы по семи—восьми: вы — юноша еще. Но я хочу, поощрить, пишете, вы можете писать... Что еще хотите дать мнѣ?

Я предложилъ статью о Цейлонѣ.

— Вы развѣ тамъ были? спросила Кашпирева.

— Нѣтъ!

— Такъ вы предлагаете компиляцію? Нѣтъ, вы съѣздите туда... и тогда пишете.

— Почему же съ листа? не безъ ироніи спросилъ я.

— Пятнадцать рублей!

— На это... только можно купить сапоги для поѣздки на Цейлонъ...

— О, я больше не могу!

— А я не могу ѣхать на Цейлонъ!

Я напечаталъ въ „Сем. Веч.“ еще двѣ—три статьи.

— Знаете что: ваше письмо мнѣ нравится, объявила Кашпирева, принявъ меня уже въ конторѣ.

— Очень радъ!

— Да, да. Бросьте „Дѣтское Чтеніе“ и пишите у меня.

— Я не могу бросить „Дѣт. Чтеніе“.

— Почему?

— Во 1-хъ—я симпатизирую ему и люблю очень его редактора.

— А во 2-хъ?

— А за тѣмъ... тамъ больше гонораръ.

— Фи, деньги! Развѣ онѣ могутъ имѣть значеніе!

— Для меня большое значеніе...

— Надо писать по вдохновенію... а оно...

— Оно не продается? да, но—можно рукопись продать.

Я въ тяжелыхъ условіяхъ... а отъ условій зависитъ самая возможность работать, писать то, что хочется... и какъ хочется...

Кашпирева платила мало, но это не заставило бы меня разойтись съ „Сем. Веч.“, потому что мнѣ хотѣлось писать для разныхъ аудиторій, хотѣлось бесѣдовать съ дѣтьми, а „Д. Чт.“ не могло помѣстить всего, что я писалъ: журналъ былъ небольшого объема, другіе сотрудники также охотно посылали статьи редактору, умѣвшему привлечь симпатіи къ своему изданію. Но мнѣ надоѣло ходить за нѣсколькими рублями по пяти—шести разъ.

— Барыни нѣтъ дома!

А барыня кричитъ въ конторѣ такъ, что слышно въ переднюю.

Какъ то, позвонивъ въ квартиру издательницы, я самъ черезъ двери услышалъ знакомый голосъ:

— Скажи, Маша, что меня нѣтъ дома, если это сотрудникъ...

Я повернулъ назадъ прежде, чѣмъ отворилась, дверь.

Получивъ кое-какъ, послѣ долгихъ хожденій десять рублей, я написалъ Кашпиревой письмо, въ которомъ и заявилъ, что больше сотрудничать въ „Сем. Веч.“ не буду.

Теперь расскажу, какъ я получалъ деньги за свою критическую статью въ „Дешев. Библиотекъ“, издателемъ которой тогда былъ нѣкто, О—ъ.

Ходилъ я раза три, все нѣтъ дома. Встрѣчаю г. О—а въ черкесовской библиотекѣ, гдѣ онъ былъ абонентомъ.

— Мнѣ слѣдуетъ съ васъ получить кое-что за статью, говорю я ему.

Я назвалъ себя.

— Ахъ, да, да! извините.. Я принесу вамъ сюда.

Прошли двѣ недѣли—не принесъ. А деньги нужны. Хозяйка объявила категорически: или деньги или—уѣзжайте. Въ „Д. Чтеніи“ не досталъ аванса. У Анисимова уже „заавансировался“, по характерному выраженію одного друга-публициста. Нужно было добывать у О—а. Пошелъ къ нему съ рѣшеніемъ достать во что бы ни стало.

Прихожу, звоню.

— Уѣхали! объявила горничная.

— Я подожду.

— Они долго не вернутся.

— И долго буду ждать.

Смутилась горничная и пропустила. Вошелъ я въ переднюю, вижу ильковая шуба виситъ... Еге! значить дома, но не сказывается.

Я раздѣлся и прошелъ въ гостиную. Сѣлъ и сижу. Такъ просидѣлъ часа два. Горничная войдетъ въ комнату, посмотритъ на меня, улыбнется и выйдетъ. Сижу и думаю: „не уступлю“... не сниму „осады“.

Входитъ невысокаго роста дама.

— Вы ждете мужа?

— Да, сударыня.

— Его нѣтъ дома.

— Знаю.

— И онъ долго не будетъ.

— И долго подожду.

— Можетъ быть, до вечера.

— И до вечера буду ждать.

Пожала дама плечами и вышла.

„Не сниму осаду: не на улицу же выбираться!“

Часы пробили четыре раза. Бѣсть захотѣлось. Я вышелъ въ переднюю, досталъ изъ пальто хлѣбъ и колбасу,—вернулся въ гостиную—и сталъ „обѣдать“. Пообѣдалъ.—Вошла горничная и внесла лампу.

— Нельзя ли стаканъ воды? обращаюсь я къ дѣвушкѣ.

— Сейчас!

А сама смѣется.

Принесла воды—и опять смѣется. И я смѣюсь. Выпилъ я воду, взялъ съ рояля газету,—сажу и читаю. Вдругъ, вижу, затворяется дверь изъ гостиной въ переднюю. Это меня смутило. Уйдетъ, стало быть изъ дома. Скверно! Что дѣлать? И вдругъ такая злость меня охватила, что я рѣшился сидѣть хоть до утра, но своего добиться.

Не прошло и десяти минутъ, какъ слышу сильный звонокъ,—затѣмъ дверь въ гостиную отворяется и входитъ О—ъ. Тутъ я понялъ въ чемъ дѣло. Издатель рѣшился „сломать комедію“, увидѣвъ, что отъ меня не избавиться. Не признаваться же, что онъ прятался. Ну, и сдѣлали такъ: горничная вынесла ему шубу, онъ вышелъ заднимъ крыльцомъ, а теперь „явился домой“. Вошелъ О—ъ и руки потираетъ, будто съ холода.

— А! Очень радъ! Извините, заставилъ ждать... не зналъ, что вы будете...

Говоритъ ласково, улыбается, а глазами такъ съѣстъ меня и хочетъ. Весело сдѣлалось у меня на душѣ. „Побѣдилъ!“

— Ничего, отвѣтилъ я: сегодня я свободенъ!

— Вамъ, кажется, что-то приходится. Сейчасъ!

Съ этими словами онъ вышелъ изъ гостиной. Вернувшись чрезъ нѣсколько минутъ, О—ъ вручилъ мнѣ деньги.

— Тутъ ровно за листъ!

Посмотрѣлъ я—всего 12 рублей. А листъ убористый и чтобы написать его—мнѣ пришлось потратить много времени на чтеніе журнала.

Объясняю ему эти обстоятельства.

— Извините, я больше не плачу, да и вы послали безъ условій... я могъ бы ничего не дать...

Приходилось покориться. Хорошо, что и 12 рублей получилъ.

Я поклонился и вышелъ. Запирая за мною дверь, горничная промолвила съ улыбкой:

— Ну, и перехитрили же вы барина!.. Никому еще не удавалось!

И ничего не отвѣтилъ ей, а только подумалъ: „на что не пустишься, если въ перспективѣ—ночевка на улицѣ“...

Всѣ удивлялись, что я получилъ съ О—а деньги.

— Да вѣдь это чудо! Кричалъ со смѣхомъ Трапезни-

ковъ.—Молодецъ! И высидѣлъ же.. Было севастопольское сидѣнье.. а это.. ха-ха-ха!

Еще и не такъ иные получали гонораръ. Впослѣдствіи мнѣ пришлось узнать объ оригинальномъ расчетѣ съ сотрудникомъ „натурою“. Кстати, расскажу объ этомъ здѣсь же.

Издавалась въ Москвѣ давно „Московская Газета“. Приходить нѣкій литераторъ и проситъ у издателя газеты денегъ за статью

Издатель замахалъ руками.

— Ничего нѣтъ въ кассѣ! Дня черезъ три развѣ..

— Не могу ждать! Крайняя нужда!

— Да на что вамъ?

— Брюки купить..

— Да вы же въ брюкахъ!

— Но въ какихъ? не могу наклониться.. да и колѣни видите заштопаны.. стыдъ!

Издатель смѣрилъ сотрудника глазами съ ногъ до головы и вдругъ весело воскликнулъ:

— Голубчикъ! Мы съ вами одного роста—возьмите мои брюки! Я только на той недѣлѣ купилъ.. новенькіе!

— А сами вы какъ же? смущенно промолвилъ литераторъ.

— У меня дома другіе есть.

— А домой какъ же поѣдете?

— Ничего.. я въ крылаткѣ.. Запахнусь.. Надѣвайте.. примѣривайте!

Издательскіе брюки пришли какъ разъ впору.

Вотъ какъ еще получались „гонорары“ въ доброе старое время.. И неугодно ли работать, „творить“ при такихъ-то условіяхъ! Это не то, что писать въ комфортабельномъ кабинетѣ, въ своемъ имѣніи.. Надо это помнить, что бы понять многое..

Работа по ночамъ, недосыпаніе, плохое питаніе—сильно разстроили и безъ того мое слабое здоровье. А занятія въ библиотекѣ при газѣ, въ пыли—вредно отозвались на глазахъ. Пришлось обратиться къ врачу. Извѣстный окулистъ Блессигъ (теперь уже покойный) запретилъ мнѣ не только заниматься въ библиотекѣ, но и что либо читать.

— По меньшей мѣрѣ—мѣсяцъ! а то и... два! Иначе—
потеряете совѣмъ зрѣніе!

Что было дѣлать?

Крыловъ предлагалъ перебраться къ нему, но на мнѣ
лежала забота о другомъ человѣкѣ.

На выручку явился фельдшеръ Глазной больницы
М—дый. На льготныхъ условіяхъ онъ предложилъ мнѣ пере-
браться къ нему, „на казенную квартиру“.

— А можно?

— Можно. Блессигъ добрый. Я скажу, что ты... мой
родственникъ.

Я отказался отъ службы въ черкесовской библіотекѣ
и вмѣстѣ съ В. Д. переѣхалъ къ М—дому.

А. Кругловъ.

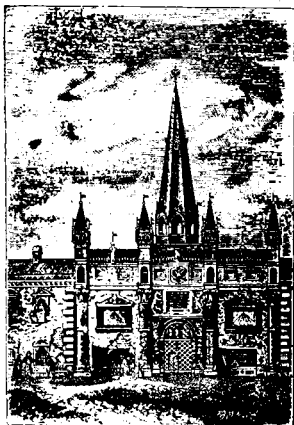
* * *

Надъ тихими полями и лугами
Прозрачный вечеръ тихо пролеталъ.
Весь озаренъ прощальными лучами,
Онъ красотою тихою сіялъ,

И сердце страстной вспыхнуло мольбою:—
За муки лѣтъ, разсѣянныхъ въ пыли,
Дню моему, мнѣ данному Тобою,
Такой-же вечеръ, Господи, пошли!

К. Медвѣдскій.

Печатный Дворъ.

ПЕРВОПЕЧАТНИКЪ

Иванъ Федоровъ.

Въ сентябрѣ этого года Московскому первопечатнику Ивану Федорову открытъ памятникъ близъ Синодальной типографіи.

Судьбою перваго печатника въ Россіи заинтересовался сначала археологъ К. Ф. Калайдовичъ, затѣмъ московскіе ученые М. П. Погодинъ и В. Е. Румянцевъ. По словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, Погодинъ подалъ

мысль воздвигнуть памятникъ Ивану Федорову, а археологъ Румянцевъ энергично поддержалъ эту идею. Первая подписка на памятникъ была открыта въ 1871 г.. Такимъ образомъ инициатива памятника и самое сооруженіе его всецѣло принадлежатъ Императорскому московскому Археологическому обществу. Послѣ открытія, Археолог. О-во передало монументъ въ вѣдѣніе Московск. городскому управленію.

Исполненъ монументъ по проэктору скульптора С. М. Волнухина. Рисунки для пьедестала принадлежатъ архитектору И. П. Машкову, который наблюдалъ и за постройкой памятника. Иванъ Федоровъ изображенъ стоящимъ возлѣ печатнаго станка, облокотившись лѣвою рукою на спинку стула; печатникъ просматриваетъ корректуру святой полосы „Апостола“. Кафтанъ и наголовникъ мастера исторически вѣрны данной эпохѣ, равно какъ и изображеніе герба (печати) Федорова и 1-го оттиска „Апостола“, скопированнаго цѣликомъ съ уники, хранящейся съ того времени въ синод. типографіи.

Фигура Ивана Федорова поставлена на высокомъ гранитномъ пьедесталѣ, исполненномъ В. И Орловымъ. Надпись

на лицевой сторонѣ гласить: „Николы Чудотворца Гостунскаго діаконъ Иванъ Ѳеодоровъ“. Ниже ея—бронзовый гербъ первопечатника, а по сторонамъ—дата „1563, 19 апр.“—время когда начались печатаніемъ „Дѣянія Апостольскія.“ Высота всего памятника 3 сажени.

Во времена Іоанна Грознаго книги въ Москвѣ были только рукописныя, тогда какъ за границей печатались уже книги на славянск. языкѣ. Подъ вліяніемъ Чехіи и въ Западной Россіи начала развиваться типографская дѣятельность, какъ напр. извѣстны замѣч. изд. Скорины. Въ Краковѣ въ 1491 г. былъ напечатанъ часословець; основалась типографія и въ Вильнѣ, откуда потомъ пріѣхалъ въ Москву Мстиславецъ, уроженецъ Могилевской области, сотрудникъ Ѳеодорова.

Въ 1553 г. Іоаннъ Грозный воздвигалъ много новыхъ церквей какъ въ Москвѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ. Кроме того сооружались храмы и въ покоренномъ Казанскомъ царствѣ. Понадобилась сразу масса церковныхъ и богослужебныхъ книгъ. Но книгъ въ обращеніи находилось мало, и стоили онѣ дорого. Царь велѣлъ скупать ихъ на торжищахъ. Но среди нихъ оказалось мало вполне исправленныхъ книгъ. Все это заставляло задуматься, какъ бы помочь горю.

По своему времени царь Іоаннъ Васильевичъ былъ очень образованнымъ и умнымъ человѣкомъ. Онъ прекрасно сознавалъ всѣ преимущества печати передъ рукописью и, по совѣту просвѣщеннаго преп. Максима Грека изъ Троице-Сергиевой лавры, вздумалъ основать въ Москвѣ печатный дворъ. Это было ровно черезъ 100 лѣтъ послѣ изобрѣтенія Гутенбергомъ книгопечатанія. Затѣмъ царь просилъ митрополита Макарія найти среди духовенства свѣдущихъ людей для книгопечатнаго дѣла; а также обратился къ датскому королю Христіану III съ просьбою прислать ему мастера, что тотъ и исполнилъ. Въ помощники къ датчанину митрополитъ далъ діакона, Кремлевскаго Николо-Гостунскаго собора Ивана Ѳеодорова и Петра Тимофеева Мстиславцева. Послѣдніе скоро переняли весь процессъ книгопечатнаго дѣла и сдѣлались не только наборщиками и печатниками, но также справщиками и словолитчиками.

Но въ точности исторически не установлено: гдѣ именно эти 2 русскихъ мастера научились печатному дѣлу: у датчанъ, голандцевъ, итальянцевъ или въ Западной Россіи. Равно мы не имѣемъ точныхъ біографическихъ данныхъ объ этихъ труженикахъ печатнаго станка. Преданіе лишь упоминаетъ, что Иванъ Ѳеодоровъ родился около 1520 г. въ Лихвинскомъ уѣздѣ Калужской губ. и происходилъ изъ духовнаго званія.

Оба русскихъ мастера съ необыкновеннымъ рвеніемъ принялись за печатное дѣло, и 1-го Марта 1564 г. окончили

книгу „Богослужбный Апостоль“, явившійся первенцемъ московской печати.

Царь не жалѣлъ средствъ на оборудованіе печатнаго двора, который былъ построенъ за греческимъ Никольскимъ монастыремъ, на Никольскомъ перекресткѣ.

Вслѣдъ за первую книгу были отпечатаны Часовникъ и Евангеліе.

Но успѣхъ типографіи и щедрая матеріальная поддержка

Памятникъ первопечатнику Ивану Федорову.

царя, возбудили такую зависть у бывшихъ переписчиковъ, сдѣлавшихся безработными, что они прибѣгли къ гнусной мести, оклеветавъ печатниковъ въ ереси. Это крылатое слово распространилось въ широкихъ кругахъ и, дикая буйная толпа сожгла печатный дворъ. Она угрожала даже и жизни печатниковъ, вслѣдствие чего они принуждены были покинуть Москву. Они бѣжали въ Литву къ гетману Ходкевичу. Послѣдній открылъ для нихъ, типографію въ своемъ имѣніи

Заблудовъ (Гродненской губ., Бѣлостокскаго уѣзда). Здѣсь были отпечатаны „Евангеліе учительное“ (въ 1568 г.) и „Псалтирь съ Часословомъ“ (въ 1570 г.) Вдругъ Ходкевичъ послѣ выпуска Псалтиря почему-то велѣлъ работы прекратить и закрыть типографію. Мстиславецъ переселился въ Вильну, гдѣ бр. Мамоничи помогли ему устроить типографію. Ѳедорову же Ходкевичъ подарилъ землю съ тѣмъ, чтобы тотъ обрабатывалъ ее. Но Ѳедоровъ быстро стосковался по любимому печатному дѣлу. Въ немъ была душа печатника—художника. Онъ стремился сѣять не хлѣбныя зерна въ землю, а зерна духовныя въ сердца людскія для просвѣщенія ихъ словомъ Божиимъ.

„Голосъ Москвы“ приводитъ, что онъ писалъ изъ своего захолустья:

„Когда бывало останусь наединѣ, часто орошаль я слезами мою постель, размышляя, какъ бы не скрыть въ землю таланта, врученнаго мнѣ Богомъ.“

Онъ живо сознавалъ все могущество печати, объединяющей человечество какъ бы въ одну вселенскую церковь, въ которой печатное слово замѣняетъ проповѣдь.

Не выдержавъ, наконецъ, Ѳедоровъ ушелъ въ Львовъ, гдѣ снова напечаталъ Апостолъ въ 1547 г. Этотъ Апостолъ замѣчательнъ своимъ послѣсловіемъ, гдѣ Ѳедоровъ объяснилъ почему онъ былъ принужденъ бѣжать изъ Москвы. Онъ говорилъ: „Мы подвержены были тамъ безпрестанно всякимъ озлобленіямъ не отъ самаго государя, а отъ многихъ начальниковъ духовныхъ и свѣтскихъ, которые изъ зависти умышляли на насъ многія ереси, намѣреваясь благо превратить во зло и погубить въ конецъ Божье дѣло. Такова зависть и ненависть“.

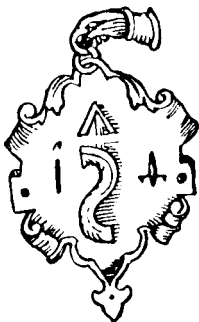
Но и во Львовѣ Ѳедорову жилось очень тяжело и въ особенности послѣ недоразумѣній со столярнымъ цехомъ. Обходя мѣстныхъ богачей, печатникъ на колѣняхъ вымаливалъ себѣ у нихъ помощи. Но они не вняли ему. Помогли же ему бѣдняки, да православное духовенство. 5 лѣтъ спустя Ѳедоровъ былъ приглашенъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ извѣстнымъ ревнителемъ и борцомъ за православіе въ Юго-Западномъ краѣ. Ѳедоровъ оставилъ Львовскую типографію своему старшему сыну Ивану, а самъ переселился въ Острогъ. Тутъ Ѳедоровъ напечаталъ Псалтирь и Нов. Завѣтъ, а затѣмъ знаменитую Острожскую біблію.

Дурно сложившіяся политическія обстоятельства, говоритъ „Колоколъ“, заставили Ѳедорова изъ Острога перебраться снова въ Львовъ. Типографія его оказалась заложеной и перешедшей въ другія руки. Старыхъ друзей печатникъ не нашелъ въ городѣ и Ѳедорову пришлось владѣть горькое существованіе.

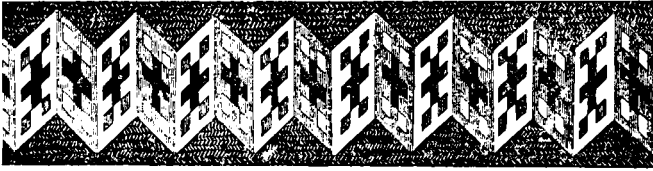
Жилъ онъ уже, впрочемъ, не долго и умеръ 5-го декабря 1583 г. Погребенъ онъ на кладбищѣ Онуфріевской церкви, теперь уже не существующемъ. Многія плиты и надгробные камни были взяты навыстилку церковнаго пола. Одинъ изъ этихъ камней имѣлъ надпись и печатные знаки Ивана Федорова. Его видѣли тамъ еще въ августѣ 1883 г. Но при ремонтѣ онъ былъ разбитъ вдребезги. Снимокъ съ этой плиты хранится въ древней палатѣ синодальной типографіи. Надпись на ней гласитъ: „Иванъ Федоровъ, москвитинъ, друкаръ (печатникъ) книгъ передъ тѣмъ невиданныхъ“.

И это все, что осталось на память о художникѣ—печатникѣ Иванѣ Федоровѣ.

М. Лосевъ.

Гербъ Ивана Федорова.

СОРОКЪ МУЧЕНИКОВЪ.

(Бѣлорусское народное преданіе).

розно сверкалъ взоръ князя Буриміра, глядя на стоявшую передъ нимъ кучку людей изъ сорока челоуѣкъ, одѣтыхъ въ свѣтлыя одежды, а большая жилистая рука князя крѣпко сжимала рукоять меча.

— И эти жалкіе люди смущали покой въ землѣ моей? Учили несогласному съ истинною и блаженною вѣрою нашихъ предковъ?.. Черви и рабы!..

— Ты сказалъ, княже!—поклонились дружинные старшины, одѣтые въ звѣриныя шкуры.

— И какъ они называютъ себя?—спросилъ, сдвигая брови, Буриміръ.

— Проповѣдниками слова Христова!—отвѣтилъ кто-то изъ старшинъ.

По губамъ языческаго князя промелькнула улыбка.

— Проповѣдники!—крикнулъ онъ, ударяя мечемъ, въ землю,—злые смутители! Кто, какъ не они совратили моихъ данниковъ. Пусть говоритъ жрецъ!

Впередъ выдвинулся высокій, толстый старикъ съ длинною бородою, ниспадавшею почти до колѣнъ. На шаклѣ его густыхъ волосъ былъ надѣтъ желѣзный обручъ.

— Эти дерзновенные,—началъ онъ, гнѣвнымъ жестомъ указывая на блѣдныхъ, но хранившихъ спокойствіе духа, христіанъ—проповѣдниковъ, въ старой, рваной, но чистой одеждѣ,—осмѣлились говорить противъ тебя, о, свѣтлый князь Буриміръ, поносить боговъ нашихъ, смущать душу народа твоего неслыханными, дерзостными рѣчами!.. Вредъ

ихъ совратительныхъ словъ сказался... Пришло ихъ пять человѣкъ въ твою землю, а теперь явились послѣдователи грѣховнаго ученія и вотъ передъ тобою уже не пять, а сорокъ человѣкъ... Данники твои, слушая ихъ уменьшили дань тебѣ, боги наши въ забвеніи, жрецы терпятъ недостатокъ, а народъ бѣжитъ отъ древнихъ обрядовъ своихъ, клянеть Перуна!.. Это-ли не порожденіе злой силы, это-ли не дѣти бога тьмы?

— Что же заблагоразсудишь сдѣлать съ ними?—
вопросилъ князь Буримиръ.

— Посади ихъ на колъ,—отвѣтилъ жрецъ—они учатъ что сладостью мукъ покупается какое-то царство диковенное на небѣ, что мученіе за вѣру угодно ихъ Учителю, Христомъ ими называемому... Пусть-же и они заслужатъ это царство небесное!

— Вѣрно-ли?—обратился князь къ совѣтникамъ и дружинѣ,—любо-ли?

— Любо!—отвѣтствовали тѣ.—На колъ ихъ злыхъ смутителей!..

— Да будетъ!—крикнулъ Буримиръ, ударяя острымъ мечомъ въ землю.

Съ злорадствомъ во взорѣ и съ бранью на устахъ набросилась дружина княжеская на христіанъ-проповѣдниковъ. Тѣ спокойные и величавые, съ радостными лицами глядѣли на своихъ мучителей.

— Да свершится Твоя святая воля!—сказали они и громкая, торжественная хвалебная пѣснь Творцу зазвучала въ воздухъ, поражая слухъ окружающихъ и приводя ихъ въ странный трепеть...

На дворѣ трещаль лютый морозъ, лединившій все живое.

Христіанъ выволокли на снѣгъ и сорвали съ нихъ одежды.

Началась ужасная казнь...

Одного за другимъ насаживали на колъ и обливали затѣмъ водою, до тѣхъ поръ пока несчастный не превращался въ ледяной столбъ...

Всѣ христіане молча шли на казнь, осыняя себя

крестомъ. Одинъ лишь изъ нихъ, промолвилъ съ кола, спокойно и отчетливо обращаясь къ учителямъ:

— Да просвѣтитъ васъ Господь! Не знаете что творите!.. Богу нашему видно все!..

Сказалъ и испустилъ духъ. Князь и дружина вдругъ разомъ дрогнули, хотѣли бѣжать, но ноги точно приросли къ землѣ.

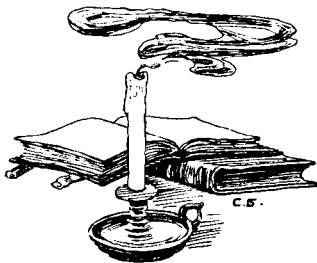
На темномъ фонѣ зимней ночи, среди густыхъ тучъ, показалась фигура Ангела, въ свѣтлой лучистой одеждѣ, съ огненнымъ мечомъ въ рукѣ...

И голосъ его, звонкій и мелодичный, прозвучалъ точно громъ:

— Отняли сорока людямъ жизнь,—высшее благо дарованное Богомъ! Въ кару Онъ ниспосылаетъ на васъ столько же дней стужи лютой!..

И пали князь и жрецъ первыми жертвами Божьяго гнѣва, обратясь въ ледяныя глыбы...

В. Днѣпровецъ.

КОМЕТА ГАЛЛЕЯ.

(Очеркъ)

„Кометы движутся по путямъ,
предназначеннымъ имъ природою“.
Сенека.

Въ 1910 году намъ предстоитъ рѣдкое и весьма интересное зрѣлище. На нашемъ небосклонѣ появится комета, которая будетъ видна въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Появленіе ея, впрочемъ, не представляется неожиданнымъ. Это — знаменитая въ исторіи комета Галлея, которая возвращается къ намъ каждые 75 лѣтъ. Въ послѣдній разъ ее видѣли въ 1835 году. Теперь она должна появиться въ 1910 году. Она въ сущности уже появилась и замѣчена астрономами, но простымъ глазомъ, т.-е. безъ помощи астрономической трубы, пока еще не видна.

Ни одно изъ небесныхъ свѣтилъ не привлекаетъ къ себѣ такого вниманія и не производитъ на людей такого сильнаго впечатлѣнія, какъ появляющаяся на небѣ комета. Это объясняется тѣмъ, что кометы появляются, вообще говоря, очень рѣдко и, кромѣ того, своимъ необычайнымъ видомъ сильно отличаются отъ прочихъ свѣтилъ.

Въ большинствѣ случаевъ, комета имѣетъ видъ звѣзды съ большимъ свѣтящимся хвостомъ, который тянется вслѣдъ за нею. Комета движется, но движеніе это вслѣдствіе дальности разстоянія кометы и нѣкоторыхъ другихъ условій не всегда бываетъ для насъ замѣтно, такъ что комета кажется иногда, какъ бы неподвижно стоящей на небѣ.

Ея загадочный видъ, таинственное и непонятное для большинства людей появленіе всегда внушали людямъ безотчетный страхъ и предчувствіе чего-то ужаснаго.

Во всѣ времена, съ появленіемъ кометъ связывалась вѣра въ дурныя предзнаменованія, въ неизбѣжность какихъ либо грозныхъ и великихъ событій, провозвѣстницей которыхъ являлась комета.

На сколько великъ былъ страхъ, внушаемый появленіемъ

ніемъ кометъ, можно видѣть изъ описанія одной кометы, появившейся въ средніе вѣка, сдѣланнаго французскимъ хирургомъ Амбруазомъ Парэ въ книгѣ „О небесныхъ чудовищахъ“. Описывая страшный видъ кометы, онъ говоритъ, что многіе умирали отъ страха при одномъ взглядѣ на комету.

Ожидаемая нами комета Галлея имѣетъ свою исторію. Появленіе ея въ 1910 году будетъ 25-мъ со времени Рождества Христова. Уже 24 раза она сіяла на небѣ, и весьма часто появленіе ея совпадало съ какимъ либо историческимъ событіемъ, какъ бы оправдывая мнѣніе, сложившееся о кометахъ.

Первое, отмѣченное въ исторіи появленіе ея, описано Плиніемъ. Это было въ 66 году, во время осады и разрушенія Іерусалима Веспасіаномъ. На комету, явившуюся въ этомъ году въ видѣ страшной звѣзды, багроваго цвѣта, смотрѣли, какъ на знаменіе гнѣва Божія къ іудеямъ. Ея же появленіе считалось предвѣстникомъ также происшедшей скорѣ послѣ того гибели Геркуланума и Помпей.

Въ 450 г. по Р. Хр. появленіе ея совпало съ нашествіемъ на Европу гунновъ подъ предводительствомъ Атиллы, прозваннаго „бичемъ Божиимъ“.

Въ 1066 году эта комета сіяла на небѣ во время знаменитой битвы при Гастингсѣ, когда палъ послѣдній король Англо-Саксовъ—Гарольдъ,—и Англія была завоевана норманами. Изображеніе этой кометы, вытканное на гобеленѣ, до сего времени хранится въ Британскомъ музеѣ.

Въ исторіи нашего отечества также извѣстны случаи, когда появленіе этой кометы совпадало съ различными знаменательными событіями.

Такъ, наприимѣръ, она появилась на небѣ въ видѣ страшной, громаднхъ размѣровъ метлы въ 1223 году и стояла, наводя ужасъ на всѣхъ, до 1224 года. Этотъ годъ памятенъ въ исторіи Россіи, какъ годъ перваго появленія татаръ, битвы при Калкѣ, гибели русскихъ князей и начала тяжелаго для Руси монгольскаго ига.

Эта комета появилась также въ 1530 году,—незадолго до рожденія Іоанна Грознаго.

Она посѣтила насъ также въ 1606—1607 году,—когда послѣ смерти Бориса Годунова на престолѣ русскомъ воцарился самозванецъ и наступило затѣмъ время, извѣстное подъ названіемъ „лихолѣтя“ и „смутнаго времени“.

Комета 1607 года была подробно описана знаменитымъ Кеплеромъ, который весьма точно опредѣлилъ ея движеніе. Этимъ впервые былъ установленъ научный взглядъ на движеніе кометъ, хотя Кеплеръ все еще не былъ чуждъ того мнѣнія, что кометы могутъ предвѣщать событія и вліять на судьбы народовъ и отдѣльныхъ лицъ.

Во время слѣдующаго появленія кометы, въ 1682 году, ее наблюдали англійскій астрономъ Галлей. Онъ вполне точно вычислилъ путь кометы и нашелъ, что онъ представляетъ весьма вытянутый эллипсисъ, по которому комета совершаетъ движеніе около солнца въ теченіе 75 лѣтъ. Сравнительная движеніе кометы 1682 года съ движеніемъ кометы 1607 г., описанной Кеплеромъ,—Галлей пришелъ къ заключенію, что пути ихъ совершенно тождественны, т. е. что наблюдаемая имъ комета есть та же самая, которую Кеплеръ видѣлъ въ 1607 году.

Галлей на столько былъ увѣренъ въ правильности своихъ выводовъ, что рѣшился предсказать будущее появленіе кометы еще черезъ 75 лѣтъ, т. е. въ 1758 году. Онъ не дожилъ до указаннаго имъ года (скончался въ 1742 г.), но предсказаніе его оправдалось самымъ блестящимъ образомъ. Комета появилась въ 1758 году.

Это было замѣчательнымъ торжествомъ науки. Былъ открытъ законъ, которому подчиняются кометы въ своемъ движеніи, и самъ собою долженъ былъ рушиться взглядъ на кометы, какъ явленіе сверхъестественное и таинственное.

Въ честь Галлея, комета была названа его именемъ. Это была первая комета, относительно которой былъ установленъ законъ періодичности возвращенія.

Подобный взглядъ на кометы былъ высказанъ, впрочемъ, еще 18 вѣковъ тому назадъ римскимъ философомъ Сенекою.

Періодъ полнаго оборота кометы Галлею около солнца, опредѣленный въ 75 лѣтъ, не вполне точенъ, на что обратилъ вниманіе еще самъ Галлей. Этотъ періодъ всегда бываетъ нѣсколько больше,—около 76 лѣтъ, т. е. комета запаздываетъ, что обусловливается вліяніемъ на движеніе кометы тѣхъ небесныхъ тѣлъ, вблизи которыхъ ей приходится проходить во время движенія вокругъ солнца. На основаніи открытаго Ньютономъ закона всемірнаго тяготѣнія, эти небесныя тѣла (планеты) притягиваютъ къ себѣ проходящую мимо нихъ комету и тѣмъ нарушаютъ правильность ея движенія.

Послѣднее появленіе кометы Галлея наблюдалось въ 1835 году. Слѣдующее ожидается въ 1910.

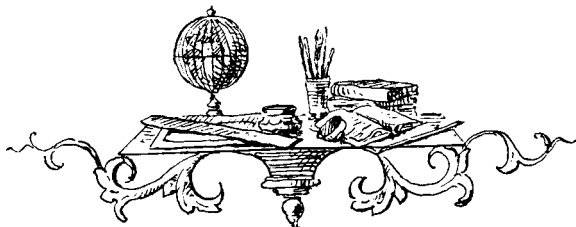
Но уже въ настоящее время она находится на нашемъ небосклонѣ и быстро приближается къ землѣ. Открытіе ея на небѣ сдѣлано благодаря фотографіи.

Приближаясь къ землѣ, комета Галлея пересѣчетъ ея орбиту около 20 Марта 1910 года,—и съ этого времени будетъ ясно видна простымъ глазомъ, при чемъ величина и яркость ея будутъ все увеличиваться. Въ концѣ Апрѣля 1910 г. она будетъ находиться въ перигелии, т. е. въ бли-

жайшемъ разстояніи отъ солнца,—и затѣмъ начнетъ отъ него удаляться. Въ началѣ Іюня она вторично пересѣчетъ земную орбиту, уже удаляясь отъ солнца. Ближайшее положеніе по отношенію къ землѣ комета будетъ занимать въ Маѣ и Іюнѣ,—и эти мѣсяцы представляютъ наилучшее время для наблюденія кометы.

Названіе „комета“ происходитъ отъ латинскаго слова „соте“—волосы, такъ что въ переводѣ комета значить—волосатая звѣзда. Она состоитъ изъ головы и хвоста. Голова кометы представляется въ видѣ свѣтящагося тумана, какъ бы волосъ, окружающихъ яркую точку—ядро. Ядро кометы можетъ быть твердымъ тѣломъ; окружающій же его туманъ состоитъ, по всей вѣроятности, изъ раскаленныхъ газовъ, которые разрѣжаясь образуютъ хвостъ кометы. Онъ увеличивается по мѣрѣ приближенія кометы къ солнцу и всегда обращенъ въ противоположную отъ него сторону.

М. Лысковскій.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ

КНИЖКИ.

I.

ВСТРЪЧА.

тояла зима.

Было только пять часовъ, а уже совершенно стемнѣло.

Снѣгъ валилъ большими хлопьями.

Порывистый вѣтеръ, пронизывавшій до костей, налеталъ съ какой-то злобой на прохожихъ и, казалось, хотѣлъ повалить ихъ.

Снѣгъ шель второй день. То отстанетъ, то опять примется.

Сугробы громадной высоты выросли на улицахъ.

Маленькіе домишки были занесены до самыхъ оконъ.

Тускло мигали уличные фонари.

Въ домахъ, сквозь щели ставней, виднѣлись огни.

Я ѣхалъ домой, возвращаясь изъ библіотеки, гдѣ я работалъ. Вижу—бредеть дѣвочка, чуть не попопая въ снѣгу, выбиваясь изъ силъ. Маленькая дѣвочка — худенькая, блѣденькая.

Дрожить несчастная отъ стужи, напрягаетъ всѣ силенки, чтобы удержаться на ногахъ. А вѣтеръ рѣжетъ ей лицо, осыпая холоднымъ, колкимъ снѣгомъ.

Дѣвочка была одѣта въ полудырявую, поношенную кофту, изъ которой торчала грязная вата. Худенькая рваная шапочка изъ искусственной мерлушки покрывала русую головку малютки. Вѣтеръ срывалъ эту шапочку, и дѣвочка должна была придерживать ее покраснѣвшими отъ холода маленькими рученками.

Жалость охватила мое сердце. Больно стало за дѣвочку. Я остановилъ извозчика и окликнулъ ребенка.

— Куда ты идешь?

— Въ лавочку, отвѣтила та.

— Садись ко мнѣ, я довезу.

Дѣвочка сначала посмотрѣла на меня, подумала (это ясно отразилось на ея блѣдномъ нервномъ личикѣ) и согласилась.

Она, съ моей помощью, помѣстилась на сидѣнны саней.

— Въ какую лавочку? спросилъ я, когда лошадь уже тронулась.

— А тутъ... у части... Сидорычъ...

— Кто-же тебя послалъ въ лавку?

— Папаша.

— Но почему-же тебя послали? Отчего не другого кого?

— А больше некого. Я большая, а братъ маленькій.

— Сколько-же тебѣ лѣтъ?

— Восемь.

— Вотъ ужъ какая ты! Какъ-же тебя зовутъ?

— Симой, а брата—Володей. Онъ совсѣмъ маленькій.

— А папа что-же? Почему онъ самъ не пошелъ?

— Папа не можетъ ходить: у него ножки болятъ... Онъ пройдетъ немножко съ палочкой,—и больно.

— А что твой папа дѣлаетъ?

— Образа рисуеть.

— Иконописецъ?

— Да.

Мы подѣхали къ лавкѣ, въ которую шла дѣвочка. Я подождалъ, пока она купила себѣ что было надо (оказалось, она купила хлѣба, восьмушку чаю и полфунта сахару).

Я предложилъ Симѣ довести ее до дому. Она теперь сразу согласилась.

Черезъ нѣсколько минутъ мы остановились, по указанію дѣвочки, у воротъ маленькаго покривившагося домика, окна котораго едва виднѣлись изъ-за сугробовъ снѣга.

Я посадилъ Симу.

— Спасибо, тихо промолвила она.

— Не за что, дружокъ... А какъ фамилія твоего папы?

— Козловъ... а зовутъ его—Иванъ Петровичъ.

— Ну, пожелай твоему папѣ скорѣе выздоровѣть.

Сима посмотрѣла на меня свѣтлыми, лазурными глазами и пошла въ калитку.

Я съ удовольствіемъ даль-бы что-нибудь ребенку, но побоялся. Бѣдные люди не всѣ одинаковы. Интеллигентные бѣдняки щепетильны... Съ какой стати я дамъ? Не могу же я подать какъ милостыню. Онъ не знаетъ меня и можетъ обидѣться. Я рѣшилъ завтра-же заѣхать къ нему подъ предлогомъ заказа; разговоримся,—и тамъ будетъ видно.

На другой день я отправился къ иконописцу.

Звонка не было. Я постучалъ въ дверь. Мнѣ отперла Сима.

Она ласково улыбнулась мнѣ.

— Здравствуй, милочка! Можно папу видѣть? Что онъ дѣлаетъ?

— Папа рисуетъ.

Я вошелъ въ комнату.

Въ ней было полутемно. Въ углахъ виднѣлся снѣгъ.

На стѣнахъ обои грязные, полинялые—висѣли бахромами.

Обстановка была подъ-стать жилищу.

Стояло два—три ветхихъ стула, изъ которыхъ одинъ былъ только съ мягкимъ сидѣньемъ, да и эта подушка прорванная, такъ что изъ нея торчала рогожа. Въ углу стояла больничнаго типа кровать, съ жалкимъ тюфякомъ, а рядомъ—что то похожее на кушетку, на которой лежалъ мальчикъ лѣтъ двухъ-трехъ и глодалъ корку чернаго хлѣба.

Посреди комнаты, передъ мольбертомъ, сидѣлъ отецъ, —худой мужчина, лѣтъ тридцати семи, въ старомъ

полушубкѣ и въ сѣрыхъ валенкахъ. Онъ былъ высокаго роста, черты лица (совсѣмъ безкровнаго)—тонкія, выразительныя; большіе глаза—глубоко впавшіе,—блестѣли мыслью, но глядѣли не то злобно, не то подозрительно. Длинные каштановые волосы прядями падали на худыя плечи иконописца, который держалъ кисть въ правой рукѣ.

Пока я окинулъ вокругъ бѣглымъ взглядомъ, онъ положилъ кисть на столикъ и всталъ мнѣ на встрѣчу.

— Папаша, вотъ это они—вчера меня катали, сказала Сима.

Лицо иконописца озарилось слабой улыбкой и выраженіе глазъ сдѣлалось болѣе мягкимъ.

— Я очень благодаренъ вамъ, произнесъ онъ, протягивая мнѣ руку.

— Что вы, полноте! перебилъ я—Извините, что я пришелъ къ вамъ безъ вопроса... но я по дѣлу...

— Садитесь, пожалуйста, промолвилъ Козловъ, и въ его голосъ зазвучали уже не тѣ ноты, что слышались за секунду передъ этимъ, когда онъ благодарилъ.

А глаза какъ-то подозрительно и точно недружелюбно смотрѣли на меня. Я почувствовалъ это; мнѣ сдѣлалось неловко и я невольно смутился.

Козловъ подвинулъ мнѣ деревянный стулъ, а самъ опустился на табуретку.

— У васъ болятъ ноги, кажется? промолвилъ я, не зная что сказать.

— Да, ревматизмъ... чѣмъ могу вамъ служить?

Тонъ былъ жесткій, дѣловитый; Козловъ, видимо, сразу хотѣлъ показать, что онъ не желаетъ короткости и не нуждается въ сочувствіи.

— Я просиль-бы васъ...

Я невольно остановился, замѣтивъ, что Козловъ какъ-то особенно пристально начинаетъ вглядываться въ меня.

Я только-что хотѣлъ задать вопросъ, какъ вдругъ въ моей памяти воскресъ одинъ изъ лѣтнихъ дней подъ Москвой,—давно, давно, когда я былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, и ни одной серебряной нити еще не блестѣло въ моихъ волосахъ. Лѣтній день, пирушка, компанія художниковъ, молодыхъ писателей... Всѣ веселы, оживленны и только одинъ...

— Послушайте, неужели вы тотъ самый Козловъ, которъй...

— Вагановъ, да?—взволнованно вопросомъ отвѣтилъ хозяинъ.

— Я... Значить вы...

— Тотъ самый, которъй... Что: очень измѣнился? Не узнали сразу?

— Да вѣдь и вы меня тоже!

Я протянулъ руку. Художникъ пожалъ ее крѣпче, чѣмъ раньше, но не такъ, какъ я ожидалъ, судя по тому внезапному волненію, которое охватило Козлова, отразилось на его блѣдномъ, исхудаломъ лицѣ.

Онъ, видимо, сдерживался.

— Самъ знаю, что измѣнился... Не увѣряйте, добавилъ онъ, и голосъ его задрожалъ.

— Года, сказалъ я.

— Что—года?... Другіе развѣ въ мои лѣта такіе? Вѣдь вы ровесникъ мнѣ!

Онъ не могъ сдержать вздоха.

— Какъ вы попали сюда? Вѣдь вы въ Москвѣ жили? спросилъ я.

— Да, жилъ, а вотъ умирать приходится въ какомъ-то Болотинскѣ!.. Ну, да все равно: могила вездѣ одинакова.

— Что вы говорите!

Я съ тревогою оглянулся назадъ. Сима стояла у печки и, широко раскрывъ свои лазурные глазки,—внимательно глядѣла на отца.

— Не пугайте ее... Смотрите...—прибавилъ я такъ тихо, чтобы дѣвочка не слышала.

Козловъ оглянулся на дочь.

— Все равно... не долго...—едва слышно произнесъ онъ, и—закашлялся, тѣмъ сквернымъ кашлемъ, какой бываетъ только у чахоточныхъ, и то—въ послѣдній періодъ болѣзни.

— Видите, глухо промолвилъ онъ, указывая глазами на кровавое пятно на платкѣ.---Эпилогъ скоро... Да и все равно... только вотъ дѣти...

— Вы овдовѣли?

— Да, уже два года.

— Но какъ вы попали сюда?.. Зачѣмъ?

— Случай... Случайно я и женился. Въ моей жизни случай игралъ большую роль.

— Зачѣмъ вы бросили Москву? Тамъ лучше.

— Такимъ счастливымъ какъ Пазухинъ? Да!.. Вы его видите теперь?

— Прошлой зимой видѣлъ и познакомился съ его женой.

— Съ Клавдіей Сергѣевной?

— Вы ее знали?

— О, да!

И горькая улыбка скользнула по его блѣднымъ губамъ.

— Пазухину вездѣ будетъ хорошо, сказалъ Козловъ, помолчавъ.

— Вы думаете потому, что онъ талантливъ?

— Что талантъ, возразилъ художникъ, плохо скрывая раздраженіе.—Талантъ не Богъ вѣсть какой у него.

— У Пазухина? невольно воскликнулъ я.

— А вы что: гениемъ его считаете?

— Не гениемъ... а все-же... талантъ большой!

— Ловкость большая, а не талантъ! Интриганъ, каналья шустря! Этимъ и выльзъ... Гдѣ его работы... укажите!

— Ихъ не мало... Хоть-бы первая, за которую онъ золотую медаль получилъ.

— Ну, я знаю, какъ онъ получилъ...'

Я не сталъ спорить, видя, что Козловъ раздражается... „Между ними навѣрное что-то было“, рѣшилъ я и поспѣшилъ переменить разговоръ.

Мало по малу художникъ успокоился. Мы вспомнили далекіе года.

— Да, произнесъ Козловъ, откашливаясь:—когда-то я думалъ, что... однимъ словомъ мечталъ „въ храмъ славы попасть“, а между тѣмъ не попалъ и въ больницу!.. Таланты... Что-же, по вашему я то—бездарность, мразь?

— Богъ съ вами!

— А вотъ приходится писать „патреты“ купцовъ здѣшнихъ, по трешницѣ за штуку.

Я молчалъ.

— Вотъ талантливый Пазухинъ хотѣлъ было меня облагодѣтельствовать, но я послалъ его къ чорту!

И Козловъ нервно засмѣялся.

— Почему-же? невольно вырвалось у меня.

— А потому, что не хочу, онъ—извольте видѣть,—имѣеть связи и предлагаетъ товарищу милостыню—мѣсто учителя рисованія въ школѣ... Наплеваль я на эту іудину помощь!

— Простите, но вы, кажется, ошибаетесь, не выдержавъ возразилъ я:—Пазухинъ не похожъ на Іуду.

— Позвольте мнѣ лучше знать. Не похожъ! Да если-бы не онъ—я-бы получилъ золотую медаль. Если-бы не онъ... Эхъ, тяжело мнѣ объ этомъ говорить, да уже если зашла рѣчь, такъ скажу... Да мнѣ и все равно: я скоро подохну, съ нимъ не встрѣчусь, да и съ вами, можетъ, говорю въ послѣдній разъ... Не утѣшайте!.. Такъ вотъ, ужъ если пошло на то: я любилъ Клавдію Сергѣевну и она мнѣ симпатизировала, а онъ взялъ и отбилъ! Мало было ему своихъ успѣховъ, счастья, такъ еще надо было отнять у неудачника-товарища его послѣднюю радость... Мерзавецъ!..

Козловъ взволновался, закашлялся. Красныя пятна выступили у него на щекахъ. Въ голосѣ послышались слезы.

Мнѣ сдѣлалось глубоко жаль его.

— Успокойтесь! сказалъ я, беря его за руку.

— Скоро успокоюсь и... навсегда! промолвилъ Козловъ и вдругъ заплакалъ.

Но онъ спохватился, поспѣшно отеръ слезы и подзвалъ къ себѣ дочь.

У той на глазахъ тоже блестяли слезы.

— Голубка моя... бѣдная птичка! шепталъ Козловъ, цѣлуя дѣвочку. Не плачь, дурашка... Твой папка—тряпка, дрянъ...

— Ножкамъ больно? пролепетала Сима.

— Ножкамъ, голубка,—съ грустной улыбкой отвѣтилъ отецъ.

Онъ поласкалъ еще дѣвочку и сказалъ ей, чтобы она шла играть съ братомъ.

— Вотъ, вѣдь, бѣдная—тяжело ей, обратился тихо ко мнѣ Козловъ: прислуги нѣтъ... гдѣ тутъ! Ходитъ женщина, кое-что сдѣлаетъ, дровъ, воды принесетъ... готовить, когда есть на что... Что это вы сказали давеча: какое дѣло ко мнѣ? Или это предлогъ былъ... Хотѣли нищему богомазу помочь?

— Иванъ Петровичъ, что вы! Я хотѣлъ васъ просить

написать мнѣ Христа, благословляющаго дѣтей... Для школы.

— Что же: я могу! И возьму не дорого!.. Эхъ, Павелъ Ильичъ... такъ вѣдь? Хорошо!.. Думали-ли вы *тогда*, что я такимъ сдѣлаюсь... А вотъ... Все семья... Я сказалъ, что случайно женился... Да, вѣрно... на зло... хотѣлъ показать красивой куколкѣ, что и безъ нея счастье найду... Ну, и женился... А счастья такъ и не нашель! Безъ любви нѣтъ счастья... чтобы тамъ ни говорили. Я, конечно, про людей... А канальямъ-карьеристамъ все равно!

Онъ помолчалъ, пошевелилъ посинѣвшими губами и промолвилъ:

— Бѣды пошли на меня... Жена болѣла, я самъ простудился... Кутилъ, вѣдь, что скрывать! Залить хотѣлъ виномъ... да развѣ имъ пустоту душевную залъешь! Дѣти, болѣзни, денегъ нѣтъ... Умеръ дядя у жены въ здѣшной трущобѣ... Домишка остался. Мы и поѣхали. Домишка-то былъ баня, а забрались, выбратъся нечѣмъ... И пришлось въ богомазы идти. Послѣ родовъ его (Козловъ указалъ на сына) жена умерла. У меня чахотка обозначилась ясно... Куда тащиться... умирать-то вездѣ все равно.

Онъ опять закашлялся.

— Отчего вы бросили картины?

— А кто ихъ будетъ покупать здѣсь? Не посылать же въ Москву... Ну, а образа берутъ, и „патреты“ идутъ... Гроши, а все не умрешь хоть съ голоду... Георгія напишешь—ну, рублевка. Варвару—еще... и кормишься! Нѣтъ, гдѣ ужъ картины... Хотѣлось бы одну дописать, да и то не придеться...

— Отчего?

— Не здѣсь она... гдѣ же везти... Оставилъ у пріятеля въ Ярославлѣ... Поѣдете, заверните къ чиновнику Соколову... у него...

— Какой сюжетъ?

— Смерть жены священника. Давно началъ... Посмотрите, черкните, какъ найдете...

— Только едва-ли дотяну... съ водой по веснѣ и я ушлыву!

Я посидѣлъ еще у Козлова, оставилъ ему задатокъ и простился, обѣщаясь зайти опять черезъ нѣсколько дней.

Но мнѣ не пришлось сдержать слова. Дѣла неожиданно вызвали меня на родину. Уѣзжая, я послалъ Козлову остальные деньги, прося картину оставить у себя до моего возвращенія.

Я думалъ вернуться черезъ мѣсяць—къ послѣднимъ числамъ марта, а возвратился въ Болотинскъ только въ юлѣ.

Я не засталъ уже Козлова въ живыхъ. Онъ не ошибся: въ маѣ онъ „уплылъ“.

— А гдѣ-же Сима? спросилъ я у сосѣдей, сообщившихъ мнѣ печальное извѣстie.

— Она въ здѣшнемъ сиротскомъ пріютѣ... А мальчикъ умеръ отъ скарлатины.

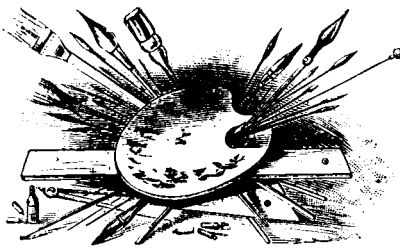
Я хотѣлъ повидать дѣвочку, но она вмѣстѣ съ другими пріютками была на дачѣ.

Уѣзжая въ Москву, я рѣшилъ что-нибудь сдѣлать для бѣдной сиротки съ кроткими лазурными глазками.

Кіевъ.

И. Вологодскій.

(До слѣд. книжки.)

Письма изъ Петербурга.

V.

ОСЕННИЕ ДНИ.

На смѣну „разъясненному“ г. Колюбакину, петербуржцу предстояло выбрать новаго депутата въ 3-ю Государственную Думу.

И грянуль бой.

Повелась предвыборная агитація, для которой были использованы всѣ дозволенные и недозволенные пути.

— „Русскіе люди!—взывали монархисты.—Если вы желаете по г. Спб. избрать лицо, способное поддерживать русскіе интересы, то знайте, что въ городѣ С.-Петербурга лишь меньшинство избирателей принадлежитъ къ такимъ партіямъ, которыя ставятъ интересы инородцевъ выше русскіихъ интересовъ. Поэтому непременно идите на выборы и подавайте за присяжнаго повѣреннаго П. Ф. Булацеля“.

Союзъ 17 октября приглашалъ голосовать за С. Д. Грибоѣдова, знатока крестьянской жизни, полагающаго задачей честныхъ людей посвящать служенію народному научный трудъ и государственную работу. Убѣжденный сторонникъ преобразованій, С. Д. Грибоѣдовъ видитъ въ мирномъ осуществленіи завѣтовъ манифеста 17 октября залогъ величія единой и недѣлимой Россіи“.

Партія мирнаго обновленія, пересчитать которую легко при помощи пальцевъ обѣихъ рукъ, предложила В. Д. Кузьмина-Караваева, имѣя въ виду, что въ настоящее время необходимо забыть узко-партійные интересы и стремиться къ устраненію розни прогрессивныхъ элементовъ страны. Этой потребности будетъ вполне удовлетворять избраніе В. Д. Кузьмина-Караваева, извѣстнаго своимъ определен-

нымъ направлениемъ, которое давно засвидѣтельствовано его дѣятельностью въ земствѣ, наукѣ и Государственной Думѣ (1 и 2 созыва).

Кадеты упорно стремились провести члена 2-й Госуд. Думы, бывшаго главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ Н. Н. Кутлера.

„Избиратели—демократы!—не предлагалъ, а угрожающе кричалъ социаль-демократическій листокъ „Новый день“—уличная листовка, съ направлениемъ канувшихъ „красныхъ дней“, вымирающій типъ „понедѣльничной желтой“ прессы.

„Сегодня вы должны свято выполнить свой политическій долгъ. Сегодня вы должны вѣрно послужить великому дѣлу свободы! Идите къ избирательнымъ урнамъ! Своимъ бюллетенемъ произнесите приговоръ надъ реакціонной политикой бюрократіи, надъ жалкимъ прислужничествомъ октябристовъ, надъ бесплоднымъ крохоборствомъ кадетовъ. Подавайте голоса за неутомимаго борца, за подлиннаго и преданнаго защитника народныхъ нуждъ, за Николая Дмитріевича Соколова“.

Собственно бой разыгрался лишь между двумя кандидатами или вѣрнѣе между двумя партіями: кадетской и эсъ-декской. Послѣдняя не могла простить лидеру „ка-де“ П. Н. Милюкову, данной этой партіи клички.. „лѣвыхъ ословъ“ и такъ лягалась, что за человѣка страшно становилось. На Кутлера сыпалось столько шишекъ и подчасъ такихъ внушительныхъ, что куда же пресловутому Макару до него!!

....Знатокъ финансоваго дѣла!—ха-ха-ха!—заливались эсъ-деки.—А чѣмъ, позвольте узнать, во 2-й Думѣ изволили проявить свои познанія? Не про васъ-ли сказалъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ П. А. Столыпинъ, что вашими обвиненіями вы нанесли ударъ не по коню, а по... оглоблѣ?!

Не за вами ли числятся знаменитые проекты объ изъятіи продовольственнаго дѣла изъ вѣдѣнія земства?! Не вы ли проектировали денежныя награды губернаторамъ за успѣшное выколачиваніе недоимокъ?! А проектъ принудительнаго отчужденія кѣмъ писанъ?

И сыпали обиженные лѣвые ослы, какъ изъ безконечнаго мѣшка грѣшки и прегрѣшенія кадетскаго депутата и, казалось, на немъ мѣста живого не останется.

Н. Н. Кутлеръ на всѣ нападкы въ газетахъ отмалчивался, а съ каеэдры елейно говорилъ:—„Не мастеръ я, краснорѣчьемъ не обладаю, ну, а ежели что и говорятъ противъ прежней моей дѣятельности, то ничего преступнаго я въ ней не вижу. Сами понимаете—лицо я былъ подначальное—что начальство приказывало, то и дѣлалъ. Ибо, все равно—не я бы, такъ сотни другихъ стали бы это дѣлать. Къ чему же напрасно донкихотствовать?!

У кандидата партіи „с.-д.“, кромѣ образовательнаго ценза былъ еще высокій тюремнополитическій цензъ, что очень ласкало слухъ „Новаго дня“ (вотъ ужъ, воистину, никто, какъ свой!!).

— Помилуйте, это ли не кандидатъ: въ 1894 г. былъ арестованъ, въ 1896 былъ... опять арестованъ, а потомъ, послѣ 8-ми мѣсячнаго заключенія—высланъ въ Ревель. Въ 1903 году былъ арестованъ, заключенъ въ тюрьму и высланъ изъ Бессарабской губерніи за распространеніе на судѣ и внѣ суда ложныхъ свѣдѣній... Въ 1905 году прибалтійскій генераль-губернаторъ воспрещаетъ ему пребываніе въ краѣ, въ виду того, что поведеніе его въ военныхъ судахъ въ качествѣ защитника вредно отражается на общественномъ спокойствіи. И т. д.

Сейчасъ г. Соколовъ на свободѣ...

Господи, да какого-же рожна вамъ надо, если это не депутатъ!!

Неужли же г. Грибоѣдовъ лучше? Мало ли что онъ извѣстенъ своими трудами по астрономіи и метеорологіи?! Мало ли, что благодаря такимъ людямъ, какъ Грибоѣдовъ, при сочувствіи общества и поддержкѣ правительства, въ Америкѣ спасаются десятки милліоновъ, т. к. существуетъ правильное метеорологическое „предупрежденіе“?!

„Рѣчь“, засунувъ пальцы въ ротъ свистала и глумила:

— Вотъ это депутатъ! Онъ метеорологъ! Онъ обѣщаетъ подарить солнце избирателю, обѣщаетъ исправить погоду! А если его не выберутъ, то забаллотированный Грибоѣдовъ можетъ напустить на Россію такого Глазенапа, что сто лѣтъ будутъ помнить. Онъ можетъ свалить луну на Государственную Думу и превратить ее въ лепешку. Выбирайте Грибоѣдова! Впрочемъ, Марсъ, Венера и Юпитеръ уже обѣщали метеорологу свои голоса. Атмосферные осадки тоже за него!“...

Кипѣли предвыборныя собранія. На моторахъ переѣзжали группы однихъ и тѣхъ же ораторовъ изъ одного избирательнаго участка въ другой.

Больше всѣхъ старался П. Н. Милюковъ, которому эсъ-деки, кромѣ указаннаго ласковаго эпитета, не могутъ простить еще пѣнія народнаго гимна въ Лондонѣ и громкой фразы: мы—оппозиція Его Величества!!

Гремѣлъ Ф. И. Родичевъ, „ораторъ высокихъ нотъ“, турецкій барабанъ кадетской партіи.

Больше всего труда было приложено кадетами и, какъ уже знаетъ читатель, не напрасно. Побѣдилъ ихъ кандидатъ Н. Н. Кутлеръ, также какъ въ Москвѣ Щепкинъ и въ Одессѣ—Бродскій.

Молчали октябристы, безсильны были мирнообновленцы,

мало убѣдительно и порою смѣшны были потуги лѣвыхъ. Лишь кадеты не щадили силъ и денегъ. По самому скромному подсчету торжество по Петербургу обошлось не менѣе 12—15 тысячъ.

Зная инертность петербургскаго избирателя, его абсентеизмъ, партія присылала прямо на квартиру „въ постельку“ готовый бюллетень, въ который было уже все вписано; оставалось немногое—итти и опустить его въ урну.

Кадетскій комитетъ разсылалъ избирателямъ кромѣ услужливо „приготовленнаго“ бюллетеня, еще зажигательное воззваніе, портретъ Н. Н. Кутлера и умѣло составленную его біографію, въ которой надлежало обойдены всѣ рифы и мели служебной дѣятельности кадетскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и петербургскаго ставленника.

Въ стихахъ и прозѣ влетаетъ теперь кадетамъ за ихъ выборъ и за ихъ побѣду.

Вл. Лихачевъ, извѣстный переводчикъ, нынѣ размѣнявшійся на личную прибаутку, писалъ:

„Значить, у кадетовъ плохо въ партіи, коль дошло у нихъ до Кутлеровъ: себя отрѣзавъ рвомъ отъ хартии, назадъ они перескакнутъ-ли ровъ?“

И еще:

Пусть насъ не понимаютъ—
У насъ свой нравъ и цвѣтъ:
Кадеты побѣждаютъ,
А полководцы—нѣтъ!

Безконечно затянулось Герценштейновское дѣло, разбираемое въ Кювенепе, раздутое до тошноты лѣвой печатью и принесшее пользу развѣ только дореформенному Финляндскому суду, поражающему своей нелѣпностью и анекдотичностью.

Это уразумѣли и сами финны и въ первую голову реформы поставили нынѣ реорганизацію суда.

Съ этимъ судомъ сравниться можетъ, пожалуй, только такое допотопное учрежденіе, какъ нашъ Сиротскій судъ.

Давно уже ходили слухи, что на Шипкѣ не все спокойно. И, дѣйствительно, ревизія, образованная распоряженіемъ Министра Юстиціи, докопалась до интересныхъ и весьма пикантныхъ подробностей патріархальныхъ нравовъ, царствовавшихъ до сихъ поръ въ Петербургскомъ судѣ.

Составъ присутствія этого анахроническаго сословнаго учрежденія: первоприсутствующій—коммерціи совѣтникъ, кирпичный фабрикантъ, образованія домашняго. Онъ-же служить въ уѣздной земской управѣ; онъ-же служитъ въ обществѣ взаимнаго кредита; онъ-же... вообще много еще такихъ „онъ-же“.

Члены присутствія—знаменитый трактирный „ханъ“ и

владѣлецъ нѣсколькихъ увеселительныхъ заведеній, закрытыхъ нынѣ приказомъ градоначальника, за слишкомъ... странную манеру веселиться.

И еще нѣсколько столь же полезныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей.

Вначалѣ въ Сиротскомъ судѣ рѣшалось 800—900 дѣлъ въ годъ, а потомъ пошло на убыль, но не потому что дѣлъ не подваливало, а просто разрѣшать ихъ не кому было—все люди занятые!! Однако же, какъ только пошли слухи о ревизіи—сразу въ 8 мѣсяцевъ было заслушано и разрѣшено до 9.000 дѣлъ...

Дѣла рѣшались келейно и семейно. Опекунами, независимо отъ того—требовало-ли само дѣло назначенія такового, избирался первоприсутствующимъ одинъ изъ трехъ „безсмѣнныхъ“ опекуновъ: или своякъ, или кумъ, или близкій другъ первоприсутствующаго.

Вступая въ исправленіе своихъ обязанностей, такой опекунъ, прежде всего и раньше всего начиналъ трогательно заботиться о хозяйственныхъ интересахъ опекаемаго: приступалъ къ ремонту его домовъ, обязательно крупному ремонту, исправлялъ мостовыя, дѣлалъ пристройки для увеличенія доходности и пр. и пр.

Одинъ изъ такихъ „средственничковъ“ ухитрился на эти ремонтныя работы истратить около... 120 тысячъ, за весьма короткій срокъ.

Немудрено, что опекаемые „возопили“—и результаты близки... быть можетъ и не совсѣмъ пріятные для теплой компаніи.

Прозектъ о реформѣ Сиротскаго суда уже выработанъ и скоро будетъ внесенъ въ Государственную Думу.

Въ эти пасмурные, сырые, пронизывающіе осенніе дни, хочется отдохнуть душой и мыслями на двухъ свѣтлыхъ к билеяхъ, на двухъ свѣтлыхъ именахъ.

Торжественно отпраздновали 17 сентября 50-ти лѣтній юбилей священства члена Святѣйшаго Синода, протопресвитера военнаго и морского духовенства, А. А. Желобовскаго, выдающаяся и разнообразная дѣятельность котораго была такъ милостиво оцѣнена Высочайшимъ рескриптомъ.

Безъ связей, безъ средствъ, только себѣ одному обязаный, вышелъ о. Желобовскій на дорогу. Сынъ бѣднаго псаломщика заброшеннаго въ глушь прихода, А. А. получилъ первоначальное образованіе въ духовномъ училищѣ, затѣмъ въ Новгородской духовной семинаріи. За отличное окончаніе ея былъ посланъ въ Петербургскую духовную академію, которую и кончилъ со степенію магистра богословія. Отказавшись отъ профессуры, пошелъ служить рядо-

вымъ полковымъ священникомъ въ Митавскій полкъ. Съ этимъ полкомъ былъ въ походахъ во время польскаго мятежа и тутъ впервые проявилъ свое блестящее проповѣдническое дарованіе.

Мало по малу, переходя съ одной должности на другую,

Протопресвитеръ А. А. Желобовскій.

онъ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ и талантамъ—дошелъ до высокаго поста протопресвитера. Трудно въ краткихъ словахъ передать, какъ много сдѣлано А. А. для военнаго духовенства, для его вдовъ и сиротъ. Съ полной убѣжденностью, однако, можно сказать, что если наше воен-

ное духовенство и достигло извѣстной обезпеченности, то этимъ оно всецѣло обязано уважаемому пастырю.

Ему же принадлежитъ учрежденіе внѣ богослужебныхъ собесѣдованій; имъ же приведены въ порядокъ полковныя кладбища, устроены духовныя бібліотеки, церковно-приходскія школы и пр.

Свыше 100 депутацій принесли юбиляру адреса и поношенія. Свыше 500 телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи доказали А. А. Желобовскому, что и на Руси умѣютъ цѣнить доблестныхъ людей, поставившихъ цѣлью своей жизни—благо ближняго.

Второй свѣтлый моментъ жизни петербуржца было единогласное избраніе М. М. Стасюлевича почетнымъ гражданиномъ сѣверной столицы.

Въ своей рѣчи городской голова объявилъ о постановленіи Думы учредить стипендію имени М. М., повѣсить его портретъ и присвоить его имени городское 4-хъ классное училище.

Всю свою жизнь, помимо профессуры, литературныхъ трудовъ и пр., М. М. былъ просвѣщеннымъ, убѣжденнымъ и горячимъ борцомъ за лучшіе завѣты самоуправленія.

Какъ бывший предсѣдатель комиссіи по народному образованію, онъ такъ много сдѣлалъ въ этой отрасли для Петербурга, что избраніе его почетнымъ гражданиномъ есть только слабое выраженіе благодарности. И нынѣшній предсѣдатель этой комиссіи, почтенный П. А. Потѣхинъ, въ своей рѣчи благодарилъ М. М. за отстаиваніе грудью cadaго мѣропріятія. „Это дало мнѣ возможность итти уже по очищенному пути“...

Въ отвѣтной рѣчи юбиляра звучала скорбная нотка сознанія, что силы уходятъ, звучало сожалѣніе о невозможности и дальше служить съ тѣмъ же рвеніемъ родному городу.

Это же сознаніе заставило М. М. разстаться съ „Вѣстникомъ Европы“, столько лѣтъ съ педантичной аккуратностью выходившемъ каждое 1-ое число, подъ редакціей М. М. Разстаться съ любимымъ дѣтищемъ и передать его въ чужія и, Богъ вѣсть, надежныя-ли руки?!

Позвольте привести изъ давно забытой книги, когда-то извѣстнаго фельетониста Михневича, юмористическую характеристику, данную М. М. Стасюлевичу.

Несмотря на свыше 25-ти лѣтнюю давность многое еще свѣжо и не потеряло своей остроты.

„Докторъ исторіи, бывший профессоръ, писатель, издатель-журналистъ и думскій дѣятель, М. М. Стасюлевичъ представляетъ своимъ личнымъ характеромъ, образомъ мыслей и дѣятельностью, рѣдкій на Руси образецъ челоуѣка виолнѣ парламентарнаго, т. е., не въ какомъ нибудь—избави Богъ!—

нецензурномъ смыслѣ: (хотя находятся указующіе персты, которые въ такомъ смыслѣ на него инсинуируютъ), а въ такомъ, что это человѣкъ строгой законности, порядка, труда, приличія и просвѣщенной среды во всемъ и вездѣ—и у себя дома, и на профессорской кафедрѣ, и за редакторской конторкой и на публичной трибунѣ. Даже благообразная, вполне парламентарная наружность М. М., его средній ростъ, среднія лѣта, все знаменуетъ въ немъ такую именно стройную индивидуальную пропорціональность склада и воспитанія, приспособленныхъ къ мирному, не особенно бойкому, а среднему, ни шаткому, ни валкому режиму. Замѣчательно, что М. М. даже въ своей наукѣ держался больше середины въ хронологическомъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи: онъ преподавалъ среднюю исторію, написалъ превосходную „Исторію среднихъ вѣковъ“—обширѣйшій и лучшій изъ его ученыхъ трудовъ. Вся его трудолюбивая дѣятельность и всѣ предпріятія, не блистая какой нибудь чрезвычайностью, носятъ печать солидности, обдуманной зрѣлости и безупречной порядочности. Таковъ основанный имъ журналъ „Вѣстникъ Европы“, который никогда не былъ особенно яркимъ ни по направленію, ни по содержанію, но всегда былъ и остается академически приличнымъ, серьезнымъ, просвѣщеннымъ, неукоснительно стоящимъ на высотѣ науки и европейскаго прогресса.

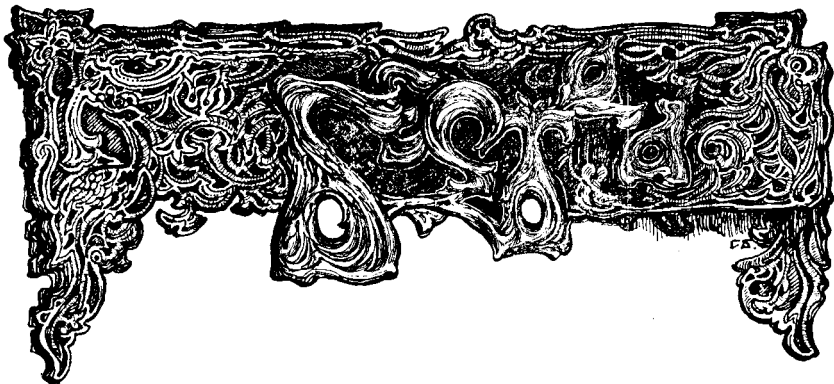
Въ городской думѣ, г. Стасюлевичъ положительно самый парламентарный изъ гласныхъ и самый выдающійся изъ вождей ея интеллигентной партіи. Онъ принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ думскихъ занятіяхъ, бдительно стоитъ на стражѣ городскихъ интересовъ и его спокойныя, дѣльныя, мастерскія по формѣ думскія рѣчи—образецъ парламентарнаго краснорѣчія. Такіе люди, какъ М. М., всегда и вездѣ цѣнны, тѣмъ болѣе у насъ, при нашемъ безлюдьи, восполняемомъ сплошь и рядомъ невѣждами, шарлатанами и хапугами“.*)

Н. Гребецкой.

Октябрь.

*) Стр. 209 „Наши Знакомые“. Характеристики Вл. Михневича. Изд. 1884 года.

НАРОСТАЮЩЕЕ ЗЛО.

На дняхъ мнѣ пришлось, въ одномъ домѣ, быть свидѣтелемъ, какъ жажда удовольствій впиталась въ души нашего юношества. И вотъ я рѣшилъ побесѣдовать объ удовольствіяхъ.

Овидій, римскій поэтъ, говоритъ: „отцы и дѣти, мать и дочь, бѣдняки и важные сенаторы устремляютъ свои глаза на сцену.“ Чѣмъ больше поэтъ способенъ портить нравы, тѣмъ лучше онъ награждается“.

Это зло прививается и у насъ.

Я имѣю въ виду страсть ко всевозможнымъ удовольствіямъ, все болѣе и болѣе развивающуюся въ обществѣ.

Всему мѣра. Всему время. Можно и надо предаваться развлеченіямъ, но не надо поработать себя имъ.

Апостоль хорошо сказалъ: „Все мнѣ позволительно, но не все полезно“. И продолжаетъ: „Все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною“.

Вотъ глубина мысли, которая вообще свойственна апостолу языковъ.

Это не запрещеніе. Это наставленіе. Онъ не говоритъ: нельзя. Онъ говоритъ: *можно*, но надо знать *чѣмъ* и *какъ*.

„Но ничто не должно обладать мною“.

Вотъ именно: не надо быть рабомъ страсти, удовольствія. А не рабъ только тотъ, кто выработалъ волю управлять собою. Я *хочу*.—Этого еще не достаточно.

По такому закону живутъ всѣ распущенные, всѣ рабы страсти, желаній. Жалкіе рабы, ничтожные люди.

„Я *хочу*“.—Но хорошо-ли это? Надо-ли это?

Если не хорошо, не нужно, такъ надо побѣдить свое желаніе и не поддаться ему, не стать его рабомъ, а самому покорить его себѣ, стать господиномъ его.

Наша вѣра, нравственность вообще не противъ удовольствій чистыхъ.

Они несутъ отдыхъ и освѣженіе душѣ и тѣлу.

„Удовольствія, говоритъ одинъ писатель, позволительны, когда ими пользуются не въ ущербъ другимъ, болѣе высокимъ требованіямъ своего духа—потребностямъ умственного и нравственного самоусовершенствованія и обязанностей и трудовой дѣятельности; когда удовольствія не вредятъ чистотѣ нравовъ, когда эти удовольствія допускаются въ мѣру и не переходятъ въ непреодолимую жажду къ нимъ“.

Вотъ неумѣренность-то и развивается у насъ за послѣднее время.

Но является еще и другой вопросъ: о преждевременности, то есть о слишкомъ раннемъ пользованіи удовольствіями.

Никакъ нельзя не согласиться съ вѣрнымъ замѣчаніемъ опытнаго педагога, что „для нормальнаго развитія человѣка требуется главнѣе всего образованіе въ немъ высшихъ силъ—ума, воли и самосознанія“. Музыкальный инструментъ, лишь тогда издаетъ пріятные звуки, когда всѣ струны его держатся въ такомъ напряженіи, какое нужно для тона, который требуется отъ каждой изъ нихъ; такъ и въ нашей душѣ—лишь тогда совершается стройная дѣятельность, когда каждая способность ея дѣйствуетъ въ нормальной степени ея напряженности въ согласіи съ другими силами.

Удовольствія, если начинаются для человѣка слишкомъ рано и повторяются очень часто, дѣйствуя на его воображеніе и чувство, развиваютъ эти силы чрезмерно. Всѣ высшія силы—ума и воли ослабляются въ своей дѣятельности, и эти высшія силы духовнаго организма приходятъ въ безжизненное состояніе. Это все равно, какъ если бы невѣжественная рука стала производить грубые удары по однѣмъ струнамъ инструмента, оставляя другія въ покоѣ.

При этомъ инструментъ не только не издавалъ-бы пріятныхъ гармоническихъ звуковъ, но подвергался бы порчѣ. Но именно въ такія ненормальныя условія душевнаго развитія мы ставимъ нынѣ дѣтей и вообще юноше-

ство, не только открывая настежь передъ ними всѣ двери, ведущія къ удовольствію, но и частымъ позволеніемъ пользоваться удовольствіями, разжигая въ юныхъ душахъ жажду къ развлеченіямъ.

Безъ нихъ уже скучно юношѣ.

— Мама, можно мнѣ сегодня въ театръ?

— Но вѣдь ты уже былъ.

— Когда же я былъ?

— Третьяго дня!

— Такъ что же, это не вчера!

— На той недѣлѣ ты былъ три дня подь рядъ.

— Что же такое: театръ развѣ дурное мѣсто? Можно и каждый день бывать.

Мать не хотѣла пускать, но сынъ упросилъ. Онъ рвался въ театръ и онъ искалъ въ театрѣ вовсе не воспитательной пользы, а просто развлечения.

— Что же я стану дѣлать дома, если не пойду въ театръ?

— Читай.

И въ отвѣтъ:—Ну вотъ... скучно...

Безъ волнующихъ и разжигающихъ развлеченій уже скучно, и нельзя дня пробыть. Другіе запросы угасли. Растетъ одна жажда зрѣлищъ. Эту же жажду хотятъ и стараются развить въ народной массѣ. Театры множатся.

„Хлѣба и зрѣлищъ“!

Неужели къ этому вести толпу?

Неужели юношество надо преждевременно приучать къ частымъ зрѣлищамъ?

Жалобы благомыслящихъ людей справедливы.

Они говорятъ: прежде чѣмъ развить въ дѣтяхъ навыкъ къ труду, прежде чѣмъ окрѣпла въ нихъ воля въ правилахъ нравственной дисциплины, мы соблазняемъ ихъ всякими зрѣлищами.

Я скажу отъ себя: опасны не зрѣлища, а неумѣренность ихъ, которая настраиваетъ юношей на нервно-нестественный ладъ и, откидывая отъ труда, отъ серьезныхъ занятій, притягиваетъ къ внѣшнимъ и кричащимъ развлечениямъ. Они не отдыхаютъ отъ труда въ театрѣ, а только и живутъ театрами, бредятъ ими. Это уже плачевно. И опять: какія удовольствія! Театръ? Но какой? Прежній ли—воспи-

тывавший, или современный—часто только развращающий?

Я знаю, что нѣкоторые родители отпускаютъ дѣтей-подростковъ даже на вьяльцевскія завыванія.

На оперетку ѣздятъ семьями. Берутъ даже дѣтей лѣтъ двѣнадцати, и моложе. И никто не позаботится о дѣтской оперѣ, объ организаціи здоровыхъ развлеченій.

Для подтвержденія словъ о томъ, что дѣтей возятъ туда, куда не слѣдуетъ, я приведу маленькую картинку, набросанную очень вѣрно.

Въ одномъ московскомъ театрѣ зрительный залъ былъ переполненъ, причемъ какъ въ креслахъ такъ и въ ложахъ невольно бросались въ глаза сѣрыя курточки учениковъ. Поднялся занавѣсъ.

Началась невозможная по цинизму сцена въ уборной героини.

Залъ замеръ. Молодые личики раскраснѣлись. Глаза разгорѣлись.

Разговоръ. Героиня раздѣвается. Мамаши и папаши улыбались. Опустился занавѣсъ. Раздались аплодисменты.

Ну, что скажете? Можно на такія представленія водить дѣтей?

А ихъ водятъ. Въ деревнѣ ставятъ часто пьесы, тоже не подходящія.

Это вина тѣхъ, которые берутся за просвѣщеніе путемъ театра (и вмѣсто просвѣщенія только разжигаютъ страсти.

„Все позволительно, но не все полезно“ Это (надо помнить.

Никто, конечно, не станетъ вооружаться противъ театральныхъ представленій вообще. Это смѣшно. Театръ нуженъ. Онъ полезенъ. Но нуженъ строгій выборъ пьесъ, особенно если имѣются въ виду дѣти.

Скажутъ: не надо всюду ихъ водить.

Разумѣется. Я объ этомъ и говорю.

Но едва ли хорошо, если и для взрослыхъ даются пьесы, лишь разжигающія низшіе инстинкты. Не для этой цѣли театръ. А если допускать такія пьесы, не дающія здоровой пищи ни для ума и ни для сердца, то тогда нечего и распространяться о воспитательномъ вліяніи театра.

Называйте его просто мѣстомъ развлеченія и не гово-

рите громкихъ фразъ о храмѣ искусства, о театрѣ, какъ школѣ. Надо осторожно употреблять слова.

Но желательно процвѣтаніе театра хорошаго и могущаго быть дѣйствительно помощникомъ школы. Такой театръ не балаганъ. А балаганъ вреденъ и для народа.

И народу полезенъ только тотъ театръ, который воспитываетъ и учитъ.

Такой театръ можно создать. Но онъ не долженъ увлекать народъ до того, что бы сдѣлался дороже школы и чуть ли не ближе храма.

А. Кругловъ.

КНИЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1.

Ю. Н. Говоруха-Отрокъ.

Жичность Говорухи-Отрока ждетъ еще своей подробной и обстоятельной характеристики, а въ размѣрахъ небольшой статьи приходится, конечно, только намѣтить кое-какія главныя ея особенности, и хотя въ общихъ чертахъ возобновить въ памяти прекрасный, по-истинѣ вдохновенной нравственный обликъ этого убѣжденнаго и яркаго писателя христіанина.

Въ ранней молодости, въ эпоху семидесятыхъ годовъ, Юрій Николаевичъ, какъ и многіе другіе, былъ страстно и со всѣмъ пыломъ своей душевной организаціи увлеченъ тогдашнимъ революціоннымъ движеніемъ...

Это увлеченіе не дало ему возможности окончить университетскій курсъ, потому что, будучи еще студентомъ Харьковскаго университета, онъ былъ арестованъ и преданъ суду по извѣстному политическому процессу „193-хъ“.

Три года онъ просидѣлъ въ *одиночномъ заключеніи* въ Петропавловской крѣпости и въ домѣ предварительнаго заключенія...

*) Помѣщая въ март. № „Дн. Пис.“ статью пок. Говорухи-Отрока, мы обѣщали дать хотя краткій очеркъ личности и дѣятельности талантливаго писателя. Исполняемъ это обѣщаніе, печатая статью симпатичнаго поэта,—друга и поклонника Говорухи-Отрока. *Ред.*

И вотъ... *любимую книгою* въ тюрьмѣ постепенно дѣлается для него... *Св. Евангеле*, которое въ душѣ его произвело глубокой нравственный переворотъ. Онъ вышелъ изъ заключенія совершенно переродившимся.

Подъ неотразимымъ вліяніемъ Вѣчной Истины Христовой, открывшейся ему, онъ изъ яраго революціонера и атеиста превращается въ глубоко-вѣрующаго христіанина и искреннѣйшаго монархиста, сохранивъ новыя убѣжденія до самаго конца своихъ дней...

Бывшій „государственный преступникъ“, административно высланный въ Харьковъ, дѣлается сотрудникомъ Харьковской газеты *Южный Край*, которая, благодаря, главнымъ образомъ, его участію и участію его близкаго друга Николая Ивановича Черняева (автора извѣстнаго капитальнаго труда „Значеніе Самодержавія для Россіи“) пріобрѣтаетъ вскорѣ характеръ газеты, проповѣдующей идеалы Православія, Самодержавія и русской Народности.

Нельзя не отмѣтить, что съ этого времени у Юрія Николаевича началось болѣе или менѣе близкое общеніе съ знаменитымъ духовнымъ витіемъ—архіепискомъ Харьковскимъ Амвросіемъ, который произвелъ на него глубокое впечатлѣніе своими, дѣйствительно замѣчательными по красотѣ и силѣ, проповѣдями и несомнѣнно оказалъ громадное вліяніе на дальнѣйшее развитіе и его нравственной личности, и его религіозно-философскихъ и политическихъ убѣжденій...

Къ этому-же приблизительно періоду относится начало и моего личнаго, сперва мимолетнаго, а послѣ болѣе близкаго знакомства съ Юріемъ Николаевичемъ.

Въ то время я едва только начиналъ свою литературную дѣятельность, и съ чисто-юношескимъ восхищеніемъ жадно слѣдилъ за каждой строчкой Юрія Николаевича, писавшаго *ежедневно* громадныя статьи и фельетоны, сокрытыя буквой „Г.“ или псевдонимомъ, „*Никто*“... Онъ въ нихъ касался и религіозныхъ, и политическихъ, и литературныхъ, и философскихъ, и художественныхъ вопросовъ, и все это писалось съ необыкновенной искренностью, съ тѣмъ огнемъ, который не могъ не заронить искръ въ душу cadaго, а тѣмъ болѣе такого, тогда еще юнаго, какъ я, читателя.

Сдѣлавшись однимъ изъ горячихъ поклонниковъ Юрія

Николаевича, я однажды, набравшись смѣлости, понесъ ему кое-какіе изъ первыхъ своихъ литературныхъ опытовъ, въ томъ числѣ и только-что вышедшую тогда изъ печати небольшую поэму...

Суровый и угрюмый на видъ, Юрій Николаевичъ принялъ меня съ такой теплотой и задушевностью, точно передъ нимъ былъ не какой-то совершенно неизвѣстный ему юноша-гимназистъ, а старый близкій пріятель. Въ слѣдующій мой приходъ къ нему съ той-же ласковостью и простотой сдѣлалъ мнѣ цѣлый рядъ очень цѣнныхъ критическихъ указаній по поводу моихъ произведеній, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ, подъ его-же редакціей, были впоследствии помѣщены въ *Южномъ Краѣ*.

Такимъ образомъ, я считалъ для себя великою честью—назвать незабвеннаго Юрія Николаевича однимъ изъ своихъ первыхъ литературныхъ наставниковъ.

Изъ этого-же перваго періода нашего знакомства припоминается мнѣ еще одинъ довольно любопытный эпизодъ.

Въ ту пору кружокъ гимназической молодежи, къ которому я принадлежалъ, очень увлекался литературой и театромъ, нерѣдко устраивая домашніе спектакли и литературные вечера.

Какъ извѣстно, Юрій Николаевичъ былъ рѣдкимъ театральнымъ критикомъ съ тонко развитымъ художественнымъ чутьемъ и широкой эрудиціей...

Мы, юные театралы, что называется, захлебывались отъ восторга, читая его превосходныя критическія статьи о театрѣ.

И вотъ однажды намъ въ голову пришла смѣлая мысль—пригласить его на нашъ домашній спектакль, чтобы выслушать его отзывъ и о *нашихъ* скромныхъ театральныхъ упражненіяхъ.

Нѣкоторые изъ товарищей считали эту мысль несбыточной мечтой, да и въ самомъ дѣлѣ: трудно было допустить, чтобы *настоящій*, серьезный театральный критикъ, да еще вѣчно заваленный ежедневной газетной работой, могъ, на-ряду съ посѣщеніемъ *настоящаго* театра, снизойти до присутствія на какомъ-то домашнемъ, почти дѣтскомъ, спектаклѣ.

По правдѣ сказать, я и самъ былъ очень смущенъ,

особенно послѣ того, какъ мнѣ, въ качествѣ уже знакомаго съ Юріемъ Николаевичемъ, поручили пригласить его на нашъ спектакль.

Я былъ вполне увѣренъ въ томъ, что Юрій Николаевичъ непременно отклонитъ это приглашеніе, и шелъ къ нему совершенно подавленный и рѣшительно безъ всякой надежды на успѣхъ моего визита. Каковы-же были мои удивленіе и восторгъ, когда, выслушавъ меня съ добродушно-насмѣшливой улыбкой, въ которой, однако, проглядывала нѣкоторая доля и любопытства, Юрій Николаевичъ безъ всякихъ упрасиваній съ моей стороны сейчасъ-же далъ обѣщаніе быть у насъ на спектаклѣ.

Но... не знаю, какъ другіе участники спектакля, а я лично, при всей своей радости, въ концѣ-концовъ... струсилъ, когда, выйдя на „сцену“ (спектакль происходилъ въ крошечномъ „зальцѣ“ квартиры одного изъ мѣстныхъ профессоровъ), увидѣлъ передъ собою въ двухъ шагахъ сидѣвшаго среди публики Юрія Николаевича.

— Ахъ, лучше-бы онъ не приходилъ!—невольнo мелькнуло у меня въ головѣ, хотя незадолго до этого я нѣсколько разъ посылалъ справиться о томъ, пришелъ-ли онъ.

Но это невольное смущеніе быстро прошло, когда я замѣтилъ, что Юрій Николаевичъ внимательно и серьезно, точно въ *настоящемъ* театрѣ, слѣдитъ за нашей игрой, и это меня сразу настолько ободрило, что я, преодолевъ свое мимолетное смущеніе, сталъ всѣми силами стараться, чтобы „не ударить въ грязь лицомъ“...

А играли мы,—стыдно и жутко вспомнить!—очень не легкую даже и для заправскихъ актеровъ извѣстную комедію Н. А. Соловьева *Жизнь Бялугина*, въ главной роли которой Юрій Николаевичъ, разумѣется, успѣлъ пересмотрѣть всѣхъ извѣстныхъ артистовъ, начиная съ едва-ли не лучшаго въ то время исполнителя этой роли знаменитаго М. Т. Иванова-Козельскаго.

Думается, что этотъ небольшой, но довольно характерный фактъ показываетъ, какъ чутко и вдумчиво относился онъ къ духовнымъ интересамъ учащейся молодежи...

Болѣе близкое знакомство и тѣсное общеніе за общою журнальною работою началось у меня съ Юріемъ Николае-

вичемъ съ 1886 года, когда я сдѣлался постояннымъ членомъ редакціи *Южнаго Края*,—и продолжалось въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ.

Какую богатую пищу для души и ума давали мнѣ частыя и долгія бесѣды съ этимъ замѣчательнымъ публицистомъ.

Тяжелыя условія работы провинціального журналиста, еще болѣе тяжелое прошлое самаго Юрія Николаевича, нажившее на него стѣсненія административнаго надзора, не мѣшали ему сохранять необыкновенную душевную бодрость, рѣдкую неутомимость въ работѣ, изумительное чутье въ оцѣнкѣ самыхъ разнообразныхъ явленій жизни, и какую-то духовную проникновенность во внутренность ихъ смысла.

При этомъ меня особенно поражала удивительная разносторонность и энциклопедичность, проявлявшіяся не только въ его статьяяхъ, но и въ обыкновенныхъ бесѣдахъ.

Внѣшняя суровость и угрюмость, слѣды пережитой душевной драмы и одиночнаго заключенія, какъ-то сразу исчезали въ тѣ моменты, когда онъ начиналъ говорить съ вами на какую-нибудь свою излюбленную идейную тему.

Ясно чувствовалось, что все это—не слова, а нѣчто не только глубоко продуманное, но и *выстраданное*.

Передъ вами былъ человекъ, вышедшій изъ горнила сомнѣній, душевныхъ тревогъ и страданій, дѣйствительно, *переродившимся* и просвѣтленнымъ подъ яркими, немеркнущими лучами Солнца Правды Христовой.

А насколько глубоко-вѣрующимъ христіаниномъ былъ покойный Юрій Николаевичъ,—мнѣ пришлось не разъ убѣждаться, неволью наблюдая его колѣнопреклоненно молящимся въ церкви.

Я никогда не забуду этого, словно одухотвореннаго молитвой, лица, этихъ глубокихъ черныхъ глазъ, со слезами вѣры и умиленія устремленныхъ на священные лики!

Пламенные статьи Юрія Николаевича обратили на себя невольное вниманіе въ широкихъ кругахъ русскаго образованнаго общества, и въ 1889 году тогдашній редакторъ-издатель *Московскихъ Вѣдомостей* С. А. Петровскій (бывшій секретарь М. Н. Каткова) пригласилъ Юрія Николаевича въ Москву, въ число постоянныхъ сотрудниковъ этой газеты, въ которой его талантъ получаетъ еще болѣе

широкое развитіе. Одновременно Юрій Николаевичъ помѣщаетъ свои критическіе очерки и въ *Русскомъ Вѣстникѣ* покойнаго Берга.

Дарованію Юрія Николаевича не чужда была и беллетристика: беллетристическія его произведенія печатались въ нѣкоторыхъ ежемѣсячныхъ журналахъ.

Но все-таки истиннымъ его призваніемъ всегда оставалась критика и публицистика: какъ критикъ, публицистъ, моралистъ и философъ, онъ былъ всегда своеобразенъ, обращая на себя невольное вниманіе и производя глубокое впечатлѣніе тонкостью своихъ сужденій, красотой языка и вообще блескомъ изложенія, а главное—теплотою и той „искрой Божьей“, которая по временамъ разгоралась у него въ яркое пламя истиннаго вдохновенія.

Если популярность Юрія Николаевича и не была настолько широка, чтобы соответствовать крупной величинѣ его яркаго, оригинальнаго таланта, то это объясняется исключительно тѣмъ, что по своимъ, независимымъ отъ всякихъ „модныхъ“ теченій и вѣяній, политическимъ и религиознымъ взглядамъ онъ принадлежалъ къ такому лагерю, который никогда не считался у насъ „моднымъ“.

Надо отмѣтить, однако-же, что въ бытность въ Москвѣ, какъ и слѣдовало ожидать, Юрія Николаевича поняли и оцѣнили несравненно лучше, чѣмъ въ Харьковѣ.

Такіе выдающіеся русскіе писатели и мыслители, какъ Н. Н. Страховъ, А. Н. Майковъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, В. С. Соловьевъ и другіе внимательно слѣдили за его статьями.

Его блестящими статьями о гр. Л. Н. Толстомъ заинтересовался покойный Государь Александръ Александровичъ....

Къ числу его друзей принадлежитъ, между прочимъ, нашъ знаменитый русскій художникъ Викторъ Михайловичъ Васнецовъ, по рисунку котораго на могилѣ Юрія Николаевича въ Скорбященскомъ монастырѣ сооруженъ прекрасный памятникъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ покойнымъ незадолго до его кончины, во время его пріѣзда въ Харьковъ, и бесѣдовалъ съ нимъ въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ мѣстныхъ журналистовъ...

Несмотря на слишкомъ замѣтные слѣды тяжелаго недуга, Юрій Николаевичъ попрежнему былъ бодръ духомъ и даже жизнерадостенъ, живо и увлекательно дѣлясь со своими старыми товарищами по редакціи московскими впечатлѣніями и восхищаясь Москвой, которую очень любилъ. Онъ всѣхъ насъ звалъ работать въ Москву, указывая съ увлеченіемъ на то широкое культурное поле, какое представляетъ собою Москва.

Никому изъ насъ и въ голову тогда не могло придти, что дни этого бодрого и крѣпкаго духомъ человѣка уже сочтены и что надъ нимъ уже витаетъ ангелъ смерти.

Тѣмъ больнѣе и тяжелѣе была вѣсть объ его неожиданной, преждевременной кончинѣ, которая для русской мысли явилась невознаградивой утратой, а для всѣхъ, знавшихъ его, великимъ горемъ...

Какъ жаль и обидно, что до сихъ поръ ни въ Харьковѣ, ни въ Москвѣ никто не позаботится объ изданіи полнаго собранія его сочиненій!

Какой цѣнный матеріалъ, особенно для нашего смутнаго времени, представило бы это собраніе его статей, въ которыхъ онъ всеоружіи своего таланта и широкой эрудиціи отстаивалъ исконныя русскія начала и вѣчные идеалы добра, правды и красоты, воплощая свои глубокія мысли въ яркой художественной формѣ!

Утрата такого истинно-русскаго мыслителя, проникнутаго горячею вѣрой въ великое грядущее родной земли, особенно больно, особенно глубоко чувствуется теперь, въ эти дни шатанія мысли и пресловутой „переоцѣнки цѣнностей“.

Какимъ пламеннымъ негодованіемъ загорѣлось бы его перо теперь противъ всѣхъ этихъ политическихъ и литературныхъ язычниковъ, пресмыкающихся передъ всякими модными „освободительными“ идолами!

Какую горькую правду о нашей „русской“ революціи, въ которой не было ничего русскаго,—бросилъ бы имъ въ глаза этотъ бывшій революціонеръ, путемъ глубокаго душевнаго переворота, подъ вліяніемъ вѣковѣчной Евангельской истины, пришедшій къ твердому, глубоко выстрадавшему, сознанию, что внѣ Россіи, внѣ русскихъ исконныхъ идеаловъ для русскаго человѣка нѣтъ спасенія и что одна

только вѣра въ эти идеалы можетъ навести нашу святую страданицу—Русь на путь ея великаго историческаго призванія, на путь ея духовнаго обновленія! *)

Василій Ивановъ.

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

1) *Р. П. Кумовъ.*—*Безсмертники.*—Изд. журн. „Отдыхъ Христіанина“. СПБ. Ц. 1 р.

Это довольно объемистый сборникъ въ 20 слишкомъ печатныхъ листовъ, на которыхъ помѣщены 23 отдѣльныхъ разсказа. Названа книжка по одному (6-му) разсказу въ сборникѣ. Это поэтическая сказка, объясняющая происхождение названія „безсмертниковъ“. Несмотря на разнохарактерность разсказовъ въ книжкѣ, ихъ связываетъ все же общая идея: это стремленіе отъ земли къ небу, на вершины человѣческаго сознанія, и та тоска свѣтлая и прекрасная, которая заставляетъ человѣка стремиться къ идеалу. Именно съ этой стороны типиченъ „Степной батюшка“,—самый заурядный деревенскій священникъ, но съ душою живою и отзывчивою на все прекрасное и высокое, что и выражалъ онъ дивными звуками на своей старой скрипкѣ... Его вдохновенная игра, часто по ночамъ, напоминала молитвенный экстазъ. Она не давала уснуть или заглохнуть его сердцу, открытому для любви къ ближнему. И общая благодарная любовь окружила радостью смертный одръ бѣднаго пастыря и сдѣлала легкимъ переходъ его въ иную жизнь, въ которую онъ крѣпко вѣрилъ.

Такъ же вѣритъ въ безсмертіе духа и рационалистъ докторъ (въ разсказѣ „На кладбищѣ“) и тоскуетъ о неизбежности смерти, какъ всего существующаго, такъ и тѣхъ свѣтлыхъ грезъ, которыя родились на землѣ, и осѣли на ней какъ иней...

— Будетъ время, — говоритъ докторъ: — когда земля проснется въ одно утро разумною, свѣтлою, безсмертною! Христосъ воскресъ—это запѣвъ къ той жизни.

Таковы главные мотивы пьесъ въ сборникѣ г. Кумова, написанныхъ тепло и довольно просто. Читается книжка легко и создаетъ настроеніе именно той свѣтлой грусти, которой вся наполнена.

Изданъ сборникъ опрятно и украшенъ многими виньетками и заставками.

Д—чъ.

*) „Моск. Вѣд“.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.—„Великій старикъ“.—

Романъ. —С. П. Б. Цѣна 1 руб.

Въ этомъ романѣ описывается жизнь нѣкоего великаго итальянскаго трагика—Брешіани, изъ катеріи такихъ гигантовъ, какъ Росси, Сольвини и др. Фономъ картины служатъ итальянская природа и бытовья условія. Но такъ какъ задачи искусства и творчества у всѣхъ народовъ однѣ и тѣ же, то слѣдовательно, форма и рамка для выраженной истинѣ—ни- какого значенія здѣсь не имѣютъ.

Содержаніе романа таково: трагикъ—Карло Брешіани занялъ выдающееся положеніе на сценѣ своимъ крупнымъ и сильнымъ талантомъ. Успѣхъ онъ завоевывалъ постепенно. Игралъ Брешіани—руководясь единственно своимъ артистическимъ чутьемъ. Онъ былъ очень самобытенъ и оригиналенъ, сохраняя навсегда въ своей игрѣ лишь то, что у него выходило наиболѣе удачно; вслѣдствіе этого выработались непреложныя формы исполненія, дивныя по своей пластической красотѣ. Въ этомъ Карло не имѣлъ себѣ соперниковъ. Онъ создалъ цѣлую школу, болѣе или менѣе даровитыхъ копистовъ съ себя. Но всѣмъ имъ было очень далеко до своего славнаго учителя. Онъ вознесся на вершину искусства, гдѣ царилъ безраздѣльно. Имя его гремѣло по всему свѣту. Ему платили безумныя деньги.

Когда то онъ сдѣлалъ страшную глупость, по его понятію: женился на заурядной женщинѣ. Жена преклонялась предъ нимъ, какъ передъ полубогомъ. Въ этихъ же чувствахъ она воспитала и своихъ двухъ дѣтей—Этторе и Эмилию. Отецъ никогда не обращалъ на нихъ вниманія. Сынъ вышелъ способнымъ инженеромъ; дочь посвятила себя наукѣ. Но склонности Этторе неудержимо влекли его къ сценѣ, хотя послѣ такого великаго отца, молодой человекъ не рѣшался и выступать на театральныя подмостки. Но страсть брала свое, и Этторе принялся за изученіе сценическаго искусства. Онъ внимательно перечиталъ всѣхъ классиковъ на разныхъ языкахъ и пересмотрѣлъ всѣхъ знаменитыхъ исполнителей. Такая серьезная работа въ этой области расширила его горизонтъ, научила смотрѣть на исполненіе относиться къ нему критически. Слепое благоговѣніе къ отцу замѣнилось отношеніемъ болѣе сознательнымъ. Сынъ явился судьей отца въ его сценическомъ творествѣ. Постепенно у молодого Брешіани выработался свой взглядъ на сцену и задачи драматическаго искусства. И Этторе рѣшился поступить на сцену. Благодаря яркому дарованію, онъ скоро обратилъ на себя общее вниманіе. Отецъ его, пріѣхавъ домой отдохнуть, случайно узналъ о томъ, что сынъ его пользуется успѣхомъ на сценѣ. Зайдя затѣмъ не-

чаянно въ комнату Этторе, Карло Брешиани увидѣлъ всю подготовительную работу сына надъ классическими образцами, и наконецъ, прочелъ его дневникъ. Здѣсь Этторе формулировалъ свои взгляды на искусство вообще и, на отца въ частности.

Карло счелъ себя оскорбленнымъ и обокраденнымъ сыномъ и вышелъ изъ себя отъ гнѣва.

Онъ потребовалъ подъ страхомъ отреченія отъ сына, чтобы жена тотчасъ же вызвала Этторе домой; ибо для двухъ Брешиани на сценѣ слишкомъ тѣсно.

Жена безпрекословно повиновалась; сынъ вернулся изъ любви къ матери. Но жертва превышала его силы и онъ, по совѣту друга, сказавшись дома, что уѣзжаетъ въ Индію, снова поступилъ на сцену, подъ именемъ—Моини. Отецъ его также уѣхалъ на гастроли въ Россію. И сюда то стали достигать до него вѣсти о появленіи на родинѣ славнаго ему соперника. Онъ заинтересовался и, окончивъ съ блескомъ гастроли, поспѣшилъ въ Италію съ цѣлью вызвать соперника на сценическое состязаніе. Моини не отказался отъ такого единоборства. Карло пріѣхалъ въ Неаполь инкогнито, и отправился въ театръ слушать старинную трагедію Джакометти — „Семейство Леркара“, въ которой и онъ игралъ въ своей молодости. Въ Моини Карло тотчасъ же узналъ сына. Игра послѣдняго увлекла его самого, какъ артиста и растрогала до слезъ. Вмѣстѣ съ публикою, Брешиани участвовалъ въ триумфѣ сына. Хотя старикъ и негодовалъ на него, какъ отецъ, но талантомъ тотъ побѣдилъ его. Карло созналъ ясно, что сынъ не обокралъ его, но онъ говоритъ со сцены языкомъ уже чуждой старику эпохи. Отецъ понялъ, что пѣсня его уже спѣта и это онъ прямо высказалъ сейчасъ же Этторе. Затѣмъ онъ вывелъ сына къ публикѣ, какъ бы поручая ея вниманію новое свѣтило. Съ этого дня Брешиани покинулъ сцену; а такъ какъ жить безъ нея онъ не могъ, то вскорѣ и умеръ въ своей виллѣ, окруженный семьей.

Борьба двухъ поколѣній и двухъ различныхъ тенденцій въ искусствѣ проведена у Данченки очень хорошо. Авторъ въ романѣ является не сухимъ моралистомъ, а лишь добросовѣстнымъ лѣтописцемъ жизненныхъ теченій въ творчествѣ. Романъ поучителенъ и читается съ большимъ интересомъ.

Д—чь.

Воротынский. Разказы. Цѣна 1 руб.

Таланта у автора отнять нельзя. Есть у него и доля оригинальности, которой не достаетъ многимъ. И читаются

разказы съ интересомъ, но все-же вы закрываете книгу съ нѣкоторой неудовлетворенностью. Какъ будто чего-то недостаетъ, что-то есть лишнее... Непріятно авторское философствованіе,—или точнѣе—оно утомительно. Это портитъ впечатлѣніе и порождаетъ досаду. Мы не противъ „философіи“ и въ беллетристикѣ (нарочно ставимъ въ кавычки слово „философіи“, чтобы насъ поняли какъ слѣдуетъ), но тутъ нужно обладать гѣмъ, чего нѣтъ у автора. Здѣсь всякій излишекъ—пагубенъ, всякій невѣрный шагъ—непріятенъ. Авторъ знакомитъ публику съ дѣтскимъ міромъ, съ интересными „героями“. Лучшіе разказы: „Воръ“. „Горбунъ“, „Хулиганъ“. Очень хорошо показано напр. постепенное возвращеніе деревенскаго мальчика въ столицѣ. Авторъ съ насмѣшкой относится къ недавней траги-комедіи“, которая для иныхъ кажется чѣмъ-то великимъ. И авторъ, конечно, правъ.

К.

НА ДНЯХЪ ВЫЙДУТЬ ИЗЪ ПЕЧАТИ

третьимъ изданіемъ

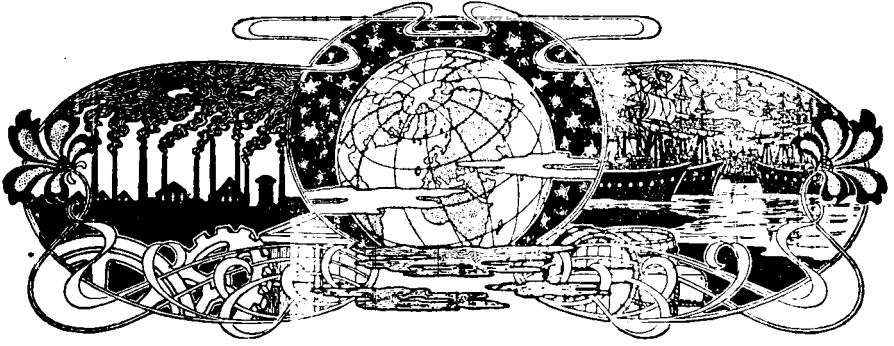
~~~~~ А. Ф. ДЕВРІЕНА. ~~~~~

Стихотворенія А. В. Круглова

„ДѢТЯМЪ“

(Со многими иллюстр. портретомъ и факсимиле автора).

Ц. 1. руб.

Обо всемъ и отовсюду.

Святитель Іоасафъ Горленко.

(1705—1754).

Въ Свято-Троицкомъ монастырѣ г. Бѣлгорода, Курской губерніи, открыто почиваютъ нетлѣнные мощи святителя Іоасафа (Горленко), епископа Бѣлгородскаго. 154 года уже протекло со времени его блаженной кончины, но память о немъ глубоко живетъ въ православно-русскомъ народѣ.

На югѣ Россіи, особенно въ Курской и въ сопредѣльныхъ съ нею губерніяхъ, православные чрезвычайно чтутъ святителя Іоасафа.

Съ разныхъ концовъ юга Россіи многія тысячи богомольцевъ совершаютъ паломничество въ Бѣлгородъ къ его нетлѣннымъ останкамъ; здѣсь служатъ папихиды о святителѣ, и многіе изъ нихъ за свою глубокую вѣру и горячую надежду получаютъ исцѣленіе своихъ недуговъ. Святитель Іоасафъ, такъ любимый украинскимъ народомъ, почитается такимъ же покровителемъ Бѣлгородской и сопредѣльныхъ странъ, какъ въ средней Россіи—св. Сергій Радонежскій, юго-западной (Кіевской)—преп. Антоній и Θεодосій Печерскіе, въ Черниговской—святитель Θεодосій, въ Тамбовской—преп. Серафимъ и др. Предъ его изображеніемъ теплятся лампадки не только въ домахъ, но и въ церквахъ юга Россіи.

Происходилъ святитель Іоасафъ изъ извѣстнаго въ Малороссіи рода Горленко; дѣдъ его по матери, изъ знатнаго рода Апостоловъ, былъ малороссійскимъ гетманомъ. Онъ родился во время литургіи 8-го сентября 1705 года и, по древнему обычаю давать новорожденному имена святыхъ, празднуемыхъ въ ближайшіе къ рожденію ихъ дни, названъ во св. крещеніи Іоакимомъ.

Родители Іоасафа Горленко жили въ своемъ имѣніи Чернявщинѣ, Прилукскаго уѣзда. Въ 6 верстахъ отъ Чернявщины находилось другое имѣніе Замостье. Здѣсь недалеко отъ дома, на склонѣ горы, по направ-

ленію къ р. Удаю сохранились остатки каменной часовни, куда Іоасафъ, посѣщая родныя мѣста, уединялся для молитвы.

Стараясь дать сыну хорошее образованіе, отецъ на восьмомъ году отправилъ его въ Кіевъ.

Въ то время въ Кіевской братской могилянской коллегіи получала высшее образованіе молодежь богатаго дворянства малороссійскаго. Разставшись съ сыномъ, отецъ его тосковалъ по немъ, много о немъ думалъ. И вотъ, одно видѣніе какъ бы приподняло предъ нимъ завѣсу надъ судьбой, ожидавшею его сына.

Уже по заходѣ солнца, Горленко, задумавшись о сынѣ, сидѣлъ на крыльцѣ. Посмотрѣвъ на западъ, онъ увидѣлъ Богоматерь, стоявшую на воздухѣ, а предъ нею молился, припавъ къ Ея ногамъ, сынъ его, Іоакимъ.

Богоматерь сказала отроку: „Довлѣтъ Ми молитва твоя!“—и тогда слетѣлъ ангелъ и накиннулъ на мальчика святительскую мантию.

Отецъ понималъ, что его сына ждетъ духовный путь, и въ горести, что ему придется чрезъ то лишиться сына, воскликнулъ:

— „Намъ же, родителямъ, Пречистая Богомати, что оставляеши?“
Отвѣта не было и видѣніе кончилось.

Кіевъ со множествомъ его святыхъ укрѣпилъ въ Іоакимѣ его склонность къ духовной жизни. И, достигнувъ 18-ти лѣтъ, онъ объявилъ родителямъ, что просить ихъ благословенія на иноческую жизнь. Такое рѣшеніе привело въ ужасъ его родителей. Они и слышать не хотѣли о томъ, чтобы онъ умеръ для нихъ и для міра.

Тогда онъ тайно удалился въ Кіевскій Межигорскій монастырь, гдѣ черезъ годъ принялъ постриженіе.

Чрезвычайные подвиги предпринялъ юный инокъ. Онъ вкушалъ одно сухое отказавшись отъ всего варенаго. Послѣ трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ Межигорскомъ монастырѣ, онъ былъ вызванъ въ Кіевъ на должность учителя при академіи. Въ 1737 году онъ назначенъ былъ игуменомъ Лубенскаго монастыря. Несмотря на крайне слабое здоровье, онъ дѣятельно принялся за возобновленіе обители. Онъ лично ѣздилъ въ Москву и Петербургъ собирать пожертвованія на соборъ; ему удалось даже представить сборную книгу благочестивой императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, выдавшей на это дѣло 2000 рублей. Съ тѣхъ поръ императрица всегда сочувственно относилась къ Іоасафу. Онъ былъ назначенъ вскорѣ архимандритомъ Троице-Сергіевой Лавры, а затѣмъ епископомъ Бѣлгородскимъ. Хиротонія его происходила въ присутствіи императрицы въ Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ м. іюня 1748 года. Ему шелъ тогда 43-й годъ.

Обширная бѣлгородская епархія, насчитывавшая свыше 1000 церквей, обнимала теперешнія курскую и харьковскую епархія и часть черниговской и была не устроена. Духовенство было такъ мало образовано, что многіе священники, служа литургію, еле разбирали служебникъ.

Святитель выписалъ изъ Москвы книгу о церковныхъ таинствахъ и велѣлъ всѣмъ священникамъ выучить ее, экзаменуя ихъ при посѣщеніи приходовъ.

Какъ небрежно относились ныне священники къ святынямъ,—доказываетъ слѣдующій случай. Остановясь на ночь въ домѣ одного сельскаго священника святитель, оставшись одинъ, почувствовалъ великій неизъяс-

нный ужасъ. Онъ не могъ уснуть и, ходя по комнатѣ, замѣтилъ на полкѣ, между домашней посудой, бумажку. Въ ней онъ нашелъ святыя Дары. Они-то и наводили трепетъ на чистую душу святителя, прежде нежели онъ узналъ объ ихъ присутствіи. Онъ положилъ ихъ съ благоговѣніемъ на столъ и до утревн молился предъ ними.

На утро онъ отрѣшилъ священника отъ должности, издалъ по всей епархіи приказъ, чтобъ св. Дары хранились на-престолахъ, чтобъ священники къ больнымъ носили ихъ не иначе, какъ въ потирахъ облачась въ ризы, въ преднесеніи свѣчи и съ звономъ въ колокольчикъ.

Всѣчески старался святитель поднять образованіе и нравственность духовенства, искоренить составлявшія язву того времени нетрезвость и взаимную вражду. вмѣстѣ съ тѣмъ святитель грудью отстаивалъ духовенство отъ несправедливостей и притѣсненій сильныхъ лицъ.

Милосердіе было отличительною чертою святителя Іоасафа: Всѣ доходы своей богатой каедры онъ раздавалъ бѣднымъ: предъ великими праздниками святитель отправлялъ къ бѣднымъ довѣреннаго келейника съ деньгами и платьемъ. Келейникъ не долженъ былъ входить къ нему, но, сложивъ принесенное у двери или окна и стукомъ обративъ на то вниманіе хозяевъ, поскорѣе отходить, прежде чѣмъ его замѣтили.

Въ случаѣ болѣзни этого келейника, святитель, тайно выбравшись изъ своего дома, иногда переодѣвшись въ простую одежду, самъ разносилъ милостыню по городу; покупалъ дрова и отсылалъ ихъ неимущимъ.

И теперь въ Вѣлгородѣ на Сергіевской улицѣ указываютъ низенькій домикъ, у котораго святитель по ночамъ кололъ дрова и затѣмъ подносилъ къ порогу дома, такъ какъ мать была больна, а дѣти—малолѣтнія.

Постоянно держа въ памяти часъ смертный, святитель со слезами готовился къ нему. Входя къ нему утромъ и вечеромъ, келейникъ заставалъ его обыкновенно молящимся.

За полгода до кончины святитель поѣхалъ на родину. Онъ неоднократно повторялъ, что уже не вернется въ Вѣлгородъ. Отъѣзжая, онъ простился съ паствою, прося у всѣхъ прощенія и разрѣшая тѣхъ, кто его обидѣлъ. На родинѣ свидѣлся онъ съ родными и старикомъ-отцомъ, который былъ еще живъ и уединился для подвиговъ въ маленькую келью, построенную имъ въ лѣсу, недалеко отъ Прилукъ.

На возвратномъ пути, уже въ чертѣ Вѣлгородской епархіи, въ селѣ (нынѣ городъ) Грайворонѣ святитель занемогъ и, послѣ двухмѣсячныхъ страданій, почилъ 10 декабря 1754 года, 49 лѣтъ отъ роду.

Святитель Іоасафъ былъ мужемъ вполне сложившимся и опредѣленнаго характера и міросозерцанія. Онъ обладалъ сильною и непреклонною волею и горячею любовію къ Господу и Его св. Церкви. Онъ не могъ служить двумъ господамъ, но Единому Господу, и въ этомъ отношеніи онъ не могъ поступать иначе. Строгость его въ архипастырствованіи по этому понятна. Любовь его къ ближнимъ была всегда горячею и неустрашимою ревностію объ ихъ вѣчномъ спасеніи, а въ отношеніи къ страждущимъ становилась безграничнымъ милосердіемъ до готовности все свое отдать имъ, ничего не оставляя себѣ. Строгость къ своей личной жизни превращалась въ немъ въ глубокой аскетизмъ и истинное подвижничество.

Такая личность святителя Іоасафа остается для всѣхъ временъ и для людей всѣхъ положеній высокопочетливой, истиннымъ образцомъ христіанской добродѣтели... Святѣйшій Синодъ внявъ ходатайству гражданъ Курской епархіи и опредѣлялъ причислить святителя Іоасафа къ лику Святыхъ. („Кал. Ц.-Общ. В-къ).

II.

Мальчикъ властелинъ.

Положеніе новаго маленькаго шаха Персидскаго Ахмета, находящагося теперь въ загородномъ дворцѣ Камраньѣ близъ Тегерана, столицы Персін, очень печальное.

Корреспонденты газетъ такъ рисуютъ его положеніе.

Царственный мальчикъ, привыкшій все время проводить во внутреннихъ покояхъ, около матери и отца, не можетъ привыкнуть къ мысли, что онъ навсегда разстанется со своими родителями, удаляемыми въ изгнаніе. Мягкій и впечатлительный по характеру, избалованный ласками родныхъ, привыкшій играть съ своими 3-мя маленькими братьями и 2-мя сестрами, шахъ Ахметъ не можетъ примириться съ своимъ новымъ положеніемъ царскаго одиночества безъ семьи и дорогихъ его сердцу лицъ.

Вскорѣ послѣ провозглашенія юнаго принца шахомъ, по описанію корреспондентовъ, произошла такая тяжелая сцена.

Оторванному отъ отца и матери мальчику-шаху придворные объявляютъ:

— Ваше величество, народъ жаждетъ васъ видѣть, весь Тегеранъ собрался. Извольте выйти въ залъ.

— Хочу-у къ па-а-пѣ!

— Ваше величество, народъ проситъ показать его обожаемаго монарха.

— Къ па-а-пѣ хоч-у-у!

— И его величество, такой маленькій, такой жалкій въ своемъ дѣтскомъ горѣ, залился слезами.

Придворные были смущены: что дѣлать съ его величествомъ?

А онъ продолжалъ повторять:

— Хочу къ папѣ!

Онъ гнѣвно топалъ своей маленькой ножкой, и на блѣдномъ лицѣ его было столько страданія:

— Какое вы имѣете право не пускать меня къ папѣ?

Онъ говорилъ съ наивной серьезностью:

— Если я шахъ, то вы должны меня слушаться. Отвезите меня къ папѣ!

Толпа придворныхъ почтительно склонялась съ видомъ крайней покорности и... не слушалась.

Цѣлый день были слезы. Мальчикъ просился къ отцу.

Однако, все таки, онъ вышелъ къ народу. Вышелъ блѣдный, робкій и такой красивый въ своемъ новенькомъ бѣломъ мундирчикѣ и сѣлъ на золотое кресло передъ окномъ въ садъ, гдѣ проходили революціонныя войска.

Столько шума, столько лицъ, столько блестящихъ мундировъ, ласковыхъ улыбокъ, столько музыки и столько почтешя. Ахметъ-Мирза не могъ этого выдержать: его большіе черные глаза начали часто мигать, и въ нихъ показались слезы.

— Папа, милый папа, гдѣ ты, и отчего меня не пускаютъ къ тебѣ?

И Ахметъ-Мирзѣ дѣлаются вдругъ невыразимо ненавистны всѣ эти лица. Дѣтскіе нервы, должно быть, не выдержали. Шахъ рѣшительно заявилъ.

— Я хочу къ папѣ!

И приказалъ запрягать лошадей.

Вышелъ серьезный споръ между членами правительства. Сапехдаръ общался отвезти маленькаго шаха къ отцу. А предводители фидаевъ сказали:

— Шахъ останется здѣсь.

Сошлись на общій совѣтъ. При этомъ произошла тяжелая сцена. Сапехдаръ объявилъ о желаніи шаха уѣхать и о своемъ общаніи. Молодежь твердила свое:

— Шахъ не уѣдетъ.

Сапехдаръ, говорягъ, даже поблѣднѣлъ отъ гнѣва и вскрикнулъ:

— Онъ все равно поѣдетъ.

Но тутъ Сапехдару рѣшительно заявили:

— Если вы отправите его, то сила сумѣетъ вернуть его обратно.

И Сапехдаръ подчинился.

И только на другой день ему удалось выхлопотать для шаха, путемъ величайшихъ хитростей, позволеніе выѣхать, но не въ миссію, къ отцу, а въ загородный дворецъ Салтанетъ-Абадъ и въ имѣніе матери, гдѣ ему позволено увидѣться и съ матерью. Напрасно бѣдный Ахметъ-Мирза продолжаетъ повторять:

— Хочу къ папѣ!

Папы онъ не увидить.

Нѣкоторые приближенныя лица передавали, что мальчикъ-шахъ до того былъ измученъ мыслью о предстоявшей неизбежной разлукѣ съ своими ближайшими родными, которые, по общему отзыву, представляютъ примѣрную любящую семью, что уже порывался бѣжать изъ своего роскошнаго заключенія.

Лондонскія газеты такъ сообщали переданные по телеграфу изъ Тегерана слухи объ этомъ.

Во время верховой прогулки, окруженный свитой, Ахметъ-Мирза предложилъ евнуху попробовать, кто кого обгонитъ. Оба пустились вскачь. Свита приняла это сначала за шутку. Но когда увидѣли, что всадники повернули на дорогу, ведущую въ Зергенде, къ русскому посольству, и мчатся во весь опоръ, то перепугались не на шутку и пустились слѣдомъ за ними. Одинъ изъ придворныхъ, догнавъ шаха, заѣхалъ впередъ, оставилъ его лошадь и, доставъ револьверъ, сказалъ:

— Если, ваше величество, тотчас же не повернете назадъ, то я на вашихъ глазахъ застрѣлюсь!

Ахметъ-Мирза, увидѣвъ, что планъ его разстроился, покорно повернулъ обратно.

А бывшій шахъ Магометъ-Али, говорятъ, выслалъ уже было навстрѣчу сыну коляску.

Корреспонденты передаютъ, что Ахметъ-Мирзу собираются женить и уже готовятъ помѣщеніе для гарема. Юный шахъ, говорятъ, противъ этого плана всѣми силами протестуетъ.

На несчастнаго мальчика нападаютъ минуты настоящаго отчаянія. Такъ, рассказываютъ, что недавно онъ хотѣлъ утопиться въ дворцовомъ бассейнѣ, а когда казакъ-часовой остановилъ его, онъ сталъ просить своего тѣлохранителя убить его.

Такими трагическими потрясеніями начинается жизнь 12-лѣтняго моварха. Является серьезный вопросъ: можетъ ли правильно идти воспитаніе этого ребенка, призваннаго въ будущемъ управлять народомъ, при такомъ насильственномъ отдѣленіи отъ семьи? Не будетъ ли характеръ будущаго шаха совершенно измученъ и искалченъ? Какимъ образомъ маленькій шахъ научится быть истиннымъ отцомъ своихъ подданныхъ, по мусульманскому воззрѣнію, если въ самыхъ нѣжныхъ и воспримчивыхъ годахъ отъ него отнимаютъ его собственнаго любящаго отца и родную мать?

III.

Любознательные сосѣди.

Японцы выслѣживаютъ Россію, какъ охотники дорогаго звѣря, который попался было въ капканъ, но вырвался, только попортивъ себя напрасно шкуру. Отъ Камчатки до Финляндіи надъ Россіей установлено самое пристальное наблюденіе. На-дняхъ сообщалось, что любознательныя дѣти Восходящаго Солнца замѣчены на сѣверѣ Финляндіи и внутри ея. Они, видите ли, заинтересованы ловлей рыбы въ финляндскихъ озерахъ. Они ни на минуту не снимаютъ съ себя разъ надѣтой крайне любезной улыбки, и не могутъ быть заподозрѣны ни въ чемъ дурномъ. Въ Москвѣ они изучаютъ тюремное дѣло, въ Петербургѣ—педагогическую систему. На строящейся Амурской дорогѣ—наше инженерное искусство, причемъ ихъ особенно интересуютъ точные сроки, когда дорога должна быть готовой. Это крайне тщательное охаживанье сѣвернаго медвѣдя, изученіе его привычекъ особенно замѣтно на границахъ будущихъ войнъ.

Въ Сѣверной Манчжуріи наплывъ японскихъ подданныхъ теперь небывалый. Они пробираются даже въ Монголію, т. е. къ самому сердцу нашихъ позицій въ центральной Азіи. Въ Хайларѣ въ началѣ іюня прибыли двѣнадцать японскихъ офицеровъ, переодѣтыхъ въ штатское. Выдавали они себя за купцовъ и предъявили документы на право торговли. Товаровъ

имѣли однако очень мало. Въ средствахъ не стѣснялись, расплачивались щедро. Хотя и купцы, но они постоянно что-то записывали въ свои книжки и снимали фотографіи. Для сбора свѣдѣній, они нанимали китайцевъ. Нашъ разъѣздъ встрѣтилъ тогда же двухъ японцевъ-офицеровъ, они представились мѣстному военному начальнику и ночевали у него. Вслѣдъ за ними туда же прибыли восемь японцевъ въ штатскомъ платьѣ, которые тоже выдавали себя за торговцевъ лѣкарствами. Офицеры уѣхали въ Сююшу съ конвоемъ китайскихъ солдатъ и всю дорогу дѣлали отмѣтки въ своихъ записныхъ книжкахъ. Штатскіе же японцы, восемь человекъ, что ѣхали тоже въ Сююшу на постояломъ дворѣ поссорились изъ-за расплаты, предлагая вмѣсто денегъ лѣкарства. На другой день черезъ то же мѣстечко прошли еще три японца.

Видимо, вблизи нашей границы японцы заготавливаютъ пищевые склады. Изъ Савьсина пишутъ, что японцами закуплено свыше милліона пудовъ бобовъ, и вывозъ продолжается. На всѣхъ пристаняхъ японцы имѣютъ своихъ агентовъ. Даютъ хорошую пѣну и расплачиваются на наличныя деньги! *Уже закончены сдѣлки на новый урожай.* Японцы основываютъ свои конторы также въ новыхъ китайскихъ колоніяхъ вдоль Усури. Китайскіе кушцы увѣрены, что хлѣбный рынокъ скоро будетъ весь въ рукахъ японцевъ. Тогда же, въ началѣ іюня, на ст. Имяньпо прибылъ изъ Гирина японскій полковникъ Умиксано съ конвоемъ изъ девяти китайскихъ солдатъ. По дорогѣ онъ дѣлалъ съемку, а на другой день выѣхалъ на Майхэ-Кайди. Незвѣстный японецъ съ конвоемъ изъ двухъ китайскихъ солдатъ, которымъ платилъ по 5 р. въ сутки, прошелъ изъ Сюшпанцзы черезъ Имяньпо въ Майхэ-Кайди. Называлъ онъ себя купцомъ, но все время снималъ маршрутъ. Въ половинѣ іюня мимо станціи Цайцзягоо прослѣдовали три японца подъ конвоемъ двухъ солдатъ. У японцевъ были фотографическіе аппараты. Существуютъ и постоянныя пункты для изученія страны, напр., на станціи Манчжурія проживаютъ три японскихъ „доктора“. Японцами же содержатся тамъ кегельбанъ, прачечная и домъ терпимости. Въ Россію японскіе путешественники иногда пріѣзжаютъ партіями до 30 человекъ.

Сѣверная Манчжурія не единственный театръ войны, на которомъ Японія готовится среди бѣла-дня. Подготовка ведется и въ Монголіи. Вотъ что доносятъ китайскіе чиновники своимъ властямъ о дѣятельности японцевъ въ хошунахъ *Чжеримскаго сейма*,—того участка Монголіи, что примыкаетъ непосредственно къ нашей дорогѣ. „Хошунъ Дурбетъ очень часто посѣщаютъ японцы, всѣ подъ видомъ путешественниковъ, но на самомъ дѣлѣ они, главнымъ образомъ, занимаются съемкой плановъ. Въ Сѣверномъ Горлоѣ нынче четверо японцевъ произвели подробную съемку плановъ. Въ Южномъ Горлоѣ тоже ведется ими дѣятельная топографическая съемка. Японскій капитанъ Шуотьянганъ пріѣзжалъ въ ставку и просилъ князя дать ему учителя монгольскаго языка. Просьба была исполнена. Учитель-монголь и теперь живетъ въ Куанченцзы и преподаетъ монгольскій языкъ. Ныѣшней весной японскій ротмистръ Цяо-коу-мун-ма пріѣзжалъ въ ставку князя Удая и подарилъ ему восемь ружей и двадцать мѣшковъ рису. Взамѣнъ этого князь подарилъ японскому офицеру 14 лошадей и командировалъ съ нимъ своего чиновника для изысканія золота въ горахъ Та-

олай-тоула. Японецъ нашелъ хорошее золото и сталъ разрабатывать это золото совмѣстно, обѣщавъ внести на это предприятие 400 тысячъ ланъ. Послѣ этого японцы посѣщаютъ хошунъ Цзасактувана непрерывно. Точно такъ же замѣчены они въ хошунѣ Туме-чунъ. Тутъ они выдаютъ себя за путешественниковъ, но занимаются преимущественно съемкой плановъ, спрашивая названія селеній, озеръ, рѣкъ и горъ. Монголы, не зная китайскаго языка, не въ состояннн провѣрить правильность ихъ документовъ. Тотъ же самый маневръ: подарокъ князю (ружья, рисъ, часы) продѣлываютъ японцы и въ другихъ хошунахъ, напр. Дарханъ-ванъ,—но въ послѣднемъ съемщики плановъ были прогнаны. Это не помѣшало однако имъ вернуться секретно и все-таки снять планы“.

Таковы свѣдѣння изъ китайскихъ источниковъ. Какъ видите, японцы раскинули широкую сѣть агентовъ, изучающихъ Манчжурю и Монголію въ чертѣ нашего вліянія, и начинаютъ эксплуатировать эти области. Японцы захватываютъ тамъ рынки вообще, но прежде всего два жизненныхъ нерва войны—хлѣбъ и золото. Всѣ японцы, даже не военные, горячіе патріоты,—всѣ они одушевлены идеей величія своего отечества, всѣ они стараются всюду быть полезными родинѣ. Гдѣ бы японецъ ни очутился, онъ добровольный шпионъ своего правительства,—вотъ чѣмъ объясняется громадвая освѣдомленность японскихъ властей. Хотя Сѣверная Манчжурія давно занята нами, но знакомиться съ ней приходится намъ по книгѣ японскаго генеральнаго консула въ Харбинѣ Каваками („Провзводительность Сѣверной Манчжуріи“). Надъ добываніемъ матеріала этой книги работалъ очевидно не одинъ человекъ, а вся японская колонія. Китайскія власти видятъ опасность столь широко поставленнаго шпионажа, но, подобно русскимъ властямъ, ничего не предпринимаютъ противъ этого.

Надо замѣтить, что съ внѣшней стороны японскіе соглядатаи—какъ и у насъ въ Россіи—держатъ себя въ высшей степени корректно. Они не премѣнно запасаются паспортами, пропускными и охранными листами и всего чаще имѣютъ рекомендательныя письма отъ китайскихъ или русскихъ высшихъ властей. Они берутъ конвой. Конвой японцами берется, затѣмъ его отпускаютъ и дѣлаютъ, что имъ нужно. Хотя Манчжурія и Китай формально не наши, но именно намъ придется испытать на себѣ значеніе столь тщательной и законченной подготовки къ войнѣ на этой территории.

Что намъ слѣдуетъ дѣлать въ данномъ случаѣ? Ни запретить японцамъ „изучать“ интересныя для нихъ области, ни остановить мы ихъ, конечно, не можемъ. Прошли времена, когда мы были полными хозяевами въ чертѣ имперіи. Побѣжденный народъ всегда впадаетъ въ нѣкоторую подчиненность отъ побѣдителя, и какъ ни возмущаетъ душу подобная зависимость въ данномъ случаѣ, ваше несчастное поколѣніе, дожившее до позора, должно это перенести. Что же все-таки остается дѣлать? Мнѣ кажется, не теряя драгоценнаго времени, намъ необходимо *подражать* японцамъ. Они вооружаются—необходимо вооружаться и намъ. Они готовятъ позиціи, военные и хлѣбные склады,—то же должны дѣлать и мы. Они содержатъ на будущемъ театрѣ войны отряды агентовъ и развѣдчиковъ,—то же, не откладывая, обязаны сдѣлать и у насъ. Позволительно усумниться, имѣеть ли нашъ генеральный штабъ удовлетворительныя карты Сѣверной Манчжу-

рин и Монголіи. Въ прошлую войну, несмотря на то, что мы готовились къ ней долгіе годы, мы не имѣли хорошихъ картъ даже занятыхъ нами частей Манчжуріи, даже такихъ важныхъ мѣстностей, какъ Квантунъ и Мукденская провинція. Роковыя сраженія нами проигрывалась (напримѣръ, подъ Сандепу), вслѣдствіе незнанія мѣстности и чудовищной невѣрности картъ. Наконецъ, въ критическія минуты у насъ иногда никакихъ картъ не было! Неужели теперь подтянувшись, сколько въ силахъ, по части тактики и стратегіи, мы вновь выступимъ со столь же плохую топографической подготовкой? Современная война все болѣе и болѣе теряетъ характеръ поединка. Это—взаимное истребленіе армій не стоящихъ на ногахъ, не идущихъ, какъ нѣкогда, грознымъ строемъ, а лежащихъ на животѣ, пресмыкающихся, прячущихся въ складкахъ мѣстности, прокрадывающихся, ползущихъ; это елико возможно—война изъ-за угла“. Старинное „грудь съ грудью“, древнее — „на проломъ“ отошли въ область легенды. Какъ вѣкогда еще рельефъ мѣстности дѣлается однимъ изъ рѣшающихъ условій боя. Нужно ли говорить о громадномъ преимуществѣ той стороны, которая будетъ превосходно знать театръ войны? Кромѣ топографіи, чрезвычайно важна вообще географія оснашиваемой территоріи, т. е. точное представленіе о всѣхъ ея ресурсахъ и условіяхъ. Но вотъ бѣда: географія Манчжуріи и Монголіи, какъ всѣхъ только что открытыхъ (для новой жизни) странъ, мѣняется чрезвычайно быстро. Свѣдѣнія прошлаго года уже недостаточны въ нынѣшнемъ. У насъ передъ войной когда-то узнали точную цифру японскихъ войскъ. Эта цифра сдѣлалась базой нашихъ соображеній и политическихъ, и военныхъ. На дняхъ же оказалось, что вмѣсто 350-тысячной арміи Японія имѣла тогда свыше милліона солдатъ. Ясно, что теперешнее изученіе военнаго (да и всякаго) дѣла должно быть не единовременнымъ, а *непрерывнымъ*. Нужно не только послать изслѣдователей, но необходимо содержать постоянныхъ наблюдателей въ интересныхъ краяхъ,—такихъ наблюдателей, которые ежедневно корректировали бы свѣдѣнія о краѣ и были бы въ состояніи дать точную картину его за послѣдній день. Нѣтъ нужды въ многочисленномъ персоналѣ наблюдателей, но чѣмъ меньше организація, тѣмъ отборнѣе должны быть ея качества. Дѣлается ли что-нибудь подобное у насъ? Къ сожалѣнію, повидимому, нѣтъ.

Больно читать, съ какой энергіей, народы небольшіе и въ сущности незначительные, каковы японцы, стремятся къ торжествующему на нашъ счетъ существованію. Какъ однако имъ жить хочется! Какъ поднимаетъ ихъ сердце духъ побѣды, къ какимъ побуждаетъ напряженіямъ! Они видимо не теряютъ ни одного часа драгоцѣннаго времени, они съ бюджетомъ вѣятеро меньшимъ нашего готовятся, работаютъ, добиваются чудесъ. Наша—великая имперія, выровнившая мечъ, закрыла лицо руками—въ надеждѣ, что война прекратилась, насталъ миръ. Но вѣдь *неправда* это! Наша война съ Японіей вовсе не прекращена. Съ ихъ стороны она продолжается въ видѣ крайне дѣлательно используемаго перемирія, въ видѣ кипучихъ приготовленій къ какому-то очень близкому дню.. Мечъ врага надъ нами опять заносится. Неужели необходимо, чтобы онъ опустился, чтобы мы разгадали смыслъ этого жеста? („Н. В.“ М. Меньшиковъ).

Смирнѣ Кѣсари Ростовскій
Димитрій:

IV.

О СВЯТИТЕЛѢ ДИМИТРІѢ РОСТОВСКОМЪ.

Святитель Димитрій родился отъ благочестивыхъ родителей; большое вліяніе имѣла на него его мать, — истинная христіанка; она первая забросила въ его душу сѣмена любви къ Богу и къ людямъ. Отъ добраго дерева — явился и добрый плодъ.

Надъ святымъ отрокомъ рѣялъ Духъ Божій! Провидѣніе готовило его къ высокой миссиі, которую онъ выполнилъ блестяще и нынѣ окруженъ ореоломъ святости... Дорога его была терниста. Путемъ постепеннаго совершенствованія, путемъ молитвы и труда поднимался онъ все выше и выше — и въ нравственномъ, и въ іерархическомъ смыслѣ. Двадцать лѣтъ усидчиваго труда посвятивъ онъ для составленія Четь-Миней, которыя до скончанія міра будутъ его безсмертнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ во славу Божию и Его святыхъ угодниковъ...

Тяжело было бороться подвижнику съ тьмой и невѣріемъ. По этому поводу онъ самъ писалъ:

„Нынѣ святая церковь утѣшена, умалена, ово отъ вѣдшихъ гонителей, ово отъ внутреннихъ раскольниковъ, иже по Апостолу отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ... Уже о вѣрѣ и простые мужики и бабы весьма пути истинна незнающіи, догматизуютъ и учатъ и въ своемъ упорствѣ окаянніи стоять, презрѣвши и отвергнуши истинныхъ учителей церковныхъ...“

Не то же ли и нынѣ видимъ мы?

Святитель Димитрій горячо заботился о просвѣщеніи и укрѣпленіи вѣры въ молодежи и твердо боролся съ раскольниками. Его трудъ: „Вопросы и отвѣты о вѣрѣ“ — слѣдовало бы читать и перечитывать всѣмъ отступникамъ, всѣмъ неокрѣпшимъ въ вѣрѣ.

Его духовныя пѣсни и проповѣди — плоды великой и смиренной души вѣчно юны, поучительны и безсмертны. Припомнимъ одну изъ его кантатъ „Отвѣтъ Магдалины грѣшникамъ“:

Всѣмъ щедръ есть Господь нашъ, всѣхъ вмѣщаетъ не тѣсно,
 Всѣхъ пріемлетъ, всѣмъ радъ, всѣхъ любитъ, вѣждь извѣстно;
 Аще бо со всего міра здѣ притекали люди—
 У ногъ Христа моего—не тѣсно имъ буди...

Его проповѣдь: „Бѣдственное состояніе души, лишенной благодатнаго присутствія Божія“—лучшій отвѣтъ всѣмъ современнымъ отступникамъ, изгоняющимъ изъ себя Христа.

„Всячески гониши Его и безчестиши; гониши въ ближнемъ твоёмъ, безчестиши въ тебѣ самомъ“.

Святитель Димитрій строго наставлялъ и духовенство, небрежно относящееся къ святынямъ; его ревность и Боголюбіе походило на ревность св. Николая, не пощадившаго Арія, когда послѣдній дерзнулъ неправильно мыслить о Сынѣ Божіемъ.

Царь земной глубоко чтилъ святителя, царица благоговѣла предъ его святыней. Самъ святитель никогда не льстилъ земнымъ владыкамъ, но чтилъ высокое званіе царя.

Подобно пр. Серафиму—святитель Димитрій предалъ свою праведную душу Богу, стоя на молитвѣ въ своей скромной келіи, еще при жизни совершалъ онъ чудеса именемъ Божіимъ; нынѣ, предстоя Престолу Божію, имѣетъ онъ еще большее дерзновеніе, и вѣруемъ, что онъ возноситъ пламенную молитву за свою родную Русь: да просвѣтится она свѣтомъ Христовымъ, да раскается, да спасется! Да вспомнить же православная Россія и достойнопочтить юбилей святого своего олитвенника. („М. В.“ С. Г. Щербачевъ).

V.

На поляхъ газетъ и журналовъ.

Въ „Нов. Вр.“ пишутъ о порядкахъ въ русской православной церкви въ Висбаденѣ.

Русскій человекъ поналъ въ Висбаденъ и захотѣлъ Богу помолиться. За это съ него взяли деньги и оскорбили его религиозное и національное чувство одновременно. Настолько оскорбили, что онъ не полѣнился мнѣ объ этомъ написать. За входъ въ русскую церковь съ него потребовали уплаты одной марки. Положимъ, это немного, но гдѣ это видано, чтобы въ православную церковь впускали за деньги? Если перенимать заграничные обычаи, то не такіе. Затѣмъ его снабдили печатною брошюрой, озаглавленной: „Путеводитель черезъ православную часовню у Висбадена“. Брошюру эту онъ мнѣ прислалъ и она отнынѣ занимаетъ въ моей бібліотекѣ почетное мѣсто въ отдѣлѣ печальныхъ, смѣшныхъ и гнусныхъ курьезовъ русскаго печатнаго дѣла.

Въ первой главѣ описанъ „саркофажъ“, въ которомъ покоится Елисавета, герцогиня Нассауская. Мы узнаемъ, что: съ обѣихъ сторонъ подставники вырѣзаны 12 апостоловъ, на четырехъ углахъ символы... въ срединѣ купола скорбящіе „ангелы“.

Изъ второй главы мы узнаемъ, что „платье величайшаго русскаго святаго, Александра Невскаго приготовлено изъ эмали“.

Третья глава поучаетъ насъ, что иконостасъ: „отдѣляютъ въ православной церкви вѣрующіихъ отъ святая святыхъ“, среди перечисленныхъ иконъ упомянуты образа „архангела „Габріэла“, святаго „Базиліуса“ и святаго „Иванова“.

Путеводитель предупреждаетъ публику, что: „эта дверь откроется только для русскаго царя и священника. Дальше онъ угѣшаетъ насъ тѣмъ соображеніемъ, что православные праздники равны праздникамъ римско-католической церкви, но: „последніе на 14 дней позже выпадающіе“.

Глава шестая трактуетъ о „погребеніи Христа“, котораго „ставляютъ“ во всѣхъ греческихъ церквахъ въ великую пятницу.

Описывая куполь, путеводитель обращаетъ вниманіе на „око Божіе“ на святаго „Маркиса“ и пророка „Даніела“.

Въ заключеніе мы узнаемъ, что сооруженіе русскаго храма въ Висбденѣ обошлось въ девять милліоновъ нассаускихъ гульденовъ.

Читаешь и невольно краснѣешь за... русскихъ!

* * *

Козловъ, будучи рабочимъ на заводѣ, находился въ паровой, гдѣ взорвался котель, причемъ горячимъ паромъ ему выжгло оба глаза и онъ ослѣпъ.

Горькою его судьбою тронулась старовѣрческая община, которая принявъ его въ качествѣ пѣвчаго, помѣстила его у себя въ богадѣльнѣ въ одной комнатѣ съ двумя старцами—Ботасовымъ и Чумаковымъ.

Старички обладали сбереженіями, и 8 января текущаго года Ботасовъ, въ присутствіи Чумакова и Козлова, провѣривъ свои деньги, которыхъ было 1.500 руб., заперъ ихъ въ свой сундукъ, а ключъ отъ него положилъ подъ шкафчикъ. Сдѣлавъ это, онъ изъ комнаты вышелъ, а вслѣдъ за нимъ вышелъ и Чумаковъ, оставивъ въ комнатѣ одного Козлова.

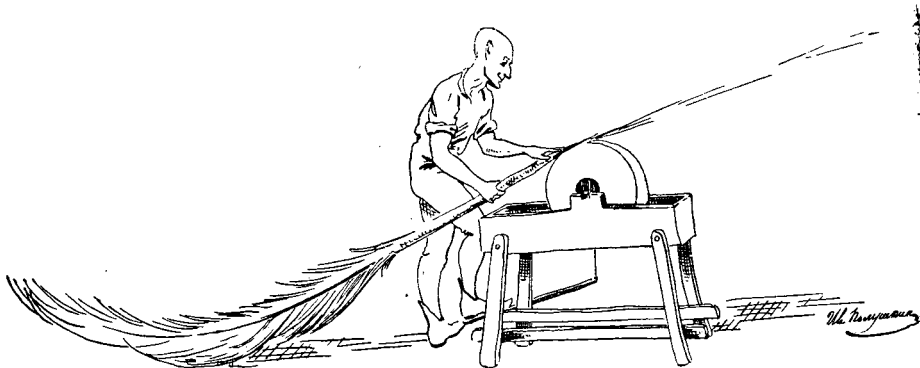
Когда же Чумаковъ вернулся, комната оказалась запертою извнутри и Козловъ не сразу отворилъ, сказавъ, что переодѣвался.

Послѣ этого Козловъ ушелъ изъ дома, а когда вернулся Ботасовъ, то онъ уже не нашелъ своего ключа и обнаружилъ пропажу всѣхъ своихъ денегъ.

Козловъ же, болѣе въ общину не вернувшійся былъ разысканъ только въ половинѣ февраля и при задержаніи сознался, что похитилъ изъ сундука Ботасова 1.200 руб., изъ которыхъ 950 руб. положилъ на книжку, 200 руб. у него кто-то укралъ, а 50 руб. онъ прожилъ на собственные надобности.

7 сентября дѣло это разсматривалось въ Московскомъ Окружномъ Судѣ и вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей Козловъ оправданъ.

Интересно знать: неужели заводъ не обязанъ обезпечить такъ пострадавшаго своего рабочаго? и если юридически не обязанъ, то нравственно то? Впрочемъ, что говорить объ этикѣ, когда богачи рестораторы увольняютъ лакея, прослужившаго безпорочно 20 лѣтъ—увольняютъ только за то, что онъ снесъ полуголодной семьѣ куски хлѣба и мяса, оставшагося отъ обѣда „гостя“.

ИСКРЫ.

„Юморъ—это бальзамъ, приклады-
ваемый великодушнымъ человѣкомъ
къ язвамъ сердца.“

Т. Карлейль.

„И при смѣхѣ иногда болитъ сердце.“

(Изъ притчей Соломона.)

ЗА ЗАВТРАКОМЪ.

Нѣсколько литераторовъ собрались позавтра-
кать въ отдѣльномъ кабинетѣ „Б. Моск. го-
стиницы.“

Тутъ былъ и „молодой беллетристъ“ со-
рока лѣтъ, и поэтъ—юмористъ, Дядя Виляй,
и молодой критикъ, пишущій хлестко и ярко,
но очень неопредѣленно, и фельетонистъ, не
лишенный остроумія, но не превратившійся въ паяца съ
клоунскими бубенчиками. Случайно заѣхалъ и популярный
„народникъ“, и жизнерадостный беллетристъ—этнографъ,—
несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ еще держащійся галант-
нымъ кавалеромъ.

— Вы молодецъ! говорили ему... Словно время и не
касается васъ... Всегда веселы...

— Жить надо!

— Не устали?

— Зачѣмъ? До шестидесяти лѣтъ надо жизнью пользоваться...

— До шестидесяти?

— Да... До шестидесяти—жизнь, а дальше—житіе!

Когда-то онъ говорилъ:

— До пятидесяти—жизнь, а дальше—житіе.

Но когда ему стукнуло 50 лѣтъ, онъ продолжалъ періодъ „жизни“.

Острякъ Карасевъ, претендующій на званіе преемника Минаева, говоритъ:

— Погодите: стукнетъ Мурманскому (фамилія беллетриста) пятьдесятъ, и онъ будетъ утверждать: „до семидесяти—жизнь, а дальше житіе“.

— Правда? спрашиваютъ смѣясь Мурманскаго.

— Никогда! Карасевъ съѣлъ зубы — острить пошло! отвѣчаетъ жизнерадостный беллетристъ, разглаживая густую бороду, которую онъ холитъ тщательно.

Но обратимся къ завтраку.

Все общество было оживлено, несмотря даже на присутствіе мрачнаго публициста Свѣточкина, который написалъ болѣе сотни статей на тему о томъ: имѣемъ-ли мы право ѣсть спаржу, артишоки, пить шампанское, когда у мужика не хватаетъ рѣпы и капусты?

Самъ мрачный публицистъ, сохраняя на лицѣ печать гражданской скорби, аппетитно ѣлъ вкусную селянку и запивалъ ее хорошимъ портеромъ.

Слышались шутки, остроты, каламбуры. Поэтъ сыпалъ экспромтами, критикъ ядовито дѣлалъ замѣчанія, но смѣялся также. Мурманскій рассказалъ какой-то анекдотъ изъ итальянской жизни.

— Гдѣ ты его слышалъ? обратился къ нему Карасевъ.

— Мнѣ рассказывалъ на пароходѣ одинъ итальянскій коммерсантъ.

— А ты не врешь?

— Нѣтъ, вру...

— Право, скажи прямо! Вѣдь этотъ анекдотъ я слышалъ еще въ дѣтствѣ...

— Что-жъ такое? сказалъ критикъ. Мурманскій видѣлъ сына того коммерсанта, который...

Ему не дали кончить. Раздался дружный смѣхъ.

— Господа, для чего спорить?

Фельетонистъ поднялъ вверхъ указательный палецъ.

— Не все равно развѣ? Анекдотъ интересный—и этого довольно.

Обѣдъ подходилъ къ концу.

Подали кофе и ликеръ.

— Завтракъ на славу! воскликнулъ поэтъ.

— Стихъ! крикнулъ „молодой беллетристъ“ сорока лѣтъ.

— Будеть!

— Хотя четверостишіе!

— Да что я все даромъ... Полтина строчка!

— Поэтъ, поэтъ!

— А что-же... Вотъ Пѣвкинъ только разъ въ годъ брату и сестрѣ письма пишетъ.

— Почему?

— Невыгодно, говорить. Въ каждомъ письмѣ строкъ сто. Двѣсти строкъ по гривеннику и онѣ пропадаютъ!

Опять всѣ засмѣялись.

— Ну, а что ты: загребаешь золото лопатами? спросилъ публицистъ у Мурманскаго.

— Десятью заразъ!

— Не больше-ли? И здоровъ ты писать... Когда успѣваешь?

— Пишу всѣ 24 часа!

Мурманскій засмѣялся.

— А денегъ нѣтъ? со смѣхомъ-же промолвилъ народникъ.

— Проходятъ...

— Не любятъ постоянного жительства? Да?

— Онѣ такія-же, какъ и онѣ самъ... съ цыганской кровью! Бродяжки!

Народникъ улыбнулся и произнесъ:

— У всѣхъ одинаковыя... У меня тоже—бѣглянки...

— А вѣдь и вы не мало зарабатываете? спросили его.

— Ничего... Доходить до 5 тысячъ.

— А между тѣмъ?

— Не выхожу изъ долговъ!

— Да можетъ-ли быть?—усумнился „молодой“ беллетристъ.

— Не вѣрите?

Народникъ вынулъ изъ бокового кармана сюртука квитанцію изъ „частнаго ломбарда“ и положилъ на столъ.

— Вотъ вамъ: заложено!

— Часы?

— Да, часы.

— Расхвастался! возразилъ Мурманскій, и поспѣшно полѣзъ въ карманъ своего пиджака.

— Гляди, изволь!

Онъ положилъ на столъ двѣ квитанціи изъ ссудной кассы.

— Что взялъ?

— Ты думаешь это все? воскликнулъ народникъ.

И онъ опять полѣзъ въ карманъ сюртука.

— Погоди, погоди, говорилъ онъ, доставая какія-то бумажки.

Онъ досталъ ихъ, разобралъ и выложилъ на столъ три квитанціи изъ ломбарда.

— Любуйся!

— Эхъ, ты!

Мурманскій досталъ изъ пиджака нѣсколько квитанцій.

— Возри!

— Думаешь удивилъ? сказалъ народникъ. Нѣтъ, братъ!

Онъ положилъ на столъ тоже нѣсколько квитанцій!

— Не уступимъ!

— Такъ на-же!

И Мурманскій бросилъ на столъ цѣлый пукъ квитанцій!

Раздался громкій хохоть.

— Стойте, господа! Вистую! закричалъ молчавшій до сихъ поръ фельетонистъ и выкинулъ цѣлую связку квитанцій, перевязанныхъ шнуркомъ.

— Чья взяла?

Хохоть усилился.

— Ну, братцы... всѣ вы заложённые! промолвилъ поэтъ...

— А ты самъ?

— Да мнѣ и закладывать нечего... Стиховъ не берутъ подъ залогъ!

— Погоди, на Парнасъ откроютъ кассу ссудъ!

— И посадятъ за прилавокъ господина Масунскаго!

Масунскій—издатель, типъ журнальнаго эксплуататора.

— Какъ-же вы, господа заложенные.. Когда надѣтесъ выкупиться? со смѣхомъ освѣдомился критикъ, умѣющій жить экономно.

Послѣ обѣда онъ вплоть до занятій не зажигалъ даже свѣчей, чтобы не тратить лишней копейки. Желая замаскировать свою скупость, онъ говорилъ обыкновенно:—я не выношу свѣта... въ потемкахъ—приятнѣе.

На вопросъ критика отвѣтилъ первымъ народникъ.

— Погодите, вотъ издамъ собраніе своихъ сочиненій—и выкуплюсь!

— А вы—Мурманскій?

— У него скоро умретъ американскій дядюшка, засмѣялся Карасевъ.

— И я тогда возьму тебя въ свои шуты, огрызнулся жизнерадостный беллетристъ.

— Вотъ это зло! сказалъ фельетонистъ.

Карасевъ обидѣлся и легко могла загорѣться ссора.

Но вмѣшался театральнй рецензентъ, до сихъ поръ молчавшій.

— А вы знали, господа, актера Сермягина?

— Конечно! Еще бы!

— Смѣшная съ нимъ исторія случилась... Я вспомнилъ о ней по поводу вотъ этихъ квитанцій...

— Какая исторія?

Всѣ ухватились за „исторію“, чтобы не дать разгорѣться ссорѣ между Мурманскимъ и Карасевымъ, или, вѣрнѣе, чтобы отвлечь и успокоить разобиженнаго преемника Миная.

— Какая исторія? Расскажите!

— И при чемъ тутъ квитанціи?

— А у него ихъ было множество... Да ужъ позвольте, я все по порядку...

— Ну, валяйте! сказалъ фельетонистъ... Господа, да что-же мы забыли кофе и ликеръ... Мурманскій... Карасевъ... пейте рюмку мира...

— Я съ нимъ...

— Потому, потому... Григорьевъ—рассказывайте-жь!

Фельетонистъ пододвинулъ народнику ликеръ и сдѣлалъ выразительный знакъ рукою: лей-моль больше!

Театральнй рецензентъ началъ.

— Это было лѣтъ семь или восемь тому назадъ... Я тогда работалъ въ „Секундѣ“. Случайно познакомился я съ Митей (такъ вѣдь всѣ звали Сермягина) и мы скоро сдѣлались друзьями.

— И вмѣстѣ пили? вставилъ замѣчаніе фельетонистъ, отхлебывая кофе.

— Когда были деньги, съ улыбкой отвѣтилъ Григорьевъ...

— А онѣ были рѣдко?

— Не часто... Митя человѣкъ талантливый, это внѣ сомнѣнія... Имъ и тогда дорожили. Но онъ нуждался и потому...

— Его прижимали?

— Да...

— Какъ и всегда бываетъ...

— Его прижимали, продолжалъ Григорьевъ, и онъ получалъ немного. Но его любили... Дѣлали подарки... Бенефисъ давалъ порядочныя деньги... Но постъ все подбиралъ... Играть нельзя, чѣмъ жить? Оставалось одно — залогъ. И Митя закладывалъ все, что было можно, тащилось въ кассу... И вотъ „случился случай“, о которомъ я хочу рассказать. Великій постъ уже подходилъ къ концу... Навертывался ангажементъ и все прочее, а Митя—яко нагъ, яко благу, яко нѣтъ ничего... А на счетъ питанія—нечего и говорить: артистъ уже давно сидѣлъ на сухофденіи. Чаю купить было не на что! Бѣда да и только. Прихожу къ нему... Лежитъ на диванѣ и смотритъ въ потолокъ.

— Живъ еще? спрашиваю его.

— Да.

— Чего на потолокъ-то смотришь... манны, что-ли, ждешь съ неба?

— Нѣтъ, а гляжу, гдѣ гвоздь вколотить, чтобы повѣситься.

— А на гвоздь деньги есть?

— Ни гроша.

— Ну, такъ и думать нечего... Вставай... У меня есть рубль. Давай чай пить...

Митя вскочилъ сіяющій.

— Рубль? не врешь?

— Не вру.

— Покупай хлѣба и селедку.

Купили, и самоваръ велѣли ставить. Хозяйка попалась еще добрая... ждала долгъ и даже жалѣла Митю: нѣтъ, нѣтъ и принесетъ тарелку шей...

Ну, вотъ пьемъ чай, болтаемъ...

Вдругъ, Митя вскакиваетъ и ударяетъ себя по лбу.

— Дуракъ я, дуракъ! закричалъ онъ.

Я даже испугался. Думаю: съ ума спятилъ малый.

— Митя... что съ тобой?

— А онъ мнѣ:

— Молчи—не мѣшай!.. Геніальная мысль пришла...

Помнишь „Свадьбу Кречинскаго“?

— Помню.

— Такъ вотъ и я тоже: „эврика“, братъ!..

— Гдѣ-же она? спрашиваю его.

Онъ только рукой махнулъ и принялся писать. Съ полчаса писалъ, прочелъ про себя, улыбнулся довольно и говорить:

— Есть у тебя еще пятакъ на марку?

— Да у меня марка есть. На что тебѣ?

— Письмо посылаю... Слыхалъ ты Пуда Самсоновича Китоловова?

— Кажись, у него лавки рыбныя?

— Вѣрно. А у него супружница — Марѳа Осиповна...

Она дама добросердечная и театръ обожаетъ...

— И ты къ ней пишешь?

— Пишу. И не только пишу, а и прикладываю всѣ квитанціи.

— Зачѣмъ-же квитанціи?

— Пусть увидитъ, что не вру, а во истину обрѣтаюсь въ скорбяхъ и печаляхъ... Слушай, что я написалъ...

И сталъ онъ мнѣ читать. И чего—чего онъ не насочинилъ... Откуда краснорѣчіе взялось... точно фельетонистъ какой...

Прочелъ Митя и спрашиваетъ:

— Что, хорошо?

— Отлично! говорю ему.

— Тронетъ сердце?

— Надо думать...

— Я увѣренъ: дама чувствительная... въ театрѣ всегда плачетъ...

Вложилъ Митя письмо и квитанціи въ конвертъ и запечаталъ.

Тутъ я ему и говорю:

— А это не дѣло—посылать по почтѣ... Можетъ утѣряться...

— Но какъ-же иначе?

— Давай, я снесу—позвоню и передамъ горничной хотя... Все лучше...

Митя со мною согласился.

— Орудуй!

Я самъ и отдалъ прямо въ руки купчихѣ. Она садилась въ экипажъ, ѣхала, должно быть, къ вечернѣ. Удивилась было... „Что это такое?“ А я ей: прочтите, сударыня, увидите... И прошу не оставить безъ отвѣта.—Это, говорить, вы пишете?—Нѣтъ, отвѣтилъ я: мой лучший другъ, извѣстный артистъ Сермягинъ.

Она опять:

— По какому-же случаю онъ можетъ писать мнѣ?

— Прочтите, сударыня, и все узнаете.

Поклонился и прочь.

Захожу на другой день къ Митѣ.

— Что?—Спрашиваю.

— Ничего.

— Нѣтъ отвѣта отъ Китолововой?

— Нѣтъ.

— Завтра, значить.

Прихожу черезъ день, въ полной увѣренности, что отвѣтъ полученъ. Но Митя мраченъ и опять лежитъ на диванѣ и смотреть въ потолокъ.

— Неужели ничего?

— Ни буквы!

— Значить, не отвѣтить? Не хочетъ!

— Чортъ ее побери, пусть хотя квитанціи-то вернетъ...

Въ самомъ дѣлѣ: вотъ штука!..

— Ну, говорю: не пропадутъ-же твои квитанціи... Да я и схожу къ ней, если хочешь.

— Надо подождать!

Черезъ дня два опять захожу къ Митѣ.

— Ничего?

— Ничего... Иди къ ней, да возьми обратно квитанціи...

Я сейчасъ-же хотѣлъ идти, но Митя удержалъ.

Присѣлъ я и мы заболтались.

Вдругъ входитъ хозяйка.

— Господинъ Сермягинъ, тоскливо произнесла она:— васъ спрашиваетъ какой-то мужчина.

— Пусть войдетъ сюда, мрачно отвѣтилъ Митя.

Въ комнату вошелъ рослый субъектъ, въ лисьей шубѣ.

— Господинъ Сермягинъ? вопросительно промолвилъ онъ.

— Я, отвѣтилъ коротко Митя.

— Вы актеръ Сермягинъ?

— Да, я актеръ Сермягинъ.

— Вы писали Марѣ Осиповнѣ... Я ея братецъ...

— Ахъ, вы отъ г-жи Китолововой?

— Да... Такъ вотъ она...

И, повернувшись, мужчина вышелъ изъ комнаты.

Митя съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня.

— Что сіе значить?

Я пожалъ плечами...

Но въ эту минуту появился снова „братъ г-жи Китолововой“. А за нимъ рослый кучеръ (или дворникъ) несъ корзинку.

— Ставь сюда, указалъ „братецъ“ кучеру.

Тотъ поставилъ.

— Уходи.

Онъ подалъ Митѣ конвертъ, поклонился и вышелъ вслѣдъ за кучеромъ.

Митя поспѣшно разорвалъ конвертъ. Безграмотно и нескладно купчиха писала, что она по христіанской добродѣтели исполняетъ просьбу и поздравляетъ его, Сермягина, съ праздникомъ.

— Гдѣ-же деньги?

— Посмотри въ корзинкѣ... что тамъ такое?

Развязали—тамъ лежали всѣ вещи Мити, заложенные въ разныхъ ссудныхъ кассахъ.

— Что-же это? воскликнулъ Митя.

— Видишь, выкупила!..

— Но я безъ денегъ? Что-же мнѣ дѣлать?

Онъ прошелся по комнатѣ и произнесъ:

— Ъдемъ, дружище!

— Куда?

— Куда! Самъ догадайся!

— Закладывать?

— Конечно! Какъ-же иначе!

И опять заложили, хотя и не все. Вотъ, господа, какія купчихи бываютъ!

— И то хорошо, что выкупила! промолвилъ фельетонистъ... Ну, господа—заложённые, что-же: будемъ искать купчиху такую, или нѣтъ?

— Для этого надо быть Сермягинымъ! сказалъ критикъ.

— И промежъ насъ найдутся такіе... Настоящее время—не прежнее.

— Да, но мы не изъ такихъ, сказалъ народникъ.

Карасева заставили помириться съ беллетристомъ.

По сему случаю потребовали вина.

Карасевъ сказалъ остроу. Поэтъ „даромъ“ бросилъ экспромтъ:

Эхъ, чья-бы ни была вина—

Давайте намъ скорѣй вина!

Опять посыпались шутки, каламбуры...

Народникъ мило началъ пародировать Горбунова.

Гейне изъ Вельска.

СЪ ЧУЖИХЪ ПОЛЕЙ.

Анекдоты о муллѣ Насръ-Эддинѣ.

(Изъ сат. стих. Величко).

Съ татарскаго.

I.

ПИЛАВЪ.

У муллы строптивый нравъ.

— „Эй, мулла! Несуть пилавъ!“

— „Ну, а *мнѣ* какое дѣло?!..“

— „Вѣдь тебѣ-жѣ его несутъ!..“

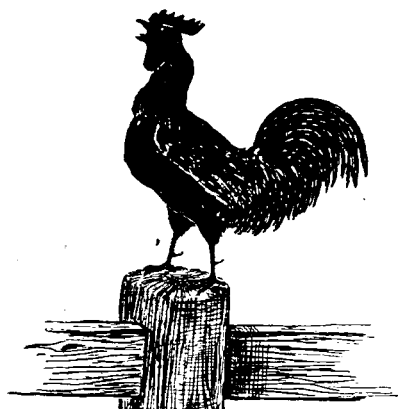
Огрызнулся онъ и тутъ:

— „Такъ *тебѣ* какое дѣло?!..“

II.

АБА (плащъ).

Для чего-то ночью выглянувъ на дворъ,
 Насрѣ-Эддинъ увидѣлъ бѣлую фигуру —
 И рѣшилъ спросонья, или, просто, сдуру:
 — „Надо защищаться! Это вѣрно воръ!..“
 И мулла немедля принялся за дѣло:
 Самопаль кремневый снявши со стѣны,
 Онъ поползъ къ фигурѣ, что въ лучахъ луны
 Страшнымъ привидѣньемъ у плетня бѣлѣла.
 Но найдя не вора, а свой плащъ—абу,
 Прошепталъ онъ въ страхъ: „Шутка-ль?! Хорошо-же,
 „Что меня въ плащѣ нѣтъ! Вѣдь не то,—о Боже! —
 „Выпавивъ, я былъ бы самъ теперь въ гробу!..“

Медицина въ сельскихъ школахъ и школьныя аптечки.

(Письмо въ редакцію).

Въ наше время, когда земство, „вкупѣ и влюбѣ“ съ интеллигенціей, стало интересоваться народныя образованіемъ больше, чѣмъ своимъ собственнымъ; когда въ народныхъ учителяхъ и учительницахъ нашли не только душу, жаждущую внести свѣтъ знанія и истины въ темныя народныя массы, но также и тѣло, желающее прикрыть наготу свою, и желудокъ, не менѣе души жаждущій пищи тѣлесной, — въ наше время, говорю я, не дадутъ учителю умереть съ голоду на нивѣ народнаго просвѣщенія, какъ это нерѣдко случалось въ сравнительно недавнее время ¹⁾).

Съ этой стороны земствомъ дѣйствительно сдѣлано кое-что, чтобы можно было не бояться голодной смерти, но благодарить за это излишне, ибо дать кусокъ болѣе питательнаго хлѣба учителю, который служить больше всего все-таки его интересамъ, есть долгъ земства, его прямая обязанность.

Но, вѣдь, голодъ — не единственная причина смертности, есть другая, болѣе важная — болѣзни ²⁾) которая среди учительскаго персонала распространены, безъ сомнѣнія, нисколько не въ меньшей, а, пожалуй, даже и въ большей степени, чѣмъ среди представителей другихъ профессій.

Я не буду здѣсь распространяться о причинахъ большого числа заболѣваній среди учителей, потому, во-первыхъ, что онѣ извѣстны всѣмъ, болѣе или менѣе знакомымъ съ постановкой школьнаго дѣла, въ Россіи, а во-вторыхъ — что это дѣло касается уже не учителя, а врачебно-санитарной медицины.

Я укажу только, что на этотъ то весьма важный фактъ, который является главнымъ тормазомъ успѣшнаго веденія школьнаго дѣла, земство или не догадалось или, что всего вѣроятнѣй, не захотѣло обратить своего вниманія, благодаря чему полной медицинской помощью могутъ пользоваться только тѣ школы, которая находятся въ непосредственной связи (по разстоянію) съ врачебно-медицинскими пунктами.

¹⁾ Смерть отъ хроническаго недоѣданія.

²⁾ Отчасти тѣ, причина которыхъ кроется въ скверномъ питаніи, а также и многія, случайныя, отъ другихъ причинъ.

Между тѣмъ, какой бы уѣздъ, какую бы губернію вы ни взяли, даже такую, гдѣ школьное дѣло и дѣло медицинской помощи находятся на одинаковомъ уровнѣ развитія, ¹⁾ все-таки число школъ будетъ значительно превышать количество врачебныхъ пунктовъ, отчего является большая или меньшая отдаленность школъ отъ больницы въ каждомъ данномъ медицинскомъ участкѣ.

Для иллюстраціи приведу цифры по Московской губерніи, въ которой высоко развиты оба вида земской дѣятельности.

Такъ въ ней въ 190³/₄ году числилось всего 109 медицинскихъ участковъ при 1411 школахъ.

Если изъ общаго числа школъ вычтемъ теперь 33 фабричныхъ школы, которыя обслуживаются своими лѣчебницами, то и тогда на каждую больницу придется въ среднемъ около 13 школъ, — цифра довольно внушительная, отодвигающая границы участка на очень далекое пространство. ²⁾

И это, замѣтите, въ среднемъ... Въ частности же по нѣкоторымъ уѣздамъ цифра эта несомнѣнно сильно увеличивается въ зависимости отъ степени развитія медицинскаго дѣла.

Большинство учителей, слѣдовательно, какъ въ Московской, такъ, тѣмъ болѣе, и въ другихъ губерніяхъ, лишается скорой и полной медицинской помощи, потому что господа врачи съ большой неохотой спѣшатъ на требованія учителей, объясняя свое нежеланіе дальностью разстоянія, плохими дорогами, скверными лошадьми и экипажами (телѣга, „таратайка“, ...) и т. п.

Если такъ плохо обстоитъ дѣло съ участковыми врачами, прямою обязанностью которыхъ является обслуживаніе приписного сельскаго населенія и входящихъ въ участокъ земскихъ школъ, то что же можно требовать отъ того медицинскаго персонала, который обслуживаетъ многія частныя, фабричныя и т. п. лѣчебницы и для котораго не обязательны, оба только что названные вида дѣятельности.

Ярче же всего это нежеланіе врачей работать въ чужихъ участкахъ, эта, такъ сказать, медицинская необезпеченность учителя проявляются на границахъ уѣзда, когда ближайшій врачъ находится на службѣ другого земства, иногда даже въ другой губерніи.

Года два тому назадъ подобный фактъ имѣлъ мѣсто въ М-ой школѣ Б-аго у., отъ которой ближайшій врачъ находится на разстояніи 7 верстъ и состоитъ на службѣ въ другой губерніи.

И вотъ когда за нимъ пріѣхалъ мужикъ, чтобы просить его къ опасно больному сыну учительницы, онъ долго и упорно отказывался, ссылаясь на то, что не выносить ѣзды въ телѣгѣ, и уступилъ только послѣ того, какъ мужикъ пригрозилъ ему, въ случаѣ отказа, довести „куда слѣдуетъ“ о его поступкѣ.

¹⁾ Обыкновенно школьное дѣло идетъ впереди.

²⁾ См. Статист. Ежегодникъ Московской губ. за 1904 годъ.

Я думаю, что цифры эти, хотя и стары, однако довольно точно рисуютъ пропорціональное отношеніе школъ и больницъ, которые, если и измѣнилось теперь, то весьма незначительно.

Это „куда слѣдует“, о которомъ самъ мужикъ не имѣлъ яснаго представленія — очевидно и повляло на доктора, и онъ поѣхалъ, но мужичку пришлось-таки перепрычь свою клячу въ собственный шарабанъ доктора.

Вотъ факты, голые факты.

А вѣдь стоитъ только подумать, что при болѣе добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу всѣхъ тѣхъ врачей, которые не считаютъ своею обязанностью обслуживать земскія школы, медицинская обеспеченность учителя minimum удвоилась бы, такъ какъ въ каждомъ уѣздѣ количество частныхъ, фабричныхъ и т. п., вообще не земскихъ лѣчебницъ гораздо больше, чѣмъ земскихъ и фабрично-земскихъ, т. е. участковыхъ.

По истинѣ китайской стѣной огораживаютъ свои души отъ живого дѣла всѣ, такъ называемые народные слуги, и имя этой стѣны — „Не обязанъ!“

Какъ выходъ изъ этого положенія, — вѣдь надо же въ концѣ-концовъ перелѣзть черезъ стѣну! — земству необходимо, во первыхъ: внушить состоящимъ у него на службѣ врачамъ, чтобы они безпрекословно и немедленно ѣхали въ школу по первому требованію учителей, не стѣняясь дальностью разстоянія и скверными дорогами, и во вторыхъ — войти въ какія-нибудь соглашенія съ врачами не участковыхъ лѣчебницъ, чтобы и тѣ поступали такимъ же образомъ.

Немедленная помощь врача требуется, однако, учителю довольно рѣдко, но есть масса болѣе легкихъ болѣзней, которыя какъ пчелиный рой облепляютъ учителя и тормозятъ правильный ходъ занятій. Это безконечные насморки, головныя и зубныя боли, инфлуенца, легкія ангины, лихорадки и т. п., — результаты дурныхъ школьныхъ зданій и учительскихъ квартиръ, а также утомленія, — при которыхъ не требуется присутствіе врача, но необходимо регулярное лѣченіе соответствующими лѣкарствами.

А гдѣ возьметъ сельскій учитель эти необходимыя лѣкарства?

Обращаться каждый разъ къ участковому врачу, скакать 15—20 верстъ за зубными калями или хиной, — слишкомъ дорогое и отнимающее много времени средство, на которое учитель врядъ ли согласится, предпочитая перенести болѣзнь безъ всякой помощи.

Ясно также, что онъ не можетъ приобрести ихъ (лѣкарства) и на свои средства, потому что средства эти настолько малы, что едва хватаютъ для наполненія желудка и прикрытія наготы. Да если кто и сумѣетъ урвать изъ своего оклада незначительную часть, онъ скорѣе употребитъ ее на приобретение какой-либо книги или журнала, чѣмъ станетъ покупать лѣкарства въ расчетѣ на то, что онъ когда-то заболѣетъ.

Странно и дико требовать отъ него этого.

Кромѣ того, здѣсь я больше всего имѣю въ виду вновь поступающихъ учителей, которые каждый годъ цѣлыми сотнями стремятся въ народныя школы. А, вѣроятно, каждому извѣстно съ какими трудностями сопряжено нынѣ поступленіе въ сельскіе учителя. Сколько разъ надо побывать то въ Управѣ, то у инспектора народныхъ училищъ, то въ Канцеляріи Училищнаго Совѣта; сколько усилій и денегъ надо потратить для

приобрѣтенія какой-нибудь малозначущей бумаги; въ какомъ нравственномъ и физическомъ напряженіи находится учитель все время, пока не получитъ школы.

И прїѣдетъ онъ туда (въ школу) разбитый и усталый, въ буквальномъ смыслѣ слова „безъ гроша въ карманѣ“, такъ какъ выжалъ послѣдніе соки, добиваясь этого мѣста, и думаетъ-гадаетъ, какъ бы устроиться ему со столомъ до полученія жалованія.

Неужели же можно требовать отъ него, чтобы онъ занялся составленіемъ аптечки?

А вѣдь тутъ-то его, предрасположеннаго ко всякимъ заболѣваніямъ разбитаго нравственно и физически, и ждутъ проклятыя простуды, насморки и головныя боли, которыя, благодаря отсутствію правильнаго леченія, почти постоянно переходятъ у учителя въ хроническія.

Вотъ тутъ особенно необходимы и безусловно цѣнны школьныя аптечки, при помощи которыхъ учитель можетъ наладить свое разстроенное здоровье.

Онѣ будутъ неоцѣненнымъ подспорьемъ для него и на всю послѣдующую трудовую жизнь.

Пойдемъ далѣе.

Земствомъ распространяются и даже издаются брошюрки медицинскаго характера, гдѣ трактуется о способахъ оказанія первой помощи заболѣвшему до прибытія врача.

Брошюрки эти, — которыя, кстати сказать, хотя предназначаются спеціально для народа, но безусловно необходимы и для учителей, — присылаются въ школы для распространенія среди грамотнаго населенія школьнаго района.

Этимъ фактомъ школа какъ бы приглашается на стражу народныхъ интересовъ въ дѣлѣ медицинской помощи, и учитель, слѣдовательно, не имѣетъ права отказать въ первой доврачебной помощи обратившемуся къ нему мужику. А какъ, скажите, онъ сдѣлаетъ это безъ необходимыхъ лѣкарствъ, которыя при оказаніи первой помощи играютъ, безъ сомнѣнія такую же важную роль, какъ и при оказаніи „послѣдней“, т. е. успокаиваютъ больного, придаютъ ему надежду на благоприятный исходъ.

Съ этой же самой цѣлью, т. е. для оказанія первой помощи, эти аптечки будутъ опять же необходимы для самихъ учителей.

Здоровье учениковъ, которое также важно для правильнаго хода занятій, какъ и здоровье учителей, въ сельскихъ школахъ, какъ извѣстно, не отличается особенной крѣпостью по причинамъ тоже всѣмъ извѣстнымъ.

Здѣсь играютъ роль и школьное зданіе, и скверная рваная одежда, и дырявая обувь, нисколько не защищающія ребенка отъ дѣйствія непогоды въ дождливые, грязные осенніе и весенніе дни и въ лютыя морозныя зимы.

Слѣдовательно инфлюэнца, лихорадки, головныя и зубныя боли процвѣтаютъ и здѣсь и, подкрѣпленные еще разнаго рода ранами и ушибами являются настоящимъ бичемъ школы.

А кто же поможетъ имъ, маленькимъ труженикамъ, какъ не

учитель, этотъ, по выраженію одного опытнаго педагога, „старшій дѣтямъ товарищъ и истинный другъ?“

Слѣдовательно аптечки и для учениковъ являются самымъ необходимымъ и важнымъ элементомъ, настолько же необходимымъ, какъ напри- мѣръ шведскіе счеты или арифметическій ящакъ.

Резюмируемъ все сказанное.

Для улучшения постановки медицинскаго дѣла въ школахъ я считаю необходимымъ, во-первыхъ: чтобы врачи, даже сосѣднихъ уѣздовъ и губерній, являлись въ школы по первому требованію учителей и безвозмездно лечили ихъ и вторыхъ: чтобы по возможности при всѣхъ школахъ¹⁾ были организованы аптечки, которыя будутъ использованы учителями какъ для себя, такъ и для учениковъ и крестьянъ для послѣднихъ—въ крайнемъ случаѣ.

Теперь нѣсколько словъ о томъ, какъ составлять эти аптечки и какіе медикаменты будутъ входить въ нихъ.

Для этого каждая земская управа должна поручить одному изъ своихъ врачей составить каталогъ болѣе частыхъ и легкихъ болѣзней, при которыхъ не требуется немедленной помощи врача и, параллельно съ этимъ, — списокъ лѣкарствъ, необходимыхъ для успѣшной борьбы съ каждой данной болѣзью.

Не мѣшало бы эти каталоги отпечатать въ видѣ небольшой брошюрки съ указаніемъ при какой болѣзни какими средствами пользоваться.

Въ общемъ эти аптечки будутъ подобны тѣмъ, которыя употребляютъ въ настоящее время на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ, но нѣсколько обширнѣе.²⁾

Особенно усиленнаго расхода для земства эти аптечки не составятъ, такъ какъ необходимое количество медикаментовъ можно будетъ *постепенно* удѣлять изъ наличнаго запаса земскихъ больницъ, что и для послѣднихъ не покажется особенно тяжелымъ.

А. Муравлевскій.

¹⁾ Даже при тѣхъ, которыя находятся въ непосредственной связи (по разстоянію) съ больницами, ибо г.г. врачи, неизвѣстно по какимъ причинамъ, весьма скупаются при выдачѣ лѣкарствъ. Такъ одна учительница Б-го уѣзда жаловалась, что докторъ отпустилъ ей борной кислоты только „на заварку“, между тѣмъ посыльный, который ходилъ туда, взялъ съ нее 10 коп. На 10 копеекъ, даже по аптекарскимъ цѣнамъ, дадутъ борной столько, что смѣло хватить на исцѣленіе десяти горлъ.

²⁾ Необходимо приложить термометръ, гигроскопическую вату и марлю для наложенія бинтовъ, клеенку для компрессовъ и увеличить число лѣкарствъ.

Памятникъ О. П. Гаазу—въ Москвѣ.

СМѢСЬ.

Молитва Кеплера. Знаменитый астрономъ Кеплеръ, заканчивая свой послѣдній ученый трудъ, помѣстилъ въ немъ такую молитву: „Прежде чѣмъ оставить этотъ столъ, за которымъ я совершилъ всѣ свои изслѣдованія, мнѣ остается только, возведя очи къ небу и поднявъ руки, поблагодарить Творца вселенной за Его милосердіе ко мнѣ. Великій Боже! Ты распространяешь свѣтъ свой на землю и, поднимая насъ къ источнику Твоей благодати, уготовляешь намъ мѣсто въ лучахъ Твоего свѣта... Благодарю Тебя за всѣ тѣ радости, которыя я испыталъ въ созерцаніи Твоихъ дѣлъ... Вотъ я окончилъ эту книгу въ которой заключаются результаты всѣхъ моихъ трудовъ. Я вложилъ въ нее всѣ способности, какими Ты меня надѣлил. Я сообщилъ людямъ о величій Твоихъ дѣлъ: я имъ далъ всѣ объясненія, какія мой конечный умъ позволилъ мнѣ объять безконечное... Я употребилъ всѣ старанія для того, чтобы подняться до истины; но если—я ничтожный червякъ, рожденный и взросій въ грѣхъ, сказалъ что нибудь недостойное Тебя, тогда, о Боже, научи меня, какъ исправить ошибку!.. Я молю Тебя не допустить меня до самообольщенія этимъ трудомъ, который посвященъ Твоей божественной славѣ! Боже, прими меня въ лоно Твоей благодати и даруй мнѣ милость, чтобы трудъ никогда не послужилъ для зла, но лишь для прославленія Твоего имени и для спасенія душъ...“

Огненное озеро. Въ сосѣдствѣ городка Нассау, на островѣ Бережливость, принадлежащемъ къ Багамскому архипелагу, въ Америкѣ, находится небольшое невидное озеро, имѣющее едва $\frac{1}{2}$ кв. километра поверхности и соединенное съ моремъ каналомъ въ 500 метровъ длинны. Озеро это закрыто отъ морского берега высокой травой, а владѣлецъ еще окружилъ его стѣной. Днемъ никто не заглянетъ на озеро, но какъ только спустятся сумерки, изъ города и окрестностей пѣшкомъ и на повозкахъ является много лицъ, чтобы за плату въ 2 шиллинга проникнуть за стѣну и полюбоваться великолѣпнымъ и въ тоже время необыкновеннымъ явле-

ніемъ природы. Дѣло въ томъ, что какъ только вода заколышется, она словно начинаетъ свѣтиться; каждая капля воды, падая, сильно отливаетъ серебрянымъ свѣтомъ. Тотчасъ появляется негръ, который вскакиваетъ въ воду и возыма въ ней, чѣмъ и вызываетъ это свѣщеніе, которое такъ сильно, что вблизи можно разобрать время на часахъ. То-же самое свѣтовое явленіе вызываютъ и рыбы, выскакивающія изъ воды въ логонѣ за наѣтками. Это чудное свѣщеніе движущейся воды продолжается цѣлый годъ, за исключеніемъ дождей, когда оно прекращается на нѣсколько дней. Причиной этого явленія служитъ микроскопическое растеніе „*rug binium behemense*“, которое въ названномъ озерѣ находится въ огромномъ количествѣ. Это свѣщеніе связано съ извѣстной степенью солоноватости воды почему и прекращается послѣ дождя и начинается снова, когда благодаря испаренію солоноватость воды достигнетъ необходимой степени.

Подземная газета. Подземное движеніе въ Лондонѣ принимаетъ колоссальные размѣры. Въ ближайшемъ будущемъ придется прорывать въ столицѣ Англій цѣлыя подземныя улицы, такъ какъ свободно двигаться по надземнымъ становится все труднѣе, а иногда и прямо невозможно. Въ прошлый годъ подземными желѣзными дорогами Лондона было перевезено всего 240 милліоновъ пассажировъ. Телеграфы, телефоны, кафе, парикмахерскія и всѣ службы, относящіяся къ этимъ желѣзнымъ дорогамъ, построены также подъ землей. Теперь къ нимъ прибавилось еще новое учрежденіе — „подземная газета“. Газета эта именуется „Кротъ“; на заглавномъ листкѣ ея красуется въ видѣ эпиграфа цитата изъ Гамлета: „Браво, старый кротъ! Ты славно роешь землю!“. Въ подземной газетѣ всѣ статьи посвящены городскимъ подземнымъ и надземнымъ желѣзнымъ дорогамъ, театрамъ, достопримѣчательностямъ Лондона и окрестностей и т. п.

Монастырская лѣчебница. Въ Москвѣ заботами игуменьи Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря м. Антоніи при монастырѣ открыта бесплатная лѣчебница для бѣдныхъ. Приемъ ежедневно по всѣмъ болѣзнямъ. Выдачей лѣкарствъ завѣдуетъ сама игуменья, а обязанности сестеръ милосердія несутъ монахини монастыря. Въ лѣчебницу стекается ежедневно по нѣскольку сотъ больныхъ обоого пола за медицинскою помощію.

Растительное молоко. По вопросу объ удешевленіи пищевыхъ продуктовъ „Южн. Край“ сообщаетъ интересныя данныя. Въ Китаѣ молоко животныхъ употребляютъ очень мало; климатъ и почвенныя условія весьма неблагоприятны для содержанія скота и молоко очень дорого. Его замѣняютъ „растительнымъ молокомъ“, которое готовятъ изъ зеренъ соя или китайскаго гороха. По цвѣту и по вкусу растительное молоко весьма напоминаетъ коровье молоко и по химическому анализу оказывается настолько же питательнымъ. Но оно въ 20 разъ дешевле коровьяго молока и потому вполне дѣсточно бѣдному классу. И въ Китаѣ и въ Японіи весь народъ питается растительнымъ молокомъ.

Зерна этого растенія служатъ также для приготовленія разныхъ сортовъ сыра, который служитъ главною частью питанія китайцевъ и японцевъ; его употребляютъ каждый день, какъ главное кушанье.

Полмилліона за горло. Знаменитая пѣвица Патти продала нѣсколькимъ лицамъ свое горло за $\frac{1}{2}$ -милліона марокъ (марка—около 50 к.). Между пѣвицей и покупателями заключено условіе, по которому послѣ

ея смерти горло ея переходитъ въ собственность этихъ лицъ, намѣреющихся произвести изслѣдованіе его строенія, чтобы разгадать тайну жественныхъ звуковъ, издававшихся этимъ горломъ.

Потѣшное войско. Какъ сообщаетъ „Карсъ“, по карскому гарнизону отдано слѣдующее весьма интересное приказаніе: „Для развлеченія дѣтей полезными для здоровья и въ интересахъ воспитанія забавами, а также для привитія молодому поколѣнію любви и уваженія къ военной службѣ, въ крѣпости организуется „карское потѣшное войско“, подъ личнымъ попеченіемъ коменданта крѣпости. Дѣти мальчики будутъ развлекаться строемъ, гимнастикой и попутно пріучаться къ военной дисциплинѣ и заучивать главныя свѣдѣнія, обязательныя для каждаго солдата. Старшіе будутъ вооружены деревянными ружьями, младшіе—пиками и флажками. Пріемъ въ войско будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія коменданта. На первое время будетъ принято не болѣе 40 дѣтей. Для зачисленія въ войско требуется: 1) возрастъ отъ 7 до 14 лѣтъ; 2) понимать и говорить по-русски; 3) обѣщать быть послушнымъ мальчикомъ“.

Музыкальные вкусы коровы. Въ штатѣ Висконсинъ, на обширной молочной фермѣ, музыка примѣняется, какъ способъ для увеличенія и улучшенія молока. Для этого хозяйка начинаетъ играть на мандолинѣ и пѣть. Наибольшею популярностью среди коровъ пользуются чувствительные романсы и старинныя народныя пѣсни. Впрочемъ, это любимый репертуаръ „взрослыхъ“ коровъ. Молодыя коровы—любительницы новѣйшихъ романсовъ и преимущественно веселой музыки. Но самымъ благодарнымъ мотивомъ, въ смыслъ увеличенія молока, является одна изъ арій оперы „Кармень“, производящая на коровъ неотразимое впечатлѣніе.

Стояль осенній денъ.
 романсъ
 Покъшываетъ Владимиру Среетовуру Люберовъ.
 Слова А. В. Курлова. Музыка О. П. Бахмутской.

rit.

Andantino.

Сто. дѣль въ сѣн. ний денъ, бла. во. у. ка дѣ. ро. зѣ

На не. бѣ ло. су. бѣмъ не. ри. мѣмъ об. ла. ки и въ. но. ва. мѣ

mf

гѣмъ о гѣмъ то вѣдъ. гѣмъ гѣмъ. и

rit.

въ сѣрдъ гѣмъ аумъ на зъ гѣмъ. гѣмъ. на. аѣ. то. сѣмъ

Да-вно про-шла ве-сна и о-бла-та-ми го-зи,

без-суд-но про-не-силь-но не-бу-о-дла-но и не-ба-муд-но

гид-о-ген-то-суд-но-го-зе-сил-но-но-не-суд-но

ritard. p.
а-ма-ла-а-м-са.

Почта „Дневника Писат

Многимъ подписчикамъ. Мы шадимъ я не называеи подписыв. редакторомъ подь новымъ журналомъ, о которъ щаете. Но онъ же подписывался подь другимъ, который массу премій и. не далъ ничего, кромъ 2—3 №№. Новыя тутъ, какъ грибы, общають сотни приложений... и на ! простакн, а потомъ жалуются на то, что ничего не получ много такихъ „жалобницъ.“ Что сказать? Одно—наказай желающая получить за рубль товару на сто!

Редакци „Христіанина“. Мы уже много разъ писали, ничего противъ перепечатокъ изъ нашего изданія, но пр вать на нашъ журналъ. Вы опять перепечатали, безъ вся стих. Трефолева. Едва ли это допустимо какой либо этике лье христіанской. Пора бы завѣдующему журналомъ пер дить подь неприятность епископа Евдокима,—ибо мы увѣ дѣляется безъ его вѣдома.

Г—му Статьи безъ конца—не читаются.

Списокъ непринятыхъ статей будетъ напечатанъ в

Секретарь редакци **М. Оръши**

Редакторъ-издатель **А. В. КФ**